

А.А. Файзуллаев

**МОТИВА-
ЦИОННАЯ
САМО-
РЕГУЛЯЦИЯ
ЛИЧНОСТИ**

• ФАН •

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
КАФЕДРА ФИЛОСОФИИ

А. А. ФАЙЗУЛЛАЕВ

МОТИВАЦИОННАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ ЛИЧНОСТИ

Ташкент
Издательство «Фан» Узбекской ССР
1987

В монографии впервые обобщены системные идеи в изучении мотивационной сферы личности, выделены и раскрыты функционально-генетические этапы формирования мотивов, проведен сравнительный анализ системных и аддитивных свойств мотивационной сферы человека, выявлены разные мотивационные кризисные состояния, возникающие в результате блокировки этапов формирования мотивационных образований, изучены процесс объективации мотивационных явлений, основные стратегии и психологические способы регуляции субъектом своей мотивации. Даны практические рекомендации по осуществлению адекватной и эффективной мотивационной саморегуляции личности.

За рукопись монографии автору присвоено звание лауреата девятого Всесоюзного конкурса молодых ученых и специалистов по общественным наукам. Для психологов, философов, педагогов и социологов.

Ответственный редактор

доктор психологических наук Л. И. АНЦИФЕРОВА

Рецензенты: доктор философских наук К. А. АБУЛЬХАНОВА-СЛАВСКАЯ, доктор психологических наук М. Г. ДАВЛЕТШИН, кандидат философских наук В. В. ПЛАТОНОВ

0304000000—3413
Ф М 355 (04)—87 5—87

© Издательство «Фан» Узбекской ССР, Ташкент, 1987 г.

ВВЕДЕНИЕ

Задача ускорения социального и экономического развития страны требует решительного подъема человеческого фактора во всех сферах общественного бытия. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза указано: «Политика дает нужные результаты, когда она строится на точном учете интересов классов, социальных групп, личности. Если это верно с точки зрения управления обществом, то тем более верно в идеологическом, воспитательном плане» (4, с. 111).

Изучение особенностей интересов, потребностей и других внутренних мотивационно-побудительных факторов поведения и деятельности людей представляет собой важнейший аспект современного человекознания, имеет ключевое значение для понимания психологии личности. Знание и учет свойств мотивационной сферы личности необходимы и для эффективного решения комплекса задач, связанных с формированием нового человека. В условиях научно-технической революции, обострения идеологической борьбы между двумя мировыми социальными системами интерес к проблеме мотивации поведения человека возрастает, поскольку ее решение имеет актуальное научное, практическое, воспитательное и идеологическое значение. Не понимая особенностей строения мотивационной сферы человека, невозможно добиться соответствующей перестройки психологии людей.

Вопросы о движущих силах поведения и деятельности человека, личностной саморегуляции, имеющие фундаментальное значение как в общечеловеческом плане, так и в плане индивидуального бытия каждой личности, всегда волновали людей. Эти проблемы остро занимают и современную психологическую мысль.

Одной из характерных особенностей психологии XX в. является неуклонный рост интереса к проблеме личности. Мотивационная сфера личности как стержневое звено ее психологической организации сфокусировала в себе всю сложность и противоречивость человеческой природы. Несмотря на определенные достижения в изучении этой сложнейшей сферы, в целом она не является еще достаточно исследованной. Однако сам факт все большего обращения

к ней философов, психологов, социологов, педагогов, физиологов и других исследователей является знаменательным.

Изыскания по проблемам мотивации характеризуются наличием многочисленных, часто противоречащих друг другу теоретических концепций, разнообразием экспериментальных методик, широтой охвата изучаемых явлений. Для психологии область мотивации простирается от исследования таких психофизиологических явлений, как жажда, голод и других, до анализа причин социального поведения личности, групповых мотивационных феноменов. Более того, весь спектр психологических исследований в той или иной степени имеет значение для раскрытия механизмов мотивации — ведь психика во всем ее объеме участвует в детерминации человеческого поведения. В целом можно сказать, что современной психологии присущ скорее аспектный подход к проблемам мотивации, нежели поиск единой теории мотивации.

Каждый этап в развитии науки на первый план выдвигает определенные проблемы. Сейчас все больше психологов не только осознают, но и приступают к практическому изучению человека как субъекта своего поведения и внутреннего мира. Подход к человеку как к пассивному объекту воспитания, внешних обстоятельств и судьбы все более отходит от генерального направления развития современной психологии. Проблема личности как субъекта жизнедеятельности на первый план выдвигает и проблему саморегуляции личности. В настоящее время ведутся исследования по моральной, поведенческой, психофизиологической и другим видам саморегуляции человека. Принцип саморегуляции как коллективный методологический принцип советской психологии (7, с. 276—277) требует своего дальнейшего развития и в области мотивационных проблем. Проблема мотивационной саморегуляции личности, то есть регуляции личностью своих мотивационных процессов и состояний, и посвящено данное исследование.

Кроме традиционного психологического материала — данных эмпирических и теоретических исследований, психолого-биографических и других сведений для нас важное значение приобретают исследования по системному подходу. В настоящее время, когда особенно возрастает значение разработки методологических проблем психологии, ее принципов, категорий, понятийного аппарата в целом» (120, с. 35—36), обращение к системному подходу является закономерным этапом развития психологической науки. Ценность системного подхода как методологического инструмента науки заключается не только в способствовании углубленному исследованию сложноорганизованных объектов, но и в ином освещении проблемы, в постановке новых задач, и, что особенно важно для современной психологии, в обобщении большого количества накопленного эмпирического и теоретического материала.

Характер постановки задачи в любой отрасли науки был бы искусственным, если бы данная задача не была обусловлена внутренним ходом развития самой научной дисциплины. Можно сказать

что системные представления вытекают из самого характера некоторых мотивационных явлений. Подтверждением тому, как мы стараемся показать, выступают механизмы мотивационной саморегуляции личности.

Идея нашего исследования предполагает реализацию онтогенетического и функционально-генетического подходов к изучению мотивации, обращение к процессам мотивационной саморегуляции в жизнедеятельности личности.

ГЛАВА I. СИСТЕМНАЯ РЕФЛЕКСИЯ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ И ПРОБЛЕМА МОТИВАЦИИ

Чрезвычайная сложность предмета психологии, а также трудности развития системного подхода обуславливают ряд проблем в его реализации в психологии. Э. Г. Юдин отмечал: «С одной стороны, психология представляет собой дисциплину, которая является, пожалуй, наиболее благодатной для применения системных идей (наверное, нет объекта более системного, чем психика). С другой стороны, до последнего времени системный подход в узком смысле этого слова не нашел широкого распространения в рамках этой дисциплины» (40, с. 214). За прошедшие со времени этого высказывания четырнадцать лет в применении системного подхода в психологии сделан существенный шаг вперед. В сегодняшней психологии многое невозможно представить без системных идей. Само понятие системы, как отмечает Л. Берталанфи, стало одним из ключевых понятий современной психологии (223). Однако в современной психологической науке все еще не установлено единое понимание системного подхода, его задач и конкретных способов реализации.

В литературе можно встретить различные суждения о назначении системного подхода в психологии. Так, по мнению некоторых авторов, системный подход призван объединить все более дробящуюся психологическую науку, должен стать инструментом дальнейшего развития психологии (121, с. 44), может устранить недостатки традиционных методов психологии (53, с. 155). В то же время другие авторы отмечают нецелесообразность применения системного подхода в любом психологическом исследовании (69, с. 136) или же его ограниченные возможности в изучении, например, психологии личности (25, с. 140).

Была высказана мысль, что системный подход является одним из предварительных условий математизации знания, в том числе и психологического (183, с. 45). Но, как известно, не все исследователи согласны с условием обязательного выхода системного подхода в математику, особенно в психологию. Звучит и призыв избежать абсолютизации момента целостности в понимании природы субъекта (153, с. 27). Нецелесообразность сведения системного подхода к его аспектам или отдельным понятиям неоднократно отмечалась в литературе (88, с. 30—31). Но все же в настоящее время в психо-

логии преимущественное развитие получили структурно-уровневые аспекты системного подхода, в то время как, например, генетический и динамический аспекты очень мало разработаны. Нет также единого мнения по поводу системного анализа и системного описания в психологии. Недостаточно изучен вопрос о единицах системного анализа и описания в психологии. Поэтому вполне естественно, что, отмечая задачи психологической науки, в передовой статье журнала «Вопросы психологии» за 1979 г. указывалось, что особое место должно быть уделено проблеме системного подхода в психологии (144).

Сейчас еще трудно оценить со всей полнотой и конкретностью достижения и выявить перспективы применения системного подхода в психологии. Вполне возможно, что уже в недалеком будущем появятся новые формы целостных исследований. Но, как бы там ни было, ясно, что «разработка системного подхода еще далека от завершения и потребует несравненно большего времени, чем казалось по оптимистическим прогнозам» (78, с. 80). Учитывая все сказанное, для нас важно определить задачи, принципы и стратегию системного подхода к психологическим явлениям, в частности — к мотивационной сфере личности.

Системный подход и психология

Уже в античной психологии существовали интуитивные представления о целостности, системности психического. Многие психологические теории прошлого пользовались теми или иными категориями современного системного подхода. Однако, как правило, эти теории изучали отдельные аспекты психических явлений и в большинстве случаев распространяли свои положения на все другие аспекты психики, сводя тем самым все ее многообразие к отдельным понятиям и категориям.

Ассоцианистская психология, в которой более высшие психические процессы сводились к простой сумме низших процессов, являлась наиболее ярким примером антицелостного понимания психической деятельности. Гештальтпсихология, как отмечает Л. Берталанфи, первой выступила против механистических схем объяснения психического (222, с. 6) и по-своему подняла вопрос о целостности психического. Закон гештальта означал несводимость высших психических явлений к низшим.

Примечательно, что и до появления системного подхода в современной форме некоторые ведущие ученые, объясняющие психическую деятельность как в соответствии с законами физиологии, так и на основании социальных законов, высказывались за системный метод научного исследования. В этом плане знаменательны слова И. П. Павлова о том, что «человек есть, конечно, система (грубее говоря, — машина), как и всякая другая в природе, подчиняющаяся неизбежным и единым для всей природы законам; но система, в горизонте нашего современного научного видения, единственная по

высочайшему саморегулированию» (148, с. 187). Л. С. Выготский, создатель культурно-исторической теории в психологии, также отмечал: «Высшие функции строятся как системы и страдают, и вызывают страдания друг друга как системы и как части систем» (65, с. 94). Однако, именно благодаря современному системному движению в науке, имплицитно понимаемая целостность психики перешла на эксплицитный уровень. На развитие системного подхода в психологии повлияли и появление кибернетики, теории информации. Многие понятия кибернетики, теории информации и теории систем играют важную роль в современной психологии.

Существуют различные формы системных исследований — системный подход, общая теория систем, системный анализ, исследование операций и т. д. Кроме того, имеется и принцип системности, который, будучи философским принципом, объединяет философские идеи о целостности и системности (39, с. 42; 167, с. 15). Для психологической науки наибольший интерес представляют идеи системного подхода, принципа системности и общей теории систем.

Общая теория систем занимается закономерностями структурирования, функционирования и развития всех явлений и предметов, представляющих собой системы. В настоящее время нет общепризнанного определения понятия системы. В. Н. Садовский в своей книге приводит около сорока различных определений систем (166, с. 93—99). Но при всех различиях в определениях существует и ряд основополагающих, общепризнанных характеристик, на которые в дальнейшем мы и будем опираться. Это, в первую очередь, **взаимосоотнесенность компонентов**, составляющих систему. Взаимосоотнесенность компонентов выражается в их структурной и функциональной иерархии, в специфических системных связях между ними.

Многие авторы указывают на такой основной момент в организации системы, как взаимодействие между компонентами. Однако, как справедливо подчеркивал П. К. Анохин, не простое взаимодействие, а только **взаимосодействие** компонентов друг с другом может образовать систему (18, с. 49—104). Система не может быть не функциональной, а целостная функция системы всегда является результатом не хаотического взаимодействия компонентов между собой, а их **взаимосодействия**. На это указывает и В. Д. Щадриков: «Система всегда носит функциональный характер, поэтому понятия «система» и «функциональная система» следует понимать как синонимы» (204, с. 29).

Как правильно подчеркивает В. П. Кузьмин, «само выделение реальной системы, определение ее как конкретного взаимосвязанного целого создает определенную логику и методологию ее качественного исследования, вырабатывает системоцентрический взгляд на явления» (104, с. 11). Принятие нами положения о функциональной интегрированности системы обуславливает весь характер изучения проблемы системных свойств мотивационной сферы личности.

В самом общем виде под системным подходом понимается подход к объекту исследования как к определенному целостному обра-

зованию, состоящему из взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов. Сама система, в свою очередь, является компонентом более широких систем окружающей среды. Система не аддитивна, то есть не сводится к простой сумме своих компонентов. Поэтому основной момент системного подхода — это исследование связей и отношений между компонентами системы. Важное значение имеет и определение особого, системного качества, которое создается в результате взаимоотношений компонентов. Системный подход предполагает также выявление характера взаимосвязей системы и среды, системы и компонентов, изучение структуры и функции, уровней функционирования компонентов и подсистем, взаимоотношений структурных уровней системы и т. д. В разных системах связей и отношений с действительностью могут актуализироваться различные свойства системы. Определение системы свойств изучаемого явления представляет собой важную сторону системного исследования.

Еще один аспект системного подхода — системное описание. Системное описание как один из основных результатов системного исследования может допустить весьма свободный выбор содержательных и формальных средств (67, с. 17). Такие понятия, как связь, отношение, элемент, среда, целостность, структура, организация, множество и другие, отражают внутреннее строение системы. Функционирование системы определяется следующими понятиями: функция, устойчивость, равновесие, регулирование, обратная связь, гомеостазис, управление, самоорганизация, централизация и т. д. Понятия генезиса, эволюции, подвижности, становления, эквифинальности, телеономичности, динамичности, запаздывания и другие участвуют в описании развития системы (40, с. 183; 64, с. 6). В. А. Ганзен отмечает: «Совокупность системных категорий — функция, структура, свойство, процесс, акт, состояние — может рассматриваться как системный базис для описания многих (если не всех) психических феноменов» (66, с. 90). Отмеченные понятия как определенный формализованный язык для описания предметов и явлений, представляющих собой системы, имеют и недостатки. Так, описание с их помощью, хотя и дает некоторую объяснительную схему работы психического, не может служить для качественной характеристики психических явлений.

В психологии остро стоит вопрос соотношения предметного содержания и языка описания психических явлений. Категориальный аппарат системных исследований скорее дает общую модель для дальнейших собственно психологических описаний, чем выполняет функцию описания тончайших психических процессов. Но «без опоры на предметное содержание выдвигаемые общие положения лишаются системного характера» (78, с. 80). Иными словами, адекватное системное описание психического можно получить только тогда, когда удастся органически соединить форму и само содержание описываемых психических явлений.

Специальную же работу, направленную на системное описание

психических явлений с помощью вышеуказанных понятий, целесообразно проводить лишь для получения определенных формализованных представлений. В этом плане можно привлечь и такие, выделенные в общей теории систем принципы, как принципы прогрессивной дифференциации, сегрегации, механизации и организации (64), описать явления по таким свойствам системы, как целостность и обособленность, прогрессирующая изоляция, систематизация и централизация (197). Однако исследовательская функция подобного описательного принципа также ограничивается направленностью на получение формализованных моделей становления психических систем.

Как уже было отмечено, в настоящее время не установилась единая, общепринятая процедура реализации системного подхода в психологии. Системный подход, включая все его аспекты, — это как глобальное исследование, требующее решения огромного количества задач. Поэтому при изучении какого-либо явления исследователи берут, как правило, отдельные аспекты системного подхода. В нашей работе мы затрагиваем преимущественно такие стороны системного подхода к мотивации, как изучение связей и отношений между мотивационными явлениями, уровнями строения мотивационной сферы личности, формирование системы качеств мотивационных единиц, функциональной системы мотивов и т. д.

Рассмотрим теперь различные точки зрения по поводу особенностей системного подхода в психологии. В советской науке вопрос о широком привлечении системного подхода в психологию был поставлен Б. Ф. Ломовым. Он прямо указывает, что «природа психического может быть понята только на основе системного подхода, то есть рассмотрения психического в том множестве внешних и внутренних отношений, в которых оно существует как система» (121, с. 40). Отсюда вытекает необходимость изучения психическо-го через анализ всех социальных, биологических и физических систем, к которым человек принадлежит (121, с. 36—38). Эта мысль Б. Ф. Ломова непосредственно связана с принципиальными положениями, разработанными в советской психологии С. Л. Рубинштейном и Б. Г. Ананьевым: первый из них подчеркивал включенность психики и самого человека в разные системы существенных для них связей и отношений, отмечая, что в каждой из них сам человек и психические явления выступают в разных качествах (162); второй указывал на многообразные подходы к изучению человека и его психики вследствие нахождения его в тех или иных системах связей (16). Таким образом, системный подход, за который выступает Б. Ф. Ломов, прежде всего направлен на выявление всего качественного многообразия психических явлений. В соответствии с этим для нас также имеет важное значение определение системных качеств мотивационных явлений.

Отмеченное понимание системного подхода находит отражение во многих конкретных исследованиях советских психологов (54 и др.). Но такой системный подход с необходимостью предполагает

адекватные методы исследования разнообразных качеств психического, а также соотнесения между собой всех выделенных качеств. Здесь нет каких-либо строго формализованных требований и специально разработанного концептуального аппарата в проведении системного исследования.

Будучи методологическим ориентиром в исследовании, системный подход в психологии предполагает и ряд принципиальных моментов, имеющих значение для конкретной научно-исследовательской деятельности. Согласно Б. Ф. Ломову, это — многомерность, многоуровневость, иерархичность психического, разнорядковость психологических свойств человека, системность детерминации психических явлений, смена системных оснований в ходе развития психического (121). Отмеченные моменты можно рассматривать как своего рода принципы системного подхода в психологии, которые могут найти применение и в изучении мотивационной сферы личности. Такого рода принципы указывают на общую направленность исследования, но еще не обеспечивают конкретного проведения системного исследования.

А. А. Братко предлагает следующую общую стратегию применения системного метода в психологических исследованиях, заключающуюся в последовательном уяснении задач:

специфики основных закономерностей, объединяющих элементы (компоненты психики) в систему психической деятельности; структуры функционирования психических систем;

принципов функционирования психических систем; связи функционирования психических систем с условиями, обеспечивающими устойчивость и надежность;

иерархии уровней психических систем, их взаимодействия и связи, определения места системы психики в иерархии систем объективной действительности;

обобщения данных психологических исследований, объяснения этих данных на основе оценки психики как системы, взаимодействия с другими системами (53, с. 157—158). В этой стратегии исследования действительно охвачены основные моменты системного подхода. Можно лишь указать на отсутствие необходимости

определения системных качеств психических явлений. Порядок же исследования, отмеченный А. А. Братко, может быть изменен в соответствии с целью психолога.

Г. Е. Журавлев отмечает: «Основные представления системной психологии группируются вокруг трех пунктов: 1) элементы (единицы) описания психического, 2) структуры, образуемые этими элементами, 3) причины и закономерности изменения структур» (78, с. 66). В этом подходе удачно и лаконично подчеркивается центральный момент системных исследований — выделение единиц психологического анализа и изучение связей и отношений между ними.

Системные исследования могут иметь свою специфику в разных отраслях психологической науки. Например, такой аспект системного исследования, как блочное описание изучаемого явления, бо-

лее всего представлен в инженерной психологии, в то время, как в других отраслях психологической науки его возможности проявляются менее эффективно. Для нас особый интерес представляют особенности применения системного подхода в области психологии личности. В настоящее время в психологии положение о системной организации личности стало общепризнанным, хотя в конкретном его понимании имеются и разногласия. В советской (7, 19, 20, 21, 25, 34, 118, 119, 147, 151, 152, 156, 159, 204, 210, 216 и др.) и зарубежной (217, 218, 222, 223, 237 и др.) психологии системные представления находят отражение в исследовании различных аспектов строения, функционирования и развития личности.

В чем же заключается эвристическая функция идей системного подхода в изучении психологии личности? Как отмечает Л. И. Анцыферова, системный подход в психологии личности позволяет поставить ряд новых исследовательских задач, например:

становление личности как необходимого, относительно самостоятельного и активного компонента более широких систем, в составе которых личность выполняет важные для жизнедеятельности этих систем функции;

характер связей и отношений между компонентами личностной системы (системообразующие, управления, регуляции, содействия, компенсации, нейтрализации, дополнения, соподчинения, коррекции и др.);

внутренняя упорядоченность, интегрированность личностной системы, ее иерархически-уровневое строение, вертикальная и горизонтальная структура, закономерности целостного функционирования и реорганизации;

связи между генетическими и функциональными уровнями личностной системы;

личностное развитие как системное диахроническое образование (25).

Эти исследовательские задачи охватывают различные аспекты системной природы личности. Вместе с тем здесь преодолен узкофункциональный подход к изучению психологии личности, то есть различные стороны, аспекты и функции психического не противопоставляются, а соединены в целостной системе. Выделяя же, например, проблему мотивационной сферы личности, мы должны иметь в виду, что эта сфера не является самостоятельно существующей, отграниченной подсистемой в структуре психики человека, а выступает как определенный «срез» всей психики в аспекте проблемы детерминации поведения и деятельности. Отмеченные выше системные понятия не подменяют специфический концептуальный аппарат психологии, а выступают как дополнительное средство объяснения и описания механизмов строения, функционирования и развития мотивационных явлений.

В зарубежной психологии также наметились некоторые тенденции в применении системных идей в психологических исследованиях. В основном эти исследования находятся под влиянием идей об-

щей теории систем Л. Берталанфи. Сам Л. Берталанфи, привлекая принцип открытой системы (то есть системы, стремящейся к динамическому, а не гомеостатическому равновесию со средой, к напряжению, поиску постоянной активности, обменивающейся информацией, и энергией со средой), выступил против механистических, гомеостатических моделей человека, распространенных в западной психологии (222, 223). На эти же идеи опирался Г. Олпорт, рассматривавший личность как открытую систему, стремящуюся к напряжению и развитию (217, 218). Ниже мы подробно остановимся на взглядах Г. Олпорта в аспекте исследования системных свойств мотивационной сферы личности.

Принципы общей теории систем были использованы и при попытке создания Дж. Миллером общей теории так называемых «поведенческих» систем (237). Согласно концепции этого исследователя, клетка, орган, индивид, группа и общество являются уровнями организации поведенческих систем. Дж. Миллер попытался найти общие закономерности функционирования этих систем и их элементов. Для этого он, наряду с положениями теории систем, привлек и идеи теории информации. Но, достигнув определенной степени формализованного описания отмеченных систем, их некоторых общих свойств, Дж. Миллер все же не смог своим методом объяснить качественное своеобразие каждой из этих систем. Отсутствие общественно-исторического подхода к социальным системам существенным образом обедняет выводы Дж. Миллера в содержательном отношении. Поэтому подобную попытку можно считать оправданной лишь в рамках моделирования частных свойств разнообразных функциональных систем.

Итак, мы рассмотрели различные мнения по поводу применения системного подхода в психологическом исследовании. Системный подход как современная научная форма целостного познания, как формализованный тип целостного изучения предметов и явлений все больше проникает в методологический арсенал нынешней психологии. Отсутствие общепринятого системного подхода в психологии на современном этапе обуславливает существование различных способов его реализации в конкретных исследованиях. Но в то же время, как мы показали выше, есть и ряд основополагающих моментов всякого системного подхода, которые в той или иной форме определяют исследовательскую методологию. Эти составные части и принципы системного подхода мы попытаемся применить в изучении особенностей мотивационной сферы человека, мотивационной саморегуляции личности.

Системные идеи в исследованиях мотивации личности

По мнению многих психологов, проблема мотивации является центральной проблемой психологии личности. Целостность психологической организации личности, определенная взаимосвязь лич-

ностного поведения и его движущих сил открывают широкие возможности для применения системного подхода в исследовании проблемы, системных отношений между мотивационными явлениями, полимотивированности поведения. Кроме того, такие интенсивно разрабатываемые сейчас проблемы, как изучение структуры мотивационной сферы, связи этой структуры с ее функцией и другие понятия, как «система мотивов», «мотивационная система», «системность мотивационной сферы» и другие, которые, как правило, своему содержанию являются системными проблемами. Однако понимаются на имплицитном уровне. То, что за этими понятиями в настоящее время эти исследования не развиты в рамках системного подхода.

В последнее время в психологии весьма распространены такие проблемы, как изучение структуры мотивационной сферы, связи этой структуры с ее функцией и другие понятия, как «система мотивов», «мотивационная система», «системность мотивационной сферы» и другие, которые, как правило, своему содержанию являются системными проблемами. Однако понимаются на имплицитном уровне. То, что за этими понятиями в настоящее время эти исследования не развиты в рамках системного подхода.

В современной психологии во многих теориях мотивации широко распространены уровневые идеи. Уровневая объяснительная схема является эффективным средством изучения сложной организации мотивационной сферы человека, рассмотрения взаимосвязей различных структурных мотивационных единиц. Однако следует отметить, что при разработке проблемы иерархических уровней мотивационной сферы личности методологический и концептуальный аппарат системного подхода привлекается еще недостаточно. В результате такой важный аспект проблемы, как внутриуровневые, то есть «горизонтальные» отношения между мотивационными явлениями, еще очень мало разработан в психологической науке. Лишь в рамках современного системного подхода, — отмечает М. С. Роговин, — между понятиями структуры и уровней наблюдаются актуальные предметные и логические связи (159, с. 40). Изучение структурных свойств уровней организации мотивационной сферы человека лежит в русле системного подхода в психологии личности.

Существуют и эксплицированные собственно системные исследования мотивации человека. Так, на основе теории функциональных систем П. К. Анохина изучались системные механизмы биологической мотивации (173); концепция функциональной автономии мотивов Г. Олпорта (217, 218) опирается на положения общей теории систем Л. Бергаланфи. По существу, системный характер имеют и некоторые исследования, посвященные развитию мотивационной сферы личности в онтогенезе (30, 42, 114, 201 и др.). Кроме того, благодаря трудам А. Н. Леонтьева, А. В. Запорожца, Л. И. Божович и других советских ученых, в нашей психологии утвердилось положение о том, что в дошкольном возрасте различные разрозненные, ситуационно обусловленные побуждения ребенка превращаются в определенную систему, иерархию мотивов. Однако связи и отношения между мотивационными явлениями, механизмы их интеграции, объединения в систему еще недостаточно изучены.

Итак, в настоящее время системные идеи нашли некоторое отражение в изучении особенностей мотивационной сферы личности. Можно отметить следующий круг вопросов, где системные идеи стали неотъемлемой частью исследования мотивации. Это — вопросы иерархического строения мотивационной сферы личности, иерар-

Отмеченные вопросы являются взаимосвязанными, они взаимно проникают друг в друга. Но в то же время следует более четко разграничить их. Например, нам представляется, что иерархия мотивов и иерархическая организация мотивационной сферы в целом тождественны между собой, поскольку в мотивационной сфере кроме мотивов имеются и другие мотивационные переменные. Рассмотрим выделенные проблемы подробнее. Прежде всего попытаемся выяснить, какой смысл вкладывают авторы в такие понятия, как «мотивационная система», «система мотивов», «системность мотивационной сферы». Это позволит определить отношение к проблеме мотивации. В отношении проникновения системных идей в проблему мотивации. «Мотивационная система», в отличие от мотивационной сферы, предполагает определенную организованность, целостное образование. Существуют различные представления о целостности, компонентах мотивационной системы.

В советской психологии, в аспекте мотивационной системы, особенно можно отметить работы В. Г. Асеева, который развивает мысль о том, что в процессе онтогенетического формирования мотивационной сферы человека обнаруживает тенденцию к системному разложению. Эта тенденция, по мнению В. Г. Асеева, выражается в интеграции, объединении стихийно формирующихся побуждений в более крупные мотивационные единицы (30, с. 50). Подобная интеграция понимается В. Г. Асеевым как содержательно-смысловая и динамическая соотнесенность побуждений друг с другом. В качестве единицы мотивационной системы (так же, как и мотивационной сферы) В. Г. Асеев берет понятие побуждения, обозначая его, как он пишет, такие мотивационные явления, как мотив, потребность, интерес, стремление, цель, идеал, влечение, мотивационная установка и т. д. Таким образом, В. Г. Асеев допускает возможность существования системных отношений между различными мотивационными явлениями — видами побуждений. При таком рассмотрении компонентами мотивационной системы являются побуждения.

Большое внимание В. Г. Асеев уделяет структурному строению мотивационной сферы личности. Также отмечаемые им структурные свойства мотивационной сферы человека, как рядоположенность ситуационных и импульсивных побуждений, высокая содержательная и динамическая соотнесенность личностных побуждений между собой, имеют важное значение в изучении системных характеристик мотивации. В своем исследовании мы опираемся на эти

положения и попытаемся развить их с точки зрения системного подхода.

В зарубежной психологии также можно встретить мнения о «мотивационной системе». К этому вопросу с бихевиористских позиций подходит В. Ноулис (238). Автор считает, что мотивационной системой являются превращенные в раннем детстве в привычки семейство или класс ответов. Мотивационная система возникает в результате того, что в определенных ситуациях некоторые ответы ребенка наказывались или поощрялись. По мнению В. Ноулиса, это обуславливает специфичность побуждений ребенка в данных ситуациях. В качестве примеров мотивационных систем автор приводит агрессивность, подчиненность и сексуальность. В. Ноулис подчеркивает образование мотивационных систем из схожих между собой реакций, их приобретенный характер и возможность наличия у личности множества семейств или классов ответов — мотивационных систем. Однако В. Ноулис не раскрывает специфические системные особенности мотивационных систем, системность видится лишь в схожести, «семейственности» ответов человека на стимулы.

Датский психолог К. Мадсен (234) высказывает мнение, что следует говорить лишь о мотивационной системе человека. Мотивационная система, отмечает он, образуется благодаря кооперации многих мотивов, направленных на единую цель, которая отвечает всем этим мотивам. Частая кооперация между подобными мотивами приводит к возникновению диспозиции, аттитюды по отношению к объекту-цели. Впоследствии эти аттитюды функционируют в качестве организующего центра для мотивационной системы. К. Мадсен говорит об интересах, чувствах и других свойствах как о мотивационных системах. Компонентами мотивационных систем К. Мадсена выступают мотивы, хотя сами мотивы он понимает очень широко — как всякие мотивационные переменные. Поэтому мотивационная система у автора — это система, состоящая из одних мотивационных явлений, их определенная организация. Положения К. Мадсена о кооперации мотивов для достижения единой цели напоминает характеристику функциональных систем. Но К. Мадсен не проанализировал эти системно-функциональные отношения между мотивационными переменными более подробно. Он также не останавливается на роли личности в образовании указанных мотивационных систем.

Таким образом, понятие мотивационной системы начинает выполняться в психологии (кроме имплицитного обозначения целостности мотивационной сферы) и определенную роль в изучении проблем мотивации. Нам представляется, что для того, чтобы выявить этим понятием общую организованность и целостность мотивационной сферы человека, надо исследовать свойства мотивационной сферы как системы.

Рассмотрим такое направление исследований, как изучение системы мотивов. В нашей психологической литературе, особенно в возрастной и педагогической психологии, неоднократно ставил

вопрос о системе мотивов, хотя, как известно, сам термин «мотив» далеко не единодушно определяется различными авторами. Но вопрос системы мотивов до сих пор остается преимущественно на этапе постановки. Так, некоторые психологи (63, с. 63; 125, с. 374; 142, с. 105) отмечают, что в дошкольном возрасте отдельные ситуационные, разрозненные побуждения превращаются в известную систему мотивов. Однако эта важная мысль далее не разрабатывалась.

В. С. Мерлин более подробно описывает некоторые моменты системы мотивов. Понимая под мотивами «только такие побуждения, от которых зависит целенаправленный характер действий» (131, с. 9), В. С. Мерлин одно из основных направлений формирования мотивов видит в том, что «различные мотивы становятся все более связанными друг с другом и зависящими друг от друга, так что в конечном счете образуется целостная система мотивов» (131, с. 115). В. С. Мерлин пишет о таких условиях формирования системы мотивов, как достаточно высокий контроль, достаточная устойчивость мотивов, осознание мотивов (131, с. 116—117). Таким образом, система мотивов, в понимании В. С. Мерлина, это целостная совокупность взаимосвязанных и взаимозависимых устойчивых мотивов личности. В. С. Мерлин указал на ряд действительно существенных моментов системы мотивов. Однако он специально не исследовал вопросы системных отношений между взаимосвязанными и взаимозависимыми мотивами, функционирования системы мотивов.

Ряд авторов, например, В. Э. Чудновский (201, с. 179), В. И. Ковалев (94, с. 35), отмечают связь системы мотивов с направленностью личности. Это очень важная мысль, подчеркивающая существенную характеристику рассматриваемого вопроса. Далее мы попытаемся показать, что направленность личности выступает как системное качество содержательно интегрированных и динамически взаимодействующих друг с другом личностных мотивов.

П. М. Якобсон (214, с. 313), указывая на необходимость постановки в новом аспекте проблемы системы мотивов, полагает, что это связано с вскрытием связи мотивации поведения с определенными системами ценностей, с изучением мотивов поведения в зависимости от ценностных ориентаций личности. По мнению автора, такое исследование должно быть социально-психологическим. Но и П. М. Якобсон не излагает свои представления по этому вопросу более подробно.

Можно встретить и чрезвычайно расширенное толкование понятия системы мотивов, в котором трудно усмотреть строгий концептуальный смысл. Так, В. С. Морозов отмечает: «Систему мотивов личности образуют такие явления ее психической деятельности, как субъективные потребности, цели, идеи, взгляды, представления, а также стремления, желания, чувства и т. д.» (136, с. 34). Здесь, конечно, трудно определить, какое значение придается понятию «система». Это значение, как нам представляется, следует обозначить более четко.

Итак, можно сказать, что проблема системы мотивов имеет много аспектов. В психологии эта проблема становится все более актуальной. С учетом системного подхода наибольшее значение представляют такие аспекты данной проблемы, как изучение механизма образования системы мотивов, связей и отношений между компонентами этой системы, различных систем между собой, реальной функции системы мотивов в поведении и деятельности человека в отличие от функций отдельных побуждений и мотивов, роли личности как субъекта деятельности и внутреннего мира в формировании, организации системы мотивов. Эти и другие вопросы системы мотивов будут рассмотрены нами в последующих главах монографии.

С отмеченными выше проблемами непосредственно связана и проблема уровневого строения мотивационной сферы личности. Идея об уровне строении психических явлений широко распространена в психологии, находит отражение в различных отраслях этой науки. М. С. Роговин, посвятивший специальные исследования структурно-уровневым представлениям в психологии, считает, что подобные концепции в значительной мере являются формальной объяснительной схемой (158, с. 212). Действительно, посредством уровневых представлений можно дать унифицированные по многим параметрам строения и функционирования модели различных по содержанию психических явлений. Существование в мотивационной сфере личности различных по уровню и сложности мотивационных явлений, их взаимосвязь и определенная организованность открывают широкие возможности для применения уровневых идей в этой области.

Вопрос иерархически-уровневого строения мотивационной сферы человека является одним из самых острых, дискуссионных и интенсивно разрабатываемых вопросов среди проблем мотивации. Были выделены и исследуются различные мотивационные иерархические структуры — иерархия потребностей, мотивов и др. Но проблема о единой иерархической структуре всех мотивационных явлений различного типа организации еще недостаточно разработана.

В советской психологии проблема иерархии мотивов изучалась в работах А. Н. Леонтьева, Л. И. Божович и др. А. Н. Леонтьев еще в сороковые годы писал о дошкольном возрасте как о периоде первоначального фактического формирования личности (114). Он связывал это с образованием у дошкольника иерархии, соподчинения мотивов. А. Н. Леонтьев отмечает, что расширение связей субъекта с миром, их переkreщивание требует особого внутреннего движения сознания, заключающегося в соотношении мотивов друг с другом (109, с. 211—212). Именно в результате такого соотношения мотивов и возникают иерархические отношения между ними. Иерархия мотивов, согласно исследованию А. Н. Леонтьева, определяется функциями мотивов: более высокое положение в иерархии всегда занимает мотив, выполняющий смыслообразующую функцию, в то время как мотив-стимул будет занимать более низкое

место в этой иерархии. Таким образом, можно сказать, что у А. Н. Леонтьева выделено два иерархических уровня функционирования мотивов — смысловой и стимульный. Для дальнейшего анализа связей и отношений в мотивационной сфере личности чрезвычайно важной представляется мысль А. Н. Леонтьева о том, что иерархия между мотивами является результатом их соотношения друг с другом. Но в теории А. Н. Леонтьева вопрос об активной, субъектной роли самой личности в процессе соотношения мотивов друг с другом не рассматривался.

В работах Л. И. Божович (42 и др.) и некоторых других исследователей иерархия мотивов была объяснена возникновением у личности доминирующих мотивов. На разных возрастных этапах развития личности доминирующими становятся различные мотивы. Существование доминирования одних мотивов над другими обуславливает определенную направленность личности. Такая направленность, несомненно, предполагает не только субординационные, но и координационные отношения между мотивами личности. Хотя в экспериментальных и теоретических работах школы Л. И. Божович изучались отношения как доминирования-подчинения, так и взаимодействия между мотивами, последние были эксплицированы в меньшей степени.

Отмеченные аспекты исследований А. Н. Леонтьева, Л. И. Божович и других советских психологов стали важной вехой в разработке проблем мотивации поведения личности. Подход к обоснованию иерархически-уровневого строения, функционирования и развития мотивационной сферы личности был последовательно осуществлен с позиций диалектического и исторического материализма, с учетом социальной сущности человека. В этих исследованиях впервые был рассмотрен широкий круг ныне актуальных вопросов изучения мотивации личности, раскрывающих генезис разнообразных отношений между мотивами в процессе онтогенеза. Именно эти исследования и выступают тем психологическим фундаментом, на котором основывается дальнейшая системная разработка рассматриваемых нами проблем.

В зарубежной психологии широкую известность получила концепция иерархических уровней потребностей А. Маслоу (235, 236). В своей теории А. Маслоу выделяет такой иерархический ряд человеческих потребностей, как потребности физиологические, в безопасности, в привязанности и любви, в уважении, в самоактуализации, в знании и понимании, эстетические (235, с. 80—97). Согласно А. Маслоу, актуальность, действенность какой-либо потребности находится в зависимости от удовлетворения предшествовавших ей в указанном ряду потребностей. Тем самым А. Маслоу рисует «перевернутую» картину иерархии человеческих потребностей, где высшие из них подчинены более низшим. В концепции А. Маслоу роль сознания человека как органа регулирования и управления мотивационными процессами не рассматривается. А. Маслоу ограничился анализом отмеченных вертикальных отношений в мотивационной

сфере человека, в то время, как одноуровневые, горизонтальные отношения между потребностями остались не рассмотренными.

Иерархичность, уровневость строения — это определенная сторона, свойство системной организации явлений. Поэтому изучение иерархичности мотивационной сферы личности наиболее адекватным образом можно осуществить в связи с исследованием других системных параметров мотивационных явлений. Основным же моментом в исследовании системности мотивационных явлений выступает изучение системных отношений между этими явлениями. В этом плане интересно отметить мнение Р. С. Вайсмана о системности мотивационной сферы личности. «Системность» мотивационной сферы, — отмечает автор, — проявляется во взаимообусловленной связи мотивационных переменных, в существовании между ними многообразных отношений. Одно из них — отношение иерархичности. Другое выражается в том, что каждая потребность на психологическом уровне может реализоваться различной совокупностью мотивов. Это отношение можно именовать отношением «реализации». Третье проявляется в том, что, с одной стороны, один и тот же мотив может быть соподчинен разным потребностям, а с другой — одна и та же цель может обслуживать, удовлетворять разные мотивы. Соответствующее отношение названо отношением «соподчиненности» (56, с. 6). Р. С. Вайсман выделяет весьма интересную типологию системных отношений в мотивационной сфере личности. Однако, если следовать логике создания классификации разнообразных отношений в мотивационной сфере личности, то можно было бы дополнить указанное представление Р. С. Вайсмана и такими отношениями, как отношения управления, регуляции, компенсации, упорядоченности, содействия и т. д. Кроме того, Р. С. Вайсман не выделяет основное системообразующее отношение между мотивационными переменными, а также не различает отношения между однопорядковыми и разнопорядковыми мотивационными явлениями.

Мы отметили те воззрения на мотивационную сферу личности, на которые в той или иной степени и форме оказали влияние системные идеи. Среди этих представлений выделяется теория функциональной автономии мотивов Г. Олпорта, включающая положения общей теории систем. Г. Олпорт особенно широко привлекает идею об открытых системах (217, 218). Процесс трансформации, развития мотивов Г. Олпорт рассматривает как системный процесс. Согласно исследованию Г. Олпорта, есть мотивы, которые функционируют и развиваются в соответствии с природой полузакрытых систем — так называемая персеверативная функциональная автономия мотивов. Эту систему функционирования мотивов автор называет реактивной, существующей по законам подкрепления. Однако, как указывает Г. Олпорт, личность в большей степени характеризуется такими мотивами, которые изменяются и развиваются как открытые системы. Такая система функционирования мотивов была названа Г. Олпортом проприативной функциональной автономией.

Характеризуя открытые, закрытые и полузакрытые системы, Г. Олпорт подчеркивает, что модель закрытой системы не применима к личности и ее мотивации. Открытая функциональная система мотивов обуславливает поиск новых напряжений, прогрессивного развития, что невозможно объяснить терминами подкрепления.

Анализ специфически личностных мотивов как открытых систем предпринимается Г. Олпортом для утверждения активного характера личностной мотивации, для обоснования возможности безграничного развития личности и ее мотивов. В теории Г. Олпорта системные модели главным образом выполняют функцию формализованных объяснительных схем. Для содержательного объяснения психологических явлений Г. Олпорт обращается к собственно психологическим понятиям и категориям.

Идея о функциональной автономии мотивов имеет непосредственную связь с идеей о системе мотивов. В дальнейшем мы попытаемся раскрыть связи автономности и системности мотивов личности.

Итак, мы рассмотрели различные взгляды на мотивационную сферу личности, в которых находят отражение системные идеи. Мы можем прийти к выводу, что эти идеи стали неотъемлемой частью современных исследований проблем мотивации. Как было показано, психологи отмечают различные моменты системности мотивационной сферы личности. В настоящее время системные представления мотивационных механизмов формализованы в разной степени, разрабатываются в различных направлениях. Но главное, вокруг которого можно объединить эти исследования, — это изучение разнообразных, особенно системообразующих, связей и отношений между мотивационными явлениями.

Системное исследование мотивации имеет и такие аспекты, как выявление роли мотивационной сферы в целостной психологической организации личности, изучение взаимоотношений мотивационной сферы как системы с другими аспектами психологической организации человека и т. д. В нашем же исследовании основное значение приобретают вопросы уровневой организации мотивационной сферы человека, внутриуровневые и межуровневые взаимоотношения между мотивационными явлениями. Эти аспекты исследования, без раскрытия которых невозможно понять механизмы мотивационной саморегуляции личности, являются одними из центральных в применении системного подхода к проблеме мотивационной сферы человека.

В настоящее время в психологической литературе можно встретить такие понятия, как уровни мотивации (80), уровни мотивационных образований (150), уровни мотивационной регуляции поведения (186) и т. п. Вопрос об уровнях организации мотивационной сферы личности, уровнях мотивационной регуляции, подробно рассматриваемый нами далее, можно поставить и адекватно решить лишь в рамках системного подхода, так как именно в соответствии с ним разработаны критерии выделения структурных уровней.

ГЛАВА II. МОТИВАЦИОННАЯ СФЕРА ЧЕЛОВЕКА: ОТ СИТУАЦИОННОЙ РЕГУЛЯЦИИ К ЛИЧНОСТНОЙ САМОРЕГУЛЯЦИИ

В психологии существует тенденция выделять ситуационный и личностный уровни организации человеческого поведения. Однако не все исследователи связывали эти два типа поведения с уровнем организацией мотивационной сферы человека. К. Левин (233) обращавшийся к этой проблеме, объяснял полевое или ситуативное поведение побудительностью, валентностью предметов окружающей среды, а волевое или надситуативное поведение — образованием у человека намерения. Волевое поведение К. Левин не определял как специфически личностное, и в его теории мотивации мотивы полевых и волевых поведений не отличались между собой в плане их личностно-смысловой насыщенности.

Советские психологи склонны рассматривать волевое поведение как личностную форму его организации. А. Н. Леонтьев, связывая первоначальное фактическое формирование личности с возникновением соподчинения мотивов у дошкольника, отмечал, что, когда ребенок овладевает возможностью «сознательного подчинения своего действия более отдаленному мотиву», то «поведение ребенка превращается из «полевого», каким оно является в преддошкольном возрасте, в поведение «волевое» (114, с. 7—8). Таким образом, в советской психологии было начато изучение ситуационного и личностного поведений в зависимости от иерархического строения мотивационной сферы человека.

Отмеченные идеи А. Н. Леонтьева в дальнейшем были развиты в работах Л. И. Божович (42, 43, 44, 46, 47, 48 и др.). Ситуативность ребенка, по мнению Л. И. Божович, первоначально появляется с воплощением потребностей младенца в окружающих его предметах, ребенок становится как бы «рабом» конкретной ситуации, в которой находится. Возникновение мотивирующего представления системы «Я», внутренней позиции, самосознания ребенка, указывает Л. И. Божович, выступают этапами его личностного развития, а вместе с тем и преодоления им ситуативности своего поведения. Иными словами, изучение различных по уровню организации ситуационных и личностных форм поведения было связано с исследованием личностно-мотивирующих новообразований разного уровня развития.

При рассмотрении проблемы формирования устойчивости личности, В. Э. Чудновский (201 и др.), связав «ситуационность» с неустойчивостью личности, выделил уровни нравственной сформированности личности. Высшие из этих уровней выступают и более высокими уровнями устойчивости личности. Особое значение для нас в исследованиях В. Э. Чудновского приобретает мысль о том, что «с возрастом увеличивается зависимость устойчивости личности от содержательной стороны побуждений, от характера направленности личности» (201, с. 180). Здесь, таким образом, подчеркивается связь ситуационности и устойчивости личности с характером, с содержательной организацией ее мотивационных образований.

В исследованиях Д. Н. Узнадзе и его школы также было выделено два уровня поведения человека — импульсивный и волевой. Как известно, основное направление исследований этой школы — изучение зависимости поведения от установок человека. Сам Д. Н. Узнадзе отмечал, что актуальная, то есть конкретная ситуация, в которой субъект находится в данный момент времени, лежит в основе установки, ведущей к импульсивному поведению, в то время, как волевое поведение есть результат установки, созданной в воображаемой или мыслимой ситуации (185, с. 406—407). И. Н. Чхартисвили же писал, что человек как личность поднимается до уровня субъекта воли, но при импульсивном поведении он подчинен актуальной потребности (202). Таким образом, в этой научной школе импульсивное поведение рассматривается как поведенческое, совпадающее с ситуационным. Ситуационно-импульсивное поведение, личностно-волевое поведение выступили здесь как функции различного образом возникающих установок человека. Используя достижения школы Д. Н. Узнадзе, в современной советской психологии разрабатываются концепции об иерархических уровнях диспозиций (213) и установок (33) личности. Ниже мы еще вернемся к этим теориям.

Вопросу об особенностях ситуационных и личностных форм побуждений было уделено внимание и в работах В. Г. Асеева (30 и др.). Согласно исследованиям В. Г. Асеева, собственно личностные побуждения характеризуются высокой содержательно-смысловой и функционально-динамической соотнесенностью друг с другом, широтой временного аспекта проявления. Для личности они в первую очередь значимы своей содержательной стороной. Ситуационные же побуждения соотнесены с узкими обстоятельствами данного момента времени, временной аспект их проявления ограничен, и определяющей в них выступает динамическая сторона. В. Г. Асеев отмечает, что в процессе формирования мотивационной системы «характерная для раннего детского возраста аморфная структура побуждений с одноуровневым строением, рядоположенностью, ситуационностью и импульсивностью актуализации постепенно преобразуется в более сложную, многоуровневую структуру с централизованной сознательно-волевой системой управления поведением, с иерархическим соподчинением побуждений с высоким динамиче-

ским и содержательно-смысловым единством» (30, с. 50). Таким образом, здесь был поставлен вопрос о том, что в результате смены ситуационности и импульсивности побуждений сознательно-волевой организацией мотивационной сферы происходит образование нового, более высокого уровня мотивационной сферы личности.

Итак, вопрос о ситуационных и личностных формах мотивационных явлений поставлен в психологии. В работах В. К. Вилюнаса (61, 62), Е. Ю. Патяевой (150) и В. А. Иванникова (84) рассматриваются такие два уровня мотивационных образований, как устойчивые и обобщенные и конкретно-ситуативные. Но ситуативность или ситуационность, в психологической науке понимается неоднозначно. Если, например, в некоторых необиористских теориях ситуационизм выступает как основной объяснительный принцип поведения, то в патопсихологическом смысле за этим термином закрепилось отрицательное значение — нарушение личностной организации человеческого поведения.

Мы полагаем, что ситуационность есть ступень развития личностной формы поведения и организации мотивационной сферы. В ходе онтогенеза ситуационность заменяется личностной формой поведения, однако не исчезает в структуре поведения личности и выполняет необходимые функции в целостной жизнедеятельности человека. Дальнейшее изучение ситуационных и личностных форм мотивационных явлений с позиций системного подхода, как нам представляется, будет представлять большую значимость для раскрытия структурной и функциональной организации и развития мотивационной сферы человека в онтогенезе, для понимания особенностей мотивационной саморегуляции личности.

В ракурсе системного подхода уровень организации мотивационной сферы личности определяется существованием однотипных мотивационных единиц и специфическими отношениями между ними. Ставя вопрос о ситуационном и личностном уровнях мотивационной регуляции именно так, обратимся к их структурным единицам и внутриуровневым отношениям в плане онтогенетического рассмотрения.

Ситуационный уровень побуждений человека

Человек рождается со свойственными его организму биологическими потребностями. Но с самого рождения он уже включен в социальный контекст, зависит от окружающих его людей, и ему в потенциальной форме присущи сложные социальные виды активности. Совершенно верно отмечает Е. В. Шорохова: «Человек, самого начала есть человек, организм человека есть человеческий организм, и мозг человека есть человеческий мозг» (208, с. 80).

Специфические социальные формы активности ребенка раскрываются и получают развитие в ходе его общения со взрослыми, в его дальнейшей деятельности. На начальном же этапе жизни ребенка его мотивационную сферу составляют только побуждения, исходя-

щие из потребностей его организма. Однако мотивация, связанная с потребностями организма ребенка, и биологическая мотивация животных наряду с некоторыми общими моментами функционирования имеют и принципиальные отличия. Организмические побуждения человека по мере осознания их субъектом как бы социализируются. В социальной ситуации жизнедеятельности человека происходит и социальная детерминация его естественных потребностей. «Голод,— отмечал К. Маркс,— есть голод, однако голод, который утоляется вареным мясом, поедаемым с помощью ножа и вилки, это иной голод, чем тот, при котором проглатывают сырое мясо с помощью рук, ногтей и зубов» (1, с. 718). Человек, будучи наделенным сознанием, овладевает своими организмическими побуждениями, способен сознательно управлять ими, произвольно регулировать их.

Изучение механизмов биологической мотивации, протекающей на уровне человеческого организма, представляет собой физиологическую проблему. Но большее или меньшее отражение этого процесса в сознании человека входит в сферу интересов психологической науки. «В строгом смысле слова,— пишет В. И. Селиванов,— исходными побуждениями являются только первоначальные организмические потребности. Все другие потребности возникают и развиваются в жизнедеятельности человека как общественного существа» (169, с. 109). Однако потребности человека, характеризующие его как общественное существо, не являются надстройкой над исходными организмическими потребностями субъекта. В процессе онтогенеза между ними существует непрерывная взаимосвязь, диалектическое единство и взаимопереход, взаимопроникновение.

Отличительная черта биологической мотивации в том, что она формируется на основе внутренних, как правило, гуморальных потребностей (173, с. 8), является результатом изменения в тканях, происходящего обычно циклично (85, с. 54). Было выявлено, что процесс формирования биологической мотивации «всегда происходит на основе принципа доминанты, открытого А. А. Ухтомским. В каждый данный момент времени ведущей становится та мотивация, в основе которой лежит наиболее важная для выживания субъекта или продолжения его рода потребность» (173, с. 7). Это утверждение, конечно, абсолютно характеризует только организмический уровень мотивации. Когда на организмическом, биологическом уровне мотивации доминирует одно побуждение, другие побуждения как бы угасают, затихают. Здесь равносильность двух или более побуждений приводит к нарушению целесообразного функционирования целостного организма. Поэтому можно сказать, что внутри организмического уровня мотивационной сферы человека между побуждениями существуют отношения доминантности. Но с актуализацией у младенца специфических человеческих потребностей, новых видов побуждений в структуре его мотивационной сферы возникают новые отношения между мотивационными единицами. Сознательное вмешательство человека в деятельность

своего организма может видоизменить доминантные отношения между указанными выше побуждениями.

Первый этап жизни новорожденного является этапом адаптации к новым условиям жизнедеятельности, а вместе с тем и этапом интенсивной актуализации потенциальных структур и функций его мозга и всего организма. Развитие потребностей организма ребенка, его биологических побуждений происходит в определенной социальной и предметной ситуации. Психологическое исследование мотивации поведения человека в онтогенетическом плане начинается именно с изучения побуждений ситуационного характера, развивающихся на основе биологических потребностей ребенка и «встреч» с предметами и явлениями окружающей среды.

Для дальнейшего анализа рассматриваемых проблем первостепенное значение имеет определение истоков мотивации поведения человека, ее, наиболее принципиальных с методологической точки зрения, моментов. В этом вопросе советские психологи опираются на ленинскую теорию отражения, на положение К. Маркса о социальной сущности человека. Данные методологические первоосновы диалектико-материалистической разработки проблемы мотивации противостоят идеалистическим учениям о движущих силах поведения человека, фрейдистскому сведению источников активности личности лишь к биологическим, инстинктивным влечениям. Мотивационные явления — побуждения и мотивы — это отражение объективной жизнедеятельности людей в их психике. «Мотивация, — отмечает С. Л. Рубинштейн, — это через психику реализующая детерминация» (164, с. 370).

В понимании истоков мотивации мы опираемся на следующее положение С. Л. Рубинштейна: «Мотивационное значение приобретает каждое отраженное человеком явление, поскольку его отражение всегда является определителем не только его свойств, но и его значения для человека. Поэтому мотивация заключена не только в чувствах, но и в каждом звене процесса отражения, поскольку оно всегда включает в себя и побудительный компонент. Все течение психической деятельности является процессом, в котором осуществляется мотивация человеческой деятельности предметами и явлениями окружающего мира» (163, с. 364). Можно сказать, что каждое психическое явление — потребность, чувство, образ, мысленное состояние человека — способно выступить в качестве побуждения к определенной деятельности, к внешнему или внутреннему действию. Побуждения человека различаются по динамике, степени значимости для субъекта, уровню осознанности и т. д. Побудительный аспект психического отражения может находиться в актуальном или потенциальном состоянии. Но он, как правильно отмечает В. Г. Асеев, необходим для всякого целостного психического акта, всякого процесса (30, с. 13).

Итак, мы исходим из того положения, что всякое психическое отражение, явление имеет свою побудительную сторону, вследствие которой психические явления и выступают как мотивационные. На

представляется ошибочным рассматривать мотивацию как образование, которое «выступает в единстве и взаимодействии с другими психическими явлениями» (129, с. 133). Мотивация — это не отдельное образование наряду с другими психическими явлениями. Мотивация присутствует во всех психических явлениях, как атрибут характеризует определенную, то есть побудительную их сторону.

Но само по себе побуждение — это лишь начальное звено процесса мотивации. Мотивация — свойство психического, — отмечает Г. С. Тарасов, — завоевание человеческой психики. Но пройдя сложные пути развития, мотивационная функция психического достигает у человека личностного уровня (178, с. 37). Далее мы подробно остановимся на функционально-генетическом развитии побуждений, на преобразовании ситуационных побуждений в личностные мотивы. Но сначала рассмотрим характеристики ситуационно обусловленных побуждений — первых психологических новообразований в мотивационной сфере человека.

Психологические характеристики ситуации обычно связывают с особенностями восприятия и переживания человеком социальных и физических параметров окружающей среды (138, с. 157). В психологической литературе можно встретить различные классификации ситуаций. Например, В. А. Ядов пишет о такой иерархической структуре условий деятельности, или ситуаций, как «предметные ситуации», условия группового общения, условия деятельности в той или иной социальной сфере (труд, досуг, семейная жизнь), общие социальные условия жизнедеятельности человека, или, другими словами, общесоциальные «ситуации» активности (213, с. 94). Д. Магнуссон говорит о таких ситуациях, как медицинские, несчастные случаи, макросоциальные условия и др. (126, с. 29). А. В. Филиппов и С. В. Ковалев рассматривают объективные и субъективные, актуальные и потенциальные ситуации (189). В принципе же, всевозможных ситуаций различного уровня сложности существует достаточно много.

Конечно, усложнение ситуаций, в которых оказывается человек, происходит по мере включения ребенка во все новые социальные связи с окружающим миром, в ходе развития его личности и деятельности. Но какими бы разнородными ни были ситуации, основной характерной чертой вызываемых ими побуждений является непосредственная детерминация поведения человека. Иными словами, ситуационное поведение — это поведение, непосредственно последующее за ситуационно обусловленным побуждением. Человек в подобном случае еще не выступает как субъект, как регулятор своей мотивации и поведения. Основной чертой ситуационной мотивации является то, что в ней отсутствует принятие личностью побуждений в качестве мотива своего поведения. Можно сказать, что ситуационные побуждения как бы непроизвольно навязываются человеку.

Мотивационная детерминанта, то есть исходный побудительный

толчок, в конечном счете всегда находится в объективном мире. Но поскольку внешняя детерминанта может вызвать цепь взаимопосредованных побуждений, то для какого-нибудь из этих побуждений, непосредственно ему предшествующим, фактором может оказаться другое побуждение. Именно с этой точки зрения можно различать преимущественно внешние и внутренние побуждения, хотя сам процесс побуждения разворачивается непосредственно в психике. Другими словами, имея в виду детерминирующий фактор, можно говорить о внешне или внутренне обусловленных побуждениях.

В психологической литературе обычно внутренне обусловленное побуждению противопоставляется стимул — как побуждение, вызванное внешними условиями. О стимуле говорят как о «внешнем воздействии» (119, с. 27), как о побуждении, происходящем «непосредственно из наличной ситуации» (134, с. 114). Конечно, побуждения ситуационного характера, будь они непосредственно детерминированы извне или изнутри, не могут возникнуть без определенной степени единства внешних условий и самой психики человека.

Основную причину возникновения ситуационных побуждений надо искать не в том, а затем он привыкает слышать, что он не должен видеть в том, что «потребности младенца все больше и больше начинают воплощаться («кристаллизироваться») в предметной действительности» (46, с. 28). Кроме того, как отмечено Л. И. Божович, на этапе перехода от новорожденности к младенческому возрасту, у детей возникает особая потребность, а именно потребность в новых впечатлениях (43, с. 29). Встреча различных потребностей ребенка с внешними детерминантами находит свое выражение в разнообразных ситуационных побуждениях, непосредственно реализуемых в действиях ребенка. В дневнике Н. А. Менчинской о психическом развитии ее ребенка отмечаем следующую запись: «Иногда, когда Саша плачет в комнате, стоит его вынести на улицу, он сейчас же перестает плакать и начинает воспринимать окружающее».

Саша теперь тянется и стремится схватить все, что находится возле него: схватив рукой, тянет в рот» (130, с. 24). Эта запись относится к тому времени, когда Саше шел шестой месяц. Здесь мы видим, как ситуационные побуждения ребенка обусловлены, с одной стороны, его внутренними потребностями, и с другой — конкретной предметной обстановкой, в которой он находится.

Развитие ситуационных форм мотивации имеет свои закономерности. Эти закономерности связаны со специфическими условиями, в которых растет ребенок. Д. Н. Узнадзе, говоря об этих условиях, особо подчеркивал значение **упорядоченности среды**, где живет и развивается ребенок. Он пишет: «Воздействующие на ребенка впечатления теряют характер хаотичности, так как в течение долгого времени, пока ребенок еще слаб, их упорядочивают взрослые. То же происходит и в отношении потребностей ребенка. Взрослые вносят порядок и в дело их удовлетворения. Вследствие всего этого у ребенка постепенно вырабатываются упорядоченные реакции, имеющие вначале вид условных рефлексов. Ребенок привыкает

отвечать определенными реакциями на определенное впечатление, а на другое — затормаживать реакции. Элементарные потребности удовлетворяются в определенное время и в определенном месте. Словом, под влиянием упорядоченной среды у ребенка вырабатываются определенные элементарные навыки, которые вносят известный порядок в поведение этого сенсомоторного, чрезвычайно импульсивного существа» (185, с. 420). Д. Н. Узнадзе также указывал на исключительное значение для упорядочения поведения ребенка словесных воздействий со стороны взрослых, системы запрещенного и дозволенного.

Внешняя система запрещенного и дозволенного постепенно становится внутренним регулятором поведения ребенка. О подобном механизме превращения общественного в естественное для ребенка говорил еще Ибн Сина: «В обществе человеку свойственно для своей пользы обращать внимание на то, что в совокупности действий, которые должны были бы быть сделаны, имеются поступки, которые не следует совершать. Это он познает в детстве и воспитании, совершая эти поступки, пока наконец это убеждение не станет для него естественным» (83, с. 474). Надо добавить, что система запрещенного и дозволенного для ребенка включается в контекст определенных ситуаций. Так, обычно в игровой ситуации ребенку дозволено делать то, что в иных ситуациях может вызвать осуждение со стороны взрослых (например, шумное поведение, некоторые действия и движения и т. д.).

Вместе с отмеченными условиями социального развития ребенка, влияющими на формирование его мотивационной сферы, большое значение имеет и овладение им функциональным значением предметов окружающей среды. По мере того, как ребенок начинает постигать социальный смысл тех или иных ситуаций, употреблять предметы по назначению, его исходные побуждения все больше включаются в состав определенных социально или предметно выраженных ситуаций. Побуждения, исходящие из потребностей организма ребенка, имеют тенденцию быть действительными лишь в рамках тех или иных ситуаций. Можно сказать, что ситуация как бы включает в свой состав физиологические побуждения ребенка, выступает организующим фактором поведения и всей мотивационной сферы. Ситуационные побуждения переплетаются не только с биологической активностью ребенка. Свои эмоциональные, познавательные, речевые потребности, потребность общения дети начинают удовлетворять в связи с ситуационными детерминантами.

Мы уже отметили, что побуждения ситуационного характера как бы навязываются человеку извне, и любое изменение ситуаций приводит к возникновению новых желаний ребенка. Например, взяв в руки карандаш, ребенок пытается стучать или чертить, увидев мяч — хочет овладеть им и т. д. Н. А. Менчинская пишет в дневнике своего полуторагодовалого ребенка: «В ответ на запрещение («нельзя») проявляет упрямство и упорно пытается повторить ка-

функциональную систему, то есть согласованно побуждать и направлять поведение человека лишь случайно, в результате совпадения направленности побуждений.

Как было сказано, ситуационные побуждения могут отличаться друг от друга по многим параметрам: по степени сложности, силе, уровню осознаваемости, значимости для человека и т. д. Усложнение ситуационных форм побуждений происходит по мере развития сознания ребенка, его личности и деятельности. Самые первые ситуационные побуждения ребенка носят наглядно-импульсивный характер. В качестве примера такого типа побуждений можно привести комплекс оживления, появляющийся у детей на границе новорожденного и младенческого возрастов. При ситуационной мотивации наглядно-импульсивного характера побудительная детерминанта, отвечающая потребности ребенка, вызывает импульс к действию. По словам Л. И. Божович, в результате того, что потребности младенца все больше начинают воплощаться в предметах окружающей среды, сами предметы, попадая в поле восприятия, обретают побудительную силу (46, с. 28). Вначале наглядно-импульсивные ситуационные побуждения проявляются хаотически, однако по мере того, как ребенок овладевает функциональными значениями предметов, эти побуждения становятся функционально выраженными. Когда ее малышам-близнецам шел восьмой месяц, В. С. Мухоморова писала в своем дневнике: «Разными игрушками теперь играю по-разному, а не только стучат. Любимую земляничку вращают вокруг кольца, на которое она надета. Погремушку-колокольчик трясут. Тряпочки надевают на себя. Бумагой шуршат, мнут ее и раскрывают» (139, с. 20—21). Таким образом, определенная детерминанта вызывает соответствующее предметное действие ребенка. Конечно, об интегрированности, соотнесенности побуждений, лежащих в основе различных действий ребенка, еще не приходится говорить.

Новым, значительным этапом психического развития детей выступает появление у них представлений. Это обстоятельство существенно усложняет, расширяет мотивационную сферу ребенка. В этой связи С. Л. Рубинштейн указывал, что важный шаг в волевом развитии ребенок делает, когда не только внешние стимулы, но и представления, развивающиеся у ребенка на втором году жизни, начинают вызывать у него желания. До этого действия ребенка являются в основном сенсомоторными реакциями, элементарными, определяемыми внешними раздражителями (161, с. 529). Этот важный момент в развитии мотивационной сферы ребенка особенно тщательно изучен в работах Л. И. Божович. Она указывает, что к второму году жизни ребенка формируется первое личностное новообразование — мотивирующее представление, которое является внутренним побуждением и обеспечивает ребенку отрыв от непосредственно действующих на него ситуаций (48, с. 32). Однако это еще не значит, что ребенок преодолел ситуационность своей мотивации и поведения. Ситуационность ребенка поднимается на новый

уровень, у него формируется новый тип ситуационных побуждений — побуждения образно-импульсивного характера. Специфика такой ситуационной мотивации заключается в том, что образы и представления, возникающие у ребенка, непосредственно, импульсивным образом реализуются в его действиях.

В качестве примера ситуационной образно-импульсивной мотивации можно привести наблюдение Л. И. Божович над ребенком в 1 года и 3 месяца. Этот ребенок после того, как поиграл в саду и там завладел мячом другого ребенка, был унесен взрослыми в дом. Во время ужина ребенок вдруг начал волноваться, капризничать. Когда его пустили на пол, он успокоился и с криком «мя...мя» побежал в сад, а затем к дому того мальчика, которому принадлежал мячик (42, с. 231). Здесь мы видим, как образ мяча вызывает импульсивное поведение ребенка. Те или иные привычные ситуации также могут актуализировать определенные представления, что, в свою очередь, обуславливает специфическое поведение ребенка.

Ситуационные побуждения образно-импульсивного типа начинают формироваться в младенческом возрасте, но в структуре мотивационной сферы ребенка выступают в качестве доминирующих в период раннего детства. Пример того, как образно-импульсивные побуждения начинают доминировать над наглядно-импульсивными, побуждениями ребенка можно увидеть в дневниковой записи В. С. Мухоморовой, сделанной на третий день восьмого месяца второго года жизни близнецов: «Дети играют. Я высказываюсь просто так, ни к кому не обращаясь: «Вон качалка».

Андрюша бросает игрушку, которой забавлялся, и бежит к качалке, раскачивается.

Кирилл спокойно продолжает играть. Я говорю: «А вон лошадка».

Андрюша слезает с качалки, бежит к лошадке» (139, с. 42).

Здесь хорошо видно, как то или иное представление открывает для Андрюши от наглядно воспринимаемой ситуации, становится движущей силой его поведения. Таким образом, наблюдается усложнение ситуационной мотивации поведения детей. Однако о какой-либо значительной внутренней соотнесенности, сообразованности между различными ситуационными побуждениями ребенка все еще не приходится говорить.

Несмотря на то, что на третьем году жизни ребенок, благодаря умению ходить и разговаривать, имеет очень много случаев разнообразить свои связи со средой, «его личность остается включенной в привычные условия его жизни, и он не осознает себя отдельно от них» (57, с. 180). Ребенок, хотя и может осознавать свои побуждения, но не относится к ним как к объекту управления и регулирования. Ситуация, ребенок и его побуждения еще как бы тождественны между собой.

На следующем этапе развития детей — в младшем школьном возрасте продолжается процесс дальнейшего усложнения ситуационной мотивации ребенка. Требование трехлетнего ребенка прояв-

лять свою активность («Я сам»), отмечает Л. И. Божович, выступает не только как шаг в преодолении ситуативности поведения и порождает стремление активно воздействовать на эту ситуацию, изменяя, преобразуя ее для удовлетворения своих потребностей и желаний (48, с. 33). Таким образом, у ребенка начинается этап ситуационной целенаправленности и целеполагания. Этому этапу соответствуют наглядно-целевые ситуационные побуждения ребенка.

Наглядно-целевая ситуационная мотивация начинает формироваться еще в раннем детстве, но доминирующей становится в младшем дошкольном возрасте. Период младшего дошкольного детства характеризуется первоначальным складыванием личностных механизмов жизнедеятельности человека. Доминирующие в мотивационной сфере ситуационные побуждения детей выступают тем базисом, на основе которого развиваются собственно личностные формы побуждений человека.

В дошкольном возрасте ведущей деятельностью ребенка является игра. Процессы целеполагания впервые возникают в игре (37), также в общении детей со взрослыми. Эти процессы происходят первоначально в пределах непосредственно воспринимаемой ситуации. Такие требования взрослого, как «сделай так», «поставь это сюда» и другие приучают детей сдерживать импульсивные побуждения и являются опорой в самостоятельной постановке ими цели. Новый, наглядно-целевой тип побуждений ребенка приводит к уложению внутреннего плана его мотивации. Целевые образы (связанные с наглядно воспринимаемой ситуацией) теперь уже не характеризуются импульсивностью.

Д. Б. Эльконин говорит о переходе на границе дошкольного возраста «желаний на предметы наглядной, непосредственно воспринимаемой ситуации, к желаниям, направленным на предметы «идеального» плана, плана представлений» (211, с. 143). Как мы отметили выше, Л. И. Божович говорит о таком переходе (возникновение мотивирующего представления), существующем на границе раннего детства. Думается, выделение образно-импульсивного и наглядно-целевого подуровней ситуационных побуждений будет способствовать уяснению данного вопроса; переход на внутренний план мотивации, о котором писала Л. И. Божович, соответствует формированию у ребенка образно-импульсивных побуждений; переход, отвечающий высказыванию Д. Б. Эльконина, связан с появлением у детей наглядно-целевой мотивации.

Регуляционные функции цели, — отмечают Э. Д. Телегина, Т. Г. Волкова, — во многом определяются тем, дается ли цель субъекту в готовом виде, или она ставится им самостоятельно (17, с. 22). На рассматриваемом нами возрастном этапе как готовые, так и самостоятельно вырабатываемые цели ребенка связаны главным образом с той конкретной ситуацией (или ситуациями), в которой они находятся.

В психологической литературе собственное целеполагание де-

тей хорошо изучено в связи с их рисунками. В зависимости от того, планируют ли дети свой рисунок, видно, как у них развито целеполагание. Обратимся к записям В. С. Мухиной, когда ее близнецам шел девятый месяц второго года жизни. «Впервые Кириуша выразил словами желание воспроизвести случайно нарисованное: «Еще дом нарисую».

Второй рисунок полностью воспроизводил первый» (139, с. 46). Заметим, что при этом ребенок не отрывается от наглядно воспринимаемой ситуации, его цель — это побуждение наглядно-ситуационного характера. Хотя такого рода побуждения начинают формироваться у детей еще в раннем возрасте, в ведущую мотивацию они превращаются в младшем школьном возрасте. В дневниках В. С. Мухиной отмечаем и следующее: «Наконец-то дети стали рисовать по-настоящему. По-настоящему в том смысле, что они способны отдавать себе отчет в том, что они будут рисовать. Оба часто заранее сообщают, что они сейчас будут изображать» (139, с. 98). Эта запись сделана, когда близнецам шел четвертый месяц третьего года жизни, и свидетельствует о том, что к началу младшего дошкольного возраста целеполагание становится весьма устойчивым свойством детской психологии.

Экспериментальные данные К. А. Вазиной свидетельствуют, что на четвертом году жизни у детей происходит зарождение важнейшего волевого качества — целеустремленности. Максимально это проявляется при постановке цели, менее — при планировании и реализации принятой цели (55, с. 82). Именно планирование, выход цели из наличной ситуации — признак следующего подуровня ситуационных побуждений — побуждений образно-целевого характера. При ситуационной образно-целевой мотивации дети могут планировать результат своей деятельности вне пределов непосредственно воспринимаемой ситуации. Такая мотивация, первоначально формирующаяся в младшем дошкольном возрасте, становится доминирующей в период старшего дошкольного возраста.

Как известно, в старшем дошкольном возрасте ведущей деятельностью ребенка является ролевая игра. Совместная игра, взятая ребенком на себя роль требуют, чтобы он поднялся от непосредственно воспринимаемой ситуации к ситуации образной. В ролевой игре дети общаются и действуют в соответствии со взятой на себя ролью или образом. На пятом году жизни у детей, отмечает К. А. Вазина, цели «свободно ставились даже без наличия игрушек, игрового материала и в различные отрезки игрового времени» (55, с. 82). Данное обстоятельство свидетельствует о том, что в структуре мотивации детей старшего дошкольного возраста постепенно на первый план выходят побуждения образно-целевого характера. Однако, как указывает К. А. Вазина, достаточно четкое проявление целеустремленности в процессе всего волевого поведения как в индивидуальной, так и в совместной деятельности наблюдается лишь к концу дошкольного возраста (55, с. 85). Иными словами, только к концу дошкольного возраста ситуационная целена-

правленность детей начинает сменяться более общей, целостно-личностной целенаправленностью.

Ж. Нюттен приводит данные исследований Бюлера, Хетцера, Готтшальдта о генезисе формирования цели у детей (143, с. 36). Согласно этим данным, 10 % детей трехлетнего возраста дают название своим «рисункам» лишь после окончания их. Некоторые из четырехлетних детей в процессе деятельности поясняют, что буд означать их рисунок, другие составляют план действия и говоря что собираются делать до начала деятельности. 80 % детей пятилетнего возраста составляют предварительный план рисунка до начала его выполнения. В шесть лет так поступают все дети. Ж. Нюттен отмечает, что такая динамика целеполагания относится не только к рисованию, но и ко всем другим видам деятельности детей. Таким образом, умение заранее планировать свою деятельность, формирующееся в младшем дошкольном возрасте, превращается в устойчивое свойство детской психологии в период старшего дошкольного возраста. Однако у старшего дошкольника еще не развита внутренне обобщенная мотивация, так что мотивационная регуляция его деятельности в значительной степени зависит от обстоятельств ситуационного характера.

Все отмеченные ситуационные побуждения характеризуются посредственной зависимостью от внешних условий, малой осмысленностью со стороны человека, отсутствием внутренней принятой субъектом, необобщенностью друг другом. При такой мотивации человек еще не является активным, регулирующим началом по отношению к своим побуждениям.

Но в процессе онтогенеза наблюдается усложнение ситуационных форм побуждений, рост интеграционных тенденций между ними. Например, образно-целевые ситуационные побуждения в большей степени соотносятся друг с другом, чем ситуационные побуждения наглядно-целевого характера. Однако на ситуационном уровне организации мотивационной сферы интегрированность различных побуждений не достигает той степени, которая существовавшим образом сказывалась бы на поведении, определяла бы его течение. Только становление человека как личности, как субъекта своей деятельности и внутреннего мира открывает ему возможность на новом, более высоком уровне соотносить, интегрировать ситуационные побуждения между собой, принимать или не принимать эти побуждения в качестве обобщенных личностных мотивов поведения и деятельности. Интеграционная тенденция между мотивационными единицами выступит решающим моментом мотивационной регуляции поведения лишь с формированием собственно личностного уровня организации мотивационной сферы человека. Более того, внутренний механизм личностной мотивации, как будет показано ниже, определяется системными взаимоотношениями между мотивами.

С началом школьного возраста развитие ситуационных форм побуждений не прекращается. Однако развитие это теперь про

одит под влиянием личностного уровня организации мотивационной сферы человека. Первые признаки личностной мотивации появляются в период дошкольного возраста, поэтому между ситуационными и личностными формами побуждений нельзя провести резкую грань. «Побуждения, порождаемые обстоятельствами жизни, это и есть тот «строительный материал», из которого складывается характер», — писал С. Л. Рубинштейн (160, с. 293). Иными словами, характер личности, личностная мотивация не являются не зависимыми от ситуационных побуждений человека и в своем формировании основываются на них. Как мы рассмотрим ниже, основная отличительная черта личностных мотивов от ситуационных побуждений — это их принятие субъектом. О внутренней принятости ситуационных побуждений человеком, в собственном смысле этого слова, мы не можем говорить.

Итак, рассмотрев характеристики ситуационных побуждений и их специфические взаимоотношения между собой, мы должны сказать о существовании ситуационного уровня организации мотивационной сферы человека. В онтогенетическом плане этот уровень является первым формирующимся уровнем мотивационной сферы человека. Он — основа, этап формирования личностного уровня организации мотивационной сферы человека. Можно говорить о наглядно-импульсивном, образно-импульсивном, наглядно-целевом, образно-целевом подуровнях ситуационного уровня мотивации человека.

На всех подуровнях ситуационной мотивации между различными побуждениями существуют преимущественно отношения простого динамического взаимодействия. Ситуационный уровень организации мотивационной сферы характеризуется аддитивностью, компонентами его — ситуационные побуждения — по существу являются взаимодополненными. Все эти моменты объясняют принципы ситуационной регуляции мотивационной сферы человека.

Ниже мы еще вернемся к особенностям строения, функционирования и развития ситуационных побуждений у личности. Но сначала остановимся на вопросе формирования личностного уровня организации мотивационной сферы человека.

Личностный уровень мотивационной сферы

Категория личности является одной из центральных в современной психологии. Исследовательский подход к различным аспектам психологии личности во многом зависит от понимания самой цели психологического строения целостной личности. Однако для исследования вопроса о личностной мотивации необходимо дать предварительное определение некоторых важных для нас моментов строения личности. Анализируя данный вопрос, мы ориентируемся на разработку проблемы личности советскими психологами и философами. В контексте нашего исследования первостепенное значение имеют

следующие характеристики личности, вытекающие из диалектико-материалистического понимания ее природы и сущности:

1. Личность имеет историческую природу и социальную сущность. Она включена в систему общественных отношений и выступает носителем их. Чтобы удовлетворить свои потребности, личность должна удовлетворять общественные потребности. Мотивационные «поля» людей как бы взаимопроникают друг в друга.

2. Личность обладает сознанием и самосознанием. Она способна относиться не только к явлениям внешнего мира, но и к себе в том числе и к своим побуждениям и мотивам. Сознание личности определяется ее бытием, ее реальной жизнедеятельностью. Но в свою очередь, само сознание личности оказывает влияние на характер и особенности ее бытия.

3. Личность является активным существом, субъектом своей деятельности и внутреннего мира. Она способна объективировать свои мотивационные образования, выбирать мотивы своего поведения и деятельности, ставить цели, выходящие за пределы ситуационных рамок. Наиболее обобщенные, стержневые мотивы личности соотношены друг с другом, соподчинены между собой.

4. Личность обладает как органическими, телесными, так и высшими, то есть духовными потребностями. Она имеет свои субъективно-личностные ценности. Важнейший регулятор ее деятельности — это не только личностные значимость, смысл этой деятельности, ее результатов, но и значимость, смысл самих мотивационных источников деятельности и поступков. Поведение личности находится под влиянием социально-этических норм.

5. Личность имеет целостную психику, аспектом которой является мотивационная сфера. Мотивационная сфера личности — это не отдельная субстанция внутри психики, а побуждающее, направляющее, регулирующее и смыслообразующее выражение целостной психической деятельности субъекта.

6. Личность формируется и развивается в общении и деятельности. Одним из важнейших условий и результатом формирования и развития личности является регуляция ею своей деятельности поведения и внутреннего мира. Личность — это уникальность, обладающая неограниченными творческими и регулятивными возможностями для самосовершенствования.

В советской психологии принято считать, что дошкольный возраст является начальным периодом формирования личности. Об этом еще в 40-е годы писал А. Н. Леонтьев (114). Как мы отметили выше, в этом возрасте в структуре мотивационной сферы детей ведущими выступают ситуационные побуждения. Однако именно на основе ситуационного уровня мотивационной сферы дети впервые начинают образовываться собственно личностные формы побуждений человека — в дошкольном возрасте намечается переход от ситуационной организации мотивационной сферы к принципиально новой, личностной организации. Как отмечает Б. Ф. Ломов, переход от одного уровня мотивации к другому прежде все

определяется развитием связей индивида с другими людьми, а не законами спонтанного развития потребностей (как например, П. Маслоу) (118, с. 12). Именно расширение и углубление связей дошкольника с окружающей действительностью, прежде всего с социальной, создают условия, ограничивающие непосредственный характер реализации ситуационных побуждений ребенка. Теперь во многих случаях ситуационность мотивации поведения детей оказывается нежелательной с точки зрения их новых отношений с окружающими людьми.

Преобразование ситуационных побуждений в собственно личностные мотивы, формирование качественно нового уровня организации мотивационной сферы человека является общественно обусловленной необходимостью. Оно связано с включением ребенка в новую систему общественной зависимости, в новую социальную действительность. Включение человека в новую систему общественно-практических отношений, указывает Л. И. Анцыферова, предъявляет ему новые требования, является основным условием расширения и развития мотивационной сферы личности (24, с. 175). С другой стороны, само психическое развитие человека открывает возможность того, что эти требования начинают оказывать определенное воздействие на формирование его мотивационной сферы. Одним словом, здесь имеется переплетение, взаимная обусловленность внешних и внутренних факторов психического, в частности, мотивационного развития человека.

В дошкольном возрасте ребенок впервые реально начинает отделять себя от своего непосредственного окружения, формируется его самосознание. В игре дети впервые выступают как субъекты определенных социальных отношений, усваивают правила поведения людей в совместной деятельности. С другой стороны, они начинают осознавать себя и как объекты человеческих взаимоотношений. Одним словом, у ребенка-дошкольника складывается ощущение своего «Я» как субъекта и объекта человеческих отношений.

Развивается волевая сфера детей, они могут ставить сознательные цели в воображаемой ситуации. Нравственные нормы общества, предъявляемые им со стороны взрослых, оказывают реальное влияние на поведение ребенка. Дошкольник осваивает эти нормы, у него образуется свое отношение к миру, свои ценности, имеющие для него субъективную значимость, личностный смысл. Как отмечает Л. М. Головина, с развитием мотивационной сферы детей дошкольного возраста выбор между успешно и неуспешно выполненным заданием осуществляется не на основе объективного успеха-неуспеха, а в соответствии с личностным смыслом результатов выполнения задания, определяемом мотивом деятельности (68, с. 31—32). Таким образом, у дошкольника начинает формироваться определенный внутренний смысловой план мотивации. Этот план позволяет ребенку уже по-иному строить свои взаимоотношения с теми или иными ситуациями своей жизнедеятельности. В работе А. Э. Чудновского показывается, что способность господствовать

над ситуацией и преобразовывать ее с развитием ребенка все большей степени становится зависимой от особенностей нравственной саморегуляции самого ребенка, от характера и степени усвоения принятых в обществе нравственных норм и образцов (20 с. 164). Однако, как мы уже отмечали, в дошкольном возрасте целом все еще продолжает доминировать ситуационный уровень мотивационной сферы.

В исследованиях Л. И. Божович показано, как у ребенка-школьника на определенном этапе его развития появляется умение не только действовать по моральным мотивам, но и отказываться от того, что его непосредственно привлекает (42, с. 240). Иными словами, можно сказать, что теперь не все ситуационные побуждения детей начинают непосредственно воплощаться в деятельность. Исходя из образовавшихся субъективно-личностных ценностей, ребенок начинает определенным образом **относиться** к своим осознанным внутренним побуждениям и внешним стимулам, **принимать** и **не принимать** их в качестве мотивов поведения и деятельности. Это означает, что ребенок становится способным объективировать свои мотивационные образования, относиться к ним уже в качестве субъекта внутренней деятельности. Именно с внутренним принятием и непринятием осознанных побуждений, как мы считаем, начинается формироваться личностный уровень организации мотивационной сферы человека.

В наиболее простых формах процесс принятия побуждений в качестве мотивов поведения можно наблюдать у детей младшего дошкольного возраста. Иногда, при субъективных трудностях в этом процессе, младший дошкольник может испытывать внутренний конфликт. В более раннем возрасте еще не приходится говорить о внутренних психологических конфликтах детей, возникающих на основе борьбы их желаний или их желаний и требований взрослых. В раннем детстве капризы детей скорее носят ситуационный характер, поэтому внутреннее принятие мотива, в собственном смысле данного слова, в этом возрасте отсутствует. Ребенок еще как бы непосредственно слит со своими побуждениями, психологически не может отделить себя от них, управлять ими.

Со сменой ситуации «принятые» детьми раннего возраста мотивы становятся непринятыми, внешними. Как замечает Н. А. Менчинская, под воздействием внешней обстановки ребенок в возрасте полутора лет легко и быстро отвлекается от своего упрямого желания (130, с. 43). Однако в более старшем возрасте желания ребенка оказываются более устойчивыми и менее подверженными изменению внешней обстановки. Отказ от определенного побуждения может сопровождаться внутренним конфликтом ребенка. При этом ситуационные изменения могут оказывать незначительное влияние на протекание внутреннего конфликта ребенка. В записях Н. А. Менчинской есть интересное наблюдение, сделанное, когда Саше было 4 года, 7 месяцев и 23 дня: «Я принесла домой пряники, предназначенные для подарка бойцам. Для Саши это было редкое

лакомством, ему очень хотелось пряника, но прямо он об этом не сказал, избрав окольный путь. Он заявил: «Красноармейцам не нужны пряники, им нужен табак». Я возразила, сказав, что бойцам будет очень приятно съесть сладкое. Тогда у Саши началась внутренняя борьба по преодолению этого желания. Опору в этой борьбе он находил в рассуждениях, которые произносил вслух: «А если я съем один пряник... (значит голос желания нашептывал: «Ну хочешь бы один пряник съесть») ... мне еще захочется, а ведь так нельзя, красноармейцам ничего тогда не останется». После некоторой паузы: «Пусть себе красноармейцы едят на здоровье пряники, я не буду их есть». На утро борьба все еще продолжалась, так как аналогичные разговоры велись, но Саша признал, что есть пряники нельзя» (130, с. 141). Таким образом, у Саши шел реальный процесс принятия или непринятия возникшего побуждения съесть пряники в качестве действенного мотива. Этот процесс сопровождался внутренним конфликтом, борьбой его мотивов и побуждений и мало зависел от перемены внешней обстановки. Но в то же время принятым ребенком мотив еще во многом ситуативен: у Саши к тому времени еще не образовалась устойчивая система мотивационно-смысловых образований, с которой бы мог соотноситься, интегрироваться тем самым упрочиться тот или иной его мотив.

С развитием детей-школьников у них усиливается потребность внутреннего принятия побуждений и стимулов, их осмысления в иерархии своих субъективно-личностных ценностей. Потребность осмысления внешних явлений и внутренних состояний в контексте своих отношений с действительностью выступает как один из мощных факторов личностного развития дошкольника. В дневнике Н. А. Менчинской можно увидеть описание того, как ребенок в возрасте пяти лет и десяти месяцев пытается осмыслить внешнее сообщение в иерархии своих субъективных ценностей. «Почувствовал большое недоумение, когда я ему прочла сказку Пушкина «О царе Салтане». Спрашивает меня: «Это — наш или фашистский?» Ему важно прежде всего выявить свое отношение к царю Салтану, а это в великом определяется тем — «наш» это или фашистский. В пределах этой антитезы и вращается мышление ребенка» (130, с. 153—154). Такое отношение Саши к явлениям определялось той социальной атмосферой, которую создавала война с фашистами. Потребность определить свое отношение не только к внешним явлениям, но и к внутренним своим побуждениям становится все более характерной для детей старшего дошкольного возраста.

К школьному возрасту личностная мотивация, характеризующаяся принятием субъектом, достигает весьма высокого уровня развития. Теперь далеко не все осознанные ребенком побуждения становятся мотивами его поведения. Личностно-смысловая мотивация начинает приобретать ведущую роль по отношению к ситуационной мотивации. В дневнике В. С. Мухиной есть следующее наблюдение, относящееся к седьмому месяцу седьмого года жизни ребенка: «Сегодня дети идут всем классом на прогулку в лес.

Провожая мальчиков до школы. Дети уже стоят парами. Кирилл сразу же вступил в общение с товарищами. Андрюша озабоченно ищет, с кем бы ему встать. Тревожно обращается ко мне: «А с кем я пойду?».

Посоветовала идти с Кирюшей. Андрей успокоился, но через минуту увидел своего приятеля Алешу и бросился к нему. Был у него порыв оставить Кирилла и идти с Алешей. Взглянул на меня. Пытался давить свое желание. Алешу лишь приветствовал» (140, с. 18—19). Из этой ситуации видно, что поведение Андрея было определено субъективно более значимым побуждением, а не стечением обстоятельств. Это говорит о том, что у ребенка достаточно четко сформировался личностный уровень организации мотивационной сферы, хотя, как можно заметить, и здесь не обошлось без ситуационных обстоятельств — не будь рядом матери и не взгляни на него Андрей, он, возможно, подчинился бы другой мотивации.

В младшем школьном возрасте ситуационный уровень мотивации имеет еще достаточно большую власть над поведением детей. Нередко младший школьник оказывается во власти провоцирующего, ситуационного побуждения. Здесь можно вспомнить случай, отраженный в дневниках В. С. Мухиной, произошедший на третьем месяце восьмого года жизни близнецов: «Дюка как в раннем так и в дошкольном детстве, и теперь иногда проявляет совершенно необъяснимую импульсивность. Сегодня залез в подвал, обнаружил там спрятанные Кириллом с верхнего этажа тетради и разорвал одну. Дома об этом поступке не рассказал. Лишь сообщил: «Кирилл учится на двойки и тройки».

Вечером случайно узнала о Дюкином поступке. Спрашиваю, почему он так поступил. Дюка с ужасом смотрит на меня:

— Я больше никогда так не буду.

— Я не об этом. Ты объясни — почему? Почему тебе захотелось разорвать тетрадь?

Андрюша. Я не знаю, почему так сделал.

— Ты подумай.

Андрюша. Я потом подумаю. Я не знаю до сих пор, почему я так сделал.

— Ты знал, что это плохо?

Андрюша. Знал, конечно. Потому что Кирилла будут ругать.

— Ты ему хотел за что-то отомстить?

Андрюша. Нет. Я на него не обижен.

— Тебе было приятно так сделать? Ведь иногда привлекательно делать то, что нельзя.

Андрюша. Нет.

— Но уж точно ты смеялся, когда так делал.

Андрюша. Нет. Но я улыбался.

— Чему же ты улыбался?

Андрюша. Не знаю. Я правда не знаю, зачем я так сделал. Мне надо очень наказывать. Но не наказывай меня, пожалуйста. Я буду стараться всегда думать» (140, с. 86—87).

Итак, ребенок поддался малоосмысленному побуждению и совершил определенный поступок. Интересная деталь: ребенок уже знает, что, прежде чем совершить тот или иной поступок, надо его обдумать, иначе он может оказаться плохим. Это то же самое, что осмыслить и принять возникшее побуждение в качестве личностного мотива. Начиная с этапа личностного развития, побуждения, которые реализовываются, не будучи принятыми человеком, могут оказаться неадекватными. Это есть условие социально-этической деятельности.

Итак, говоря о личностном уровне организации мотивационной сферы человека, мы прежде всего подразумеваем такую его характеристику, как принятость внутренних и внешних побуждений субъектом. В следующей главе монографии мы подробно остановимся на процессе принятия мотива личностью, на механизме того, как в результате этого процесса возникают функционально-системные отношения между единицами личностного уровня организации мотивационной сферы человека. Но прежде необходимо рассмотреть вопрос о самой единице личностного уровня мотивационной сферы.

Для того, чтобы мотивационная единица была принадлежащей личностному уровню мотивационной сферы человека, она, прежде всего, должна быть интегрирована с собственно личностными мотивационно-смысловыми образованиями, принятыми личностью. Такая мотивационная единица должна выражать личностно значимые отношения человека, обладать качеством целостной социально-психологической организации личности. Единица собственно личностного уровня мотивации должна представлять личностный смысл для человека, иначе говоря, быть осмыслена личностью в иерархии ее субъективно-личностных ценностей. Личностная мотивация «заключается не в том, что человек реагирует на определенный импульс, но в том, что этот импульс соотносится с установкой, вошедшей в поле сознания ее направленностью, с историей личности, обусловленной ее принадлежностью к социальной системе» (89, с. 49). По нашему мнению, понятие мотива, в смысле осознанного и принятого личностью побуждения, отвечает требованиям, которые могут быть предъявлены единице личностного уровня организации мотивационной сферы человека. Ситуационные побуждения являются «строительным материалом» собственно личностных мотивов. Однако для того, чтобы ситуационное побуждение превратилось в побуждение личностное, в мотив, оно должно быть осознано и принято личностью. В этом процессе, как мы покажем ниже, проявляется активная, субъектная, регулятивная роль личности по отношению к своей мотивации.

Как известно, в психологической литературе существуют различные, порой противоречащие друг другу, понимания мотива. Мотив не представляет собой изначально готовое, одномерное психологическое образование. Формирование мотивов поведения можно рассматривать в онтогенетическом и функционально-генетическом планах. «Мотив, как побуждение — это источник действия, его по-

рождающий; но чтобы стать таковым, он должен сам сформироваться», — отмечал С. Л. Рубинштейн (161, с. 564). Эти слова могут определить сферу функционально-генетического анализа становления мотивов. По нашему мнению, процесс принятия мотива личностью является одним из завершающих этапов формирования мотива в указанном плане. Для целостного и системного исследования мотивов личности следует рассмотреть все этапы функционально-генетического формирования этих мотивационных единиц, а также реализацию мотива в поведении и деятельности человека.

В. А. Иванников, также выступая за дифференциацию понятия мотива (как устойчивого мотивационного образования) и побуждения (как ситуационного образования), предлагает свой подход к исследованию процесса формирования побуждения к действию. В соответствии с его концепцией мотив присутствует в качестве определенной потребности, а побуждение понимается как последнее звено процесса мотивации, непосредственно инициирующее действие. Он пишет: «Формирование побуждения заключается в построении отдельных моментов мотивации: готовности к деятельности, ее направленности, выборе средств и способов действия, выборе места и времени действия, создания уверенности в успехе, правильности действия и т. д.» (84, с. 115). В нашем же подходе мы акцентируем внимание на качественном преобразовании, развитии побуждения в собственно личностное конкретное мотивационное образование — в мотив, также инициирующий деятельность человека.

Как нам представляется, формирование мотивов проходит ряд этапов, каждый из которых характеризуется растущей его интегрированностью со сложившейся мотивационно-смысловой структурой личности. Можно выделить следующие этапы становления, которые проходит мотив еще до своей реализации в поведении и деятельности:

- возникновение побуждения,
- осознание побуждения,
- принятие личностью осознанного побуждения в качестве мотива, которое можно назвать и принятием мотива личностью.

Отмеченные этапы выступают этапами функционально-генетического преобразования ситуационного побуждения в личностный мотив. Мотив, однако, продолжает содержательно обогащаться, развиваться и в процессе его реализации в поведении и деятельности человека.

Проходя различные этапы в своем становлении, мотив не остается тождественным самому себе, приобретает новые качества. Тем самым он раскрывает свое потенциальное содержание. Каждому этапу становления мотива соответствует определенное качественное состояние развивающегося мотива. Выявление этих качеств послужит для нас основой в определении понятия мотива.

Имеющиеся различия в определении мотива в значительной мере обусловлены тем, что различные исследователи берут за основу

различные этапы формирования мотива. Так, некоторыми авторами мотив понимается как любое внутреннее побуждение (217, 196) или как всякая мотивационная переменная (234, с. 61). Это побуждение само по себе может характеризовать лишь начальное звено процесса формирования мотива. Побудительный компонент заключен в каждом звене процесса отражения (163, с. 364), необходим для всякого целостного психического акта, всякого процесса (30, с. 13). Поэтому, как мы уже отметили, всякое психическое явление может выступить в качестве побуждения к определенному действию. Исходным и основным видом побуждений человека выступают потребности.

Итак, именно своей побудительной стороной психические явления могут быть рассмотрены как явления мотивационные. По нашему мнению, исходное качество мотива как движущей силы личностного поведения — это его побудительность. Однако мотив характеризуется не только своей побудительностью.

Побуждение — это еще не мотив, и не всякое побуждение становится мотивом поведения человека. Прежде всего это относится к неосознаваемым побуждениям. На осознанность как на характеристику мотива указывают многие авторы (91, 94, 145, 161, 169, 205, 231 и др.). Некоторые исследователи, как, например, В. С. Мерлин, пользуясь понятием неосознанного мотива, все же отмечают, что бессознательным мотив является не потому, что человек не осознает его, а потому, что осознает неправильно свою подлинную объективную нужду (131, с. 11). Однако, по мнению А. Н. Леонтьева, «мотивы, как правило, актуально не осознаются субъектом» (112, с. 19—20). Иной точки зрения придерживается К. Обуховский: «Если человек не сформулировал мотив совершенного или совершаемого действия, это практически означает только то, что он не имел мотива действия и, следовательно, действие его было немотивированным» (145, с. 17). Таким образом, существуют весьма противоречивые мнения по поводу осознаваемости мотива субъектом.

По нашему мнению, функционально-генетический анализ становления мотива во многом может способствовать разрешению этих противоречий. Как мы уже отметили, противоречия мнений исследователей по проблеме понимания мотива главным образом обусловлены тем, что авторы акцентируют свое внимание на различных этапах функционального формирования мотива. Мотив как неосознанное побуждение — это его состояние на начальном этапе становления. Поэтому понятие мотива нельзя сводить к неосознаваемому побуждению.

Конечно, неосознаваемое побуждение может оказаться в роли движущей силы человека. Нельзя согласиться с авторами, которые игнорируют это. В. С. Морозов, например, пишет: «Неосознанный интерес, конечно, непосредственно не участвует в регулировании поведения личности» (136, с. 19). По нашему мнению, было бы правильнее сказать, что неосознаваемые виды побуждений участвуют в регуляции поведения человека, будучи неинтегрированными с мо-

тивационно-смысловым ядром личности, аддитивным образом. В регуляции поведения человека они, кроме побудительной функции, выполняют другие функции (например, направляющую, смыслообразующую). Но в отличие от неосознаваемых побуждений существуют и такие мотивационные явления, как постсознательные мотивы. Эти мотивы, многократно проходя этапы осознания и принятия личностью, входят в привычку и реализуются в поведении человека, будучи актуально неосознаваемыми субъектом. Между неосознаваемым побуждением и постсознательным мотивом имеется большая разница. Нарушение привычных условий формирования постсознательных мотивов вновь возвращает отмеченные этапы его становления на осознаваемый субъектом уровень.

«Бессознательное влечение переходит в осознанное, когда осознан объект, на который оно направляется», — пишет С. Л. Рубинштейн (161, с. 11). Кроме объекта, полное осознание побуждения включает в себя и осознание предстоящего действия, результата, также способов осуществления этого действия. Осознание предметного содержания побуждения, действия, его результата и способов осуществления этого действия зависит от отношений личности к ним, от неосознаваемых ее установок. Об этом писали многие исследователи (145, 160, 161, 162 и др.). Поэтому осознание побуждения субъектом может быть затруднено либо вовсе заблокировано. Однако говорить о принятии или непринятии личностью мотива мы можем лишь по отношению к осознанным побуждениям. Тогда формирование побуждений в процессе их осознания человеком следует выделить как отдельную проблему.

Итак, осознание побуждения является вторым этапом процесса формирования личностного мотива. Осознанность является качеством психики человека. Об этом, например, пишет Е. В. Шорохов (209, с. 269—300). На втором этапе своего формирования мотив приобретает свое следующее необходимое качество — осознанность.

Достаточно ли человеку осознать побуждение, чтобы оно превратилось в мотив? Очевидно, нет. Человек может осознать какое-нибудь побуждение или стимул, но, оценив его — отказаться от него, подавить, не подчиниться ему, иными словами, **не принять** в качестве мотива своего поведения. В результате осознанное побуждение может вновь превратиться в побуждение неосознаваемое или остаться просто осознанным побуждением, не становясь мотивом поведения человека. Известны многие случаи, когда люди по тем или иным убеждениям не подчинялись побуждениям, исходящим даже из самых жизненно важных физиологических потребностей, хотя это и приводило к трагическим последствиям. Мы считаем, что исследователи, которые рассматривают мотив как осознанное побуждение (161, с. 542; 169) или как осознанную потребность (209) по существу ограничиваются лишь вторым этапом его формирования.

В некоторых определениях мотива можно усмотреть момент его принятия личностью. У одних авторов это объясняется тем, что, бу-

дучи осознанной потребностью, мотив в то же время является и свойством (94, с. 43), привычкой (91, с. 48) личности. Другие, отмечая необходимость допущения мотива с точки зрения совокупности отношений личности (145, с. 53), обращают внимание на связи характерных для личности мотивов с системой типичных для нее психологических отношений (7, с. 224) и определяют мотив как выражение отношения личности к объекту действия (141, с. 219). Эти положения также определенным образом говорят о принятости мотива личностью. Но в обоих указанных подходах не был выделен вопрос о процессе принятия осознанных побуждений в качестве мотивов личности.

Ссылаясь на мысль С. Л. Рубинштейна о том, что в волевом акте непосредственное побуждение должно быть всегда осознано, Ф. Е. Василюк считает, что оно также должно быть **принято**, и решающим является не непосредственная сила этого побуждения, а его содержание, его соотнесенность со всем смысловым, ценностным и временно-пространственным целым личности» (58, с. 155). Ф. Е. Василюк не останавливается подробно на проблеме принятия побуждений личностью, но в приведенном его высказывании правильно указывается на связь этого явления с ценностно-смысловой сферой личности. В контексте нашего исследования вопрос о связи мотива с понятием личностного смысла выступает одним из центральных.

Постановка данного вопроса является большой заслугой А. Н. Леонтьева в разработке проблем мотивации. А. Н. Леонтьев совершенно справедливо отмечал, что «личностный смысл выражает именно его (субъекта — А. Ф.) отношение к осознаваемым объективным явлениям» (113, с. 302). Но впоследствии он утверждал: «Безусловно, осознаются или не осознаются субъектом мотивы, сигнализируют ли они о себе в форме переживаний интереса, желания или страсти, их функция, взятая со стороны сознания, состоит в том, что они как бы «оценивают» жизненное значение для субъекта объективных обстоятельств и его действий в этих обстоятельствах, придают им личностный смысл, который прямо не совпадает с понимаемым объективным их значением» (109, с. 150). Поскольку А. Н. Леонтьев понимал мотив как «объект, который отвечает той или иной потребности и который, в той или иной форме отражаясь субъектом, ведет его деятельность» (111, с. 5), то следует, что личностный смысл мотива не зависит от отношения личности к этому объективному явлению, от осознанности или неосознанности самого мотива. На это указывает и В. В. Столин: «В теории А. Н. Леонтьева имплицитно полагается, что содержание и свойства мотива не меняются в зависимости от факта его осознания или неосознания» (176, с. 324). Однако, по нашему мнению, для того, чтобы мотив мог придавать личностный смысл деятельности, он должен быть осознан и осмыслен субъектом. Это и явилось бы процессом, в котором личность с точки зрения своих отношений принимает или не принимает осознанное побуждение в качестве мотива. При этом

личность как субъект деятельности сама должна найти смысл своего побуждения. Деятельность личности зависит от ее мотива так же, как мотив зависит от самой личности. Личность, объективируя свои мотивационные образования в сознании, определенным образом воздействует на них, что сказывается на содержании этих мотивационных образований. В этом заключается одно из проявлений личности как субъекта мотивации.

Только с внутренним принятием осознанного побуждения в качестве мотива, его интеграцией со сложившейся мотивационно-смысловой структурой личности, мотив приобретает свое следующее необходимое качество — качество целостной социально-психологической организации личности. С. Д. Смирнов правильно отмечает, что «мотив (действующий, действенный мотив конкретной деятельности) является таким же индивидуальным и неповторимым, как сама эта деятельность» (174, с. 22). Но сама по себе категория деятельности еще недостаточна для объяснения неповторимости уникальности мотива. По нашему мнению, именно осмысленность делает мотивы каждого человека уникальными.

С принятием осознанного побуждения в качестве мотива завершается формирование мотива в сознании человека и начинается его реализация во внешнем или внутреннем действии. Таким образом, качества побудительности, осознанности и осмысленности могут характеризовать три последовательных этапа преобразования побуждения в мотив. Исходя из этого, мы определяем мотив как осознанное и принятое личностью побуждение. С формированием такого рода побуждений и установлением специфических взаимоотношений между ними начинается становление личностного уровня организации мотивационной сферы человека. Формирование нового уровня организации мотивационной сферы означает и появление нового типа мотивационной регуляции — регуляции личностно-смыслового характера, осуществляемой со стороны самого субъекта. Прежде, чем мы подробно остановимся на процессе принятия мотива личностью и взаимоотношениях между мотивами, рассмотрим некоторые тенденции в развитии личностного уровня мотивационной сферы человека.

В своем онтогенетическом развитии личность включается во все новые связи в системе общественных отношений. В результате этого у нее появляются новые обобщенные мотивы, формируются новые субъективно-личностные отношения к действительности, меняются ценности. На разных этапах жизненного пути личности, наиболее значимыми для нее выступают различные ее мотивационно-смысловые образования, через которые преломляются внутренние принимаемые мотивы. Так, в дошкольном детстве — это отношения с родителями, в младшем школьном возрасте к ним прибавляются еще и отношения с учителями. У подростка центральными мотивационно-смысловыми образованиями являются его взаимоотношения со сверстниками, его стремление познать себя, свой внутренний мир. Для юношей наиболее значимыми оказывается перспектива их

дальнейшего будущего, потребность смысла жизни. Важнейший смысл для зрелой личности приобретает ее семейная, трудовая и общественная деятельность. Таким образом, «смысловая насыщенность», личностный смысл мотива изменяются, обогащаются в зависимости от того, с каким мотивационно-смысловым образованием он был соотнесен, интегрирован. Рост этой интегрированности, соотношенности мотивов друг с другом — одна из важнейших тенденций в развитии личностного уровня организации мотивационной сферы человека.

Как мы уже отметили, личностная мотивация ребенка лишь постепенно начинает приобретать ведущую роль в его жизнедеятельности. Еще в младшем школьном возрасте «намерение, принятое ребенком, побуждает его выполнить то, что он наметил, но образованное им самим намерение легко поддается непосредственному желанию ребенка» (50, с. 58). Другими словами, в этом возрасте внутренние связи мотивов ребенка еще не очень устойчивы по отношению к ситуационным детерминантам. Поведение младшего школьника теперь во многом ориентировано личностным смыслом его мотивов, но сама ценностно-смысловая сфера ребенка еще носит печать ситуативности. И для ребенка около десяти лет, по словам А. В. Веденова, если не ведущим, то по крайней мере одним из основных противоречий является противоречие между готовностью к самостоятельной ответственной деятельности и все еще существующей зависимостью поведения от непосредственно воспринимаемой ситуации или от переживаемых потребностей либо эмоций (60, с. 55). Очевидно, сказанное не одинаково справедливо ко всем социальным и культурным условиям развития детей. Но проблемы социокультурного и полового аспектов онтогенетического развития мотивационной сферы личности недостаточно изучены.

Учеба, как новая сфера жизнедеятельности ребенка, приводит к образованию у него новых отношений с действительностью, новых субъективно-личностных ценностей. Но различные отношения младшего школьника с внешним миром еще мало интегрированы между собой внутренне, что и проявляется в функционировании мотивационной сферы ребенка. В этом возрасте формируются такие обобщенные побуждения детей, как идеалы. Однако сначала идеал ребенка — это ситуативный образ (42, с. 330).

Средний школьный возраст характеризуется стремлением подростка к постижению своего внутреннего мира, образа своего «Я». Если у младших школьников наблюдается стихийная борьба мотивов, отмечает Л. Н. Божович, то у подростка такая борьба опосредствуется сознательным выбором (43, с. 38). Иначе говоря, у подростка процессы личностного принятия побуждений в качестве мотивов выходят на больший уровень сознательности, на переднем плане оказывается содержательно-смысловое соотношение мотивационных образований. Идеалы подростка — это уже сознательно выбранный образец (42, с. 332—333). Таким образом, ситуационные факторы играют теперь меньшую роль в формировании обоб-

ценных мотивов подростка. Одним словом, в подростковом возрасте резко усиливается потребность человека во внутреннем принятии побуждений и стимулов в качестве мотивов своего поведения.

Интегративные тенденции в развитии мотивационной сферы еще больше усиливаются в юношеском возрасте. У юношей формируются мировоззрение, жизненные планы, они испытывают потребность в определении единого своего отношения к окружающему миру. В. Т. Лисовский, в течение многих лет изучавший жизненные планы молодежи, отмечает, что каждый опрошенный в среднем называет 6 личных жизненных планов (115, с. 22). Такая небольшая цифра достаточно красноречиво свидетельствует об особенностях складывания мотивационной структуры юношей. Мотивационный компонент жизненных планов характеризуется большой степенью обобщенности. Как указывает В. А. Ядов, отдельные жизненные цели связанные с главными социальными сферами деятельности человека, выступают в качестве важнейших элементов жизненного плана (213, с. 368). В структуре жизненного плана эти отдельные цели не рядоположны, а находятся в определенном системно-иерархическом отношении. Жизненный план, отмечает И. С. Кон, это не только результат обобщения и укрепления частных целей, но и итог конкретизации и дифференциации целей и мотивов (99, с. 206). Отдельные жизненные планы юношей не могут быть не соотносены друг с другом. Однако, как отмечают многие исследователи (17, 42, 60, 99 и др.), сформированные жизненные планы юношей их самоопределение еще находятся в противоречии с реальным поведением, должны быть апробированы. Поэтому мотивационную интегрированность у юношей нельзя назвать действенной. Лишь с наступлением зрелости, когда жизненные планы и перспективы юношей проверяются на практике, создаются условия для формирования действительной интегрированности наиболее обобщенных мотивационных образований человека.

В юношеском возрасте человек особо сильно испытывает потребность найти смысл жизни. Это связано с объективными и субъективными условиями жизнедеятельности юношей, имеет свое психологическое основание. Поиск своего места в жизни не есть психологически гладко протекающий процесс. «Возникновение вопроса о смысле жизни всегда симптом известной неудовлетворенности» (98, с. 205), и «бывает как в начале жизненного пути человека, так и при крутых, драматичных поворотах в его жизни» (207, с. 39). Потребность найти смысл жизни некоторые авторы рассматривают как одну из основных человеческих потребностей (145, 229).

Содержательная интеграция мотивов, их смысловое насыщение выступают ведущей линией развития личностного уровня организации мотивационной сферы человека. На необходимость определения смысла жизни для личностной интеграции человека и его психического здоровья указывают многие исследователи. Формирование смысла жизни находит объяснение и в контексте ситуационно-личностного уровня развития мотивационной сферы человека.

Смысл жизни человека, пишут А. Т. Москаленко и В. Ф. Сержантов, формируется как разрешение ситуативных противоречий, возникающих на основе конвенционально-ролевых и эмоциональных контактов, которые имеют место в жизни на стадии детства и ранней юности» (137, с. 227). В следующей главе мы подробнее остановимся на тесной связи формирования личностных мотивов со смысловыми образованиями личности, ядром которых выступает смысл жизни человека.

Большая или меньшая осмысленность своей жизнедеятельности — необходимое условие существования человека как личности. Уровни же осознания человеком смысла своей жизни, отмечает Л. Н. Коган, могут быть различными — от самых общих представлений до ясного понимания конкретных задач сегодняшней и завтрашней деятельности, от интуитивного осознания своей жизненной цели до деятельной разработки жизненных планов и программ (93, с. 226). По мнению В. Н. Шилова, индивид в большинстве случаев скорее «ощущает», чем знает смысл жизни (207, с. 39). Логично предположить, что у выдающихся деятелей — высокий уровень осознания смысла своей жизни. Но человек может находить чрезвычайно большой смысл, огромную увлеченность и в жизнедеятельности гораздо меньшего масштаба. Каковы психологические отличительные особенности в смысловом насыщении личностной мотивации, например, исторического деятеля, принимающего участие в мировых делах, и простого садовода, самозабвенно преданного своей работе? Для дисциплины, изучающей внутренний мир человека, подобные вопросы представляют немалый интерес, но, к сожалению, психологическая наука еще не располагает соответствующим методическим инструментарием для их раскрытия.

Именно способность человека в едином осмыслении своей жизнедеятельности создает условия для содержательной интеграции его различных мотивационных тенденций. Не случайно, К. Маркс, отвечая на вопрос анкеты «Ваша отличительная черта», написал: «Единство цели» (2, с. 491). Цельность личности — это прежде всего интегрированность ее мотивационно-смысловых образований.

К. Обуховский выделяет три фазы развития способов удовлетворения потребности смысла жизни. В первой фазе удовлетворение происходит путем идентификации, подражания готовым образцам людей или литературных персонажей. Вторая фаза — это фаза «космических» решений, когда человек строит туманные, оторванные от реальности концепции, касающиеся смысла жизни вообще. «Третья фаза обычно начинается тогда, когда общий вопрос о смысле жизни уступает место конкретному вопросу, который ставит перед собой взрослый человек: «В чем смысл моей деятельности?» (145, с. 211—213). Эти три фазы соответствуют подростковому, юношескому и зрелому периоду жизни, однако, как замечает К. Обуховский, продолжительность фаз в зависимости от условий жизни человека может быть различной.

К. Обуховский правильно отмечает тенденцию к конкретизации

концепции смысла жизни человека в контексте его жизнедеятельности. Действительно, вопрос о смысле жизни того или иного человека — это вопрос о личностном смысле той конкретной жизнедеятельности, которую он ведет. Поэтому, наряду с общими моментами для всех людей, в каждой постановке этого вопроса отдельными личностями есть и уникальные моменты. К сожалению, в современной научной литературе нет исследований, которые охватили бы конкретно-исторические, культурологические, общечеловеческие и индивидуальные аспекты феномена смысла жизни человека.

Понимание человеком смысла своей жизнедеятельности находит конкретное отражение в наиболее обобщенных целях всей жизнедеятельности личности. Чем целостнее осмыслена вся жизнедеятельность человеком, тем интегрированнее его отдельные личностные цели. Личностная стратегия, указывает Л. И. Анцыферова «должна предусматривать необходимость создания некоторой системы взаимодополняющих и подкрепляющих друг друга промежуточных целей» (22, с. 11). Иными словами, взаимосоотнесенность интегрированность различных целей жизнедеятельности субъекта выступает как важнейший фактор, обеспечивающий действенный характер общей личностной целенаправленности человека.

Итак, тенденция к интеграции личностных мотивационных явлений — это генеральная тенденция развития личностного уровня организации мотивационной сферы человека в онтогенезе. В основе явлений интеграции в мотивационной сфере личности, как мы считаем, лежит внутренняя принятость личностью побуждений и стимулов в качестве мотивов. Без принятости побуждений в качестве мотивов субъектом, как мы видели выше, между ними могут существовать только отношения аддитивности, рядоположенности. В следующей главе книги мы подробно остановимся на самом процессе принятия мотива личностью, на том, как в результате этого процесса открывается возможность образования системно-функциональных отношений между личностными мотивами. Словом, остановимся на механизме протекания мотивационной саморегуляции личности.

ГЛАВА III. ЛИЧНОСТЬ КАК СУБЪЕКТ МОТИВАЦИИ

Человек — это не объект и не пассивный участник своей судьбы, он — подлинный ее творец. Это положение справедливо для всех людей, но для одних в большей, а для других в меньшей степени. Чтобы быть действительным субъектом своей жизнедеятельности, личность должна обладать способностью управлять своими мотивационными тенденциями, регулировать их, то есть выступать активным началом, субъектом своей мотивации.

Личность, отмечает К. А. Абульханова-Славская, регулирует «и свои состояния, и мотивацию, и чувства, последовательно реализуя значимую для нее линию деятельности» (8, с. 97); и именно «способ выработки мотивации, а не ее наличие характеризует личность» (7, с. 226). К изучению проблемы личностного, в частности мотивационного самоопределения и саморегуляции субъекта, можно подойти с различных методологических позиций. Положение о личности как о субъекте деятельности, а более широко — как о субъекте жизнедеятельности, успешно разрабатываемое в советской психологии, выступает для нас основополагающим принципом в исследовании тех или иных аспектов мотивационной саморегуляции личности.

По нашему мнению, в мотивационном плане личность как субъект деятельности проявляется прежде всего в способности принимать или отвергать внешние и внутренние побуждения как мотивы поведения. Эта способность личности характеризует ее как активное, творческое начало в процессе мотивации. Разработка проблемы принятия мотива личностью, как нам представляется, будет способствовать обогащению новым содержанием положения о личности как о субъекте деятельности и внутреннего мира.

В ходе формирования собственно личностного уровня организации мотивационной сферы происходит трансформация ситуационных мотивационных единиц и их взаимоотношений, изменяется роль самого человека в осуществлении мотивационных процессов. Формирование личности как субъекта мотивации означает, что личность становится способной относиться к своим побуждениям и мотивам как к объектам управления и регуляции.

Активность личности в мотивационном процессе проявляется и в межуровневых взаимоотношениях в ее мотивационной сфере: лич-

ность как субъект мотивации выступает регулятором этих взаимоотношений. Она, опираясь на интегративные свойства собственных личностных мотивационных единиц, может сдерживать, тормозить ослаблять или «снять» свои ситуационные побуждения. Рассмотрим психологические механизмы этих процессов.

Принятие мотива личностью

В современной психологии интенсивно разрабатывается вопрос о принятии человеком решений. Чем же, на наш взгляд, отличаются процессы принятия решений и принятия мотивов личностью? Исследователи, работающие в области проблемы принятия решений человеком, акцентируют свое внимание прежде всего на операциональной стороне изучаемого процесса. Так, изучение особенностей выбора человеком определенной стороны бросаемой монеты является характерным приемом исследования процесса принятия решений. Однако выбор человеком стратегий поведения имеет не только операциональный, но прежде всего мотивационный аспект. К сожалению, в современных разработках проблемы принятия решений мотивационная сторона исследуемого явления достаточным образом не выделяется. В свою очередь, мы хотим заострить внимание именно на мотивационном аспекте формирования и выбора действий человека. Одним словом, под принятием мотива личностью мы подразумеваем процесс превращения возникших побуждений человека в действенные мотивы его поведения, опосредствованный ценностно-смысловыми, значимыми отношениями субъекта (188). Но поскольку принятие мотива и принятие решения можно рассматривать как две стороны одного процесса, то, как мы полагаем, в дальнейшем их можно и нужно будет объединить в целостном исследовании.

Как было отмечено, личностные мотивы в своем происхождении, функциональном становлении основываются на ситуационных побуждениях. С. Л. Рубинштейн отмечает: «Побуждения, порождаемые обстоятельствами жизни, это и есть тот «строительный материал», из которого складывается характер. Побуждение, мотив — это свойство характера в его генезисе. Для того, чтобы мотив (побуждение) стал свойством личности, «стереотипизированным» в ней, он должен генерализоваться по отношению к ситуации, в которой он первоначально появился, распространившись на все ситуации, однородные с первой, в существенных по отношению к личности чертах» (162, с. 134). Таким образом, по мнению С. Л. Рубинштейна, мотивы, которые являются свойствами личности, то есть собственно личностные мотивы, формируются путем генерализации ситуационных побуждений, их преломления через существенные черты личности. Нам представляется, что механизм такой генерализации (однако теперь по существенным, а не по сходным признакам) и есть механизм принятия побуждений личностью в качестве мотивов. У С. Л. Рубинштейна встречаем указание на то, что для успешности воспитания не достаточно предъявлять моральные требова-

ния; добиваться, чтобы они не нарушались, внешне соблюдались, формально выполнялись; необходимо, чтобы они были внутренне приняты — так, чтобы поведение, не только внешне, формально, но и по существу, вытекало из собственно внутренних побуждений человека (162, с. 142). Принятие личностью осознанного внутреннего или внешнего побуждения — это и есть рождение личностного мотива, его интеграция со сложившейся ценностно-смысловой и мотивационно-значимостной структурой субъекта, его генерализация по отношению к собственно личностным свойствам человека. Обобщение между мотивационными единицами, в собственном смысле этого слова, достигается именно таким путем.

У А. Н. Леонтьева мы встречаем другой подход к объяснению возникновения мотивов личности. Он писал о механизме превращения «только понимаемых» мотивов в «реально действующие» как о механизме формирования личностных мотивов. Подобное превращение объясняется А. Н. Леонтьевым процессом сдвига мотивов на цель, который появляется тогда, когда «при некоторых условиях результат действия оказывается более значимым, чем мотив, реально побуждающий это действие» (113, с. 521). По нашему мнению, «только понимаемые» мотивы, на которые указывал А. Н. Леонтьев, — это то же самое, что и осознаваемые человеком побуждения. Например, ребенок понимает, что ему надо делать уроки, но еще реально не приступил к этому. Здесь «надо делать уроки» выступает в качестве определенного осознаваемого побуждения; но оно еще не стало мотивом деятельности ребенка, внутренне не принято им. Поэтому, как нам представляется, процесс превращения «только понимаемых» мотивов в «реально действующие» можно объяснить и процессом принятия осознанных побуждений в качестве мотивов. Для того, чтобы это осознанное побуждение стало личностным мотивом, оно должно быть соотнесено со шкалой субъективно-личностных ценностей, интегрировано с мотивационно-смысловыми образованиями человека.

Путем ценностно-смысловой идентификации мотив входит в структуру генерализованных, значимых отношений личности. Например, смысл жизни человека является главным личностным смыслом. Личность идентифицирует себя прежде всего со смыслом своей жизни, а также с другими значимыми отношениями, образом «Я». Поэтому, соотнося мотив с такого рода смысловыми образованиями, личность идентифицирует мотив с собой. По словам В. В. Столина, «Я» приобретает смысл в соотнесении с мотивами и с главным мотивом-целью и в контексте той иерархии, в которой организуется мотивационная сфера» (176, с. 241). Однако можно сказать и обратное: сами мотивы приобретают смысл в соотнесении с «Я» человека.

Соотнесенность мотива со смысловыми образованиями личности и придает мотиву личностный смысл — смысл личностной значимости. Воспоминание женщины о голодном, блокадном Ленинграде хорошо иллюстрирует это положение: «И вот, знаете, другой раз я

чувствую, что слабею. Совсем руки, ноги холодные. Батюшки! Я же умру! А Вова? И, знаете, я вставала и что-то делала. Этого я сейчас просто объяснить не могу» (13, с. 126). На этом примере мы видим, как побуждение сдаться, покориться судьбе приходит в противоречие со смыслом жизни — жизнью сына. Женщина отрицательно осмысливает осознанное побуждение, в результате чего оно не перерастает в действенный мотив. Но поколебленное желание выжить, соотносясь со смыслом жизни, наполняется новым содержанием, приобретает высокий личностный смысл. Таким образом, женщина принимает мотив выжить.

Однако иногда можно наблюдать другое психологическое явление: личность отрицательно осмысливает какое-либо осознанное побуждение, но оно тем не менее реализуется в деятельности, становится движущей силой человеческого поведения. Такой исход свидетельствует о том, что данное побуждение представляет действительную значимость для личности. Подобный случай говорит и о том, что у личности мало интегрированы ценностные и мотивационно-смысловые образования.

В процессе принятия мотива личностью, особенно в ситуации риска, очень важную роль играет предполагаемый результат действия человека. Не все люди принимают в качестве мотивов даже очень значимые побуждения, когда они не уверены, а тем более сомневаются в том, что справятся с реализацией рискованного поступка. Рассмотрим случай, описанный Г. Бочаровым (52).

Троллейбус с пассажирами сорвался с высокой плотины: водохранилища и опрокинулся в холодную воду. Наблюдателей было много, но в воду кинулись только случайно оказавшиеся поблизости братья Карапетян — спортсмены-подводники. Старший брат — Шаварш спас 20 человеческих жизней. Конечно, подвиг Шаварша Карапетяна вызван не только его качествами как пловца-подводника. Истоки подвига Шаварша Карапетяна надо искать не в его профессиональных умениях, а в свойствах его личности. В то же время побуждение спасти тонущих, вероятно, возникло не только у братьев. Но неумение реализовать это побуждение выразилось в том, что для большинства людей побуждение помочь тонущим осталось всего лишь побуждением, а не превратилось в действенный мотив.

К. Муздыбаев (138) в своей книге описывает одно исследование, проведенное в США. Группа исследователей изучила личностные качества людей, препятствовавших совершению разного рода преступлений с тяжелыми последствиями. Было обследовано 44 человека, все они пострадали сами, вмешиваясь в преступные действия. «Какие же факторы оказались определяющими заступничества? В первую очередь, это личная уверенность заступников, что они справятся с ситуацией. Они либо имели хорошую тренировку и обладали навыками самообороны, либо их отличало знание профессиональных приемов, необходимых медикам, спасателям, полицейским. Кроме того, они описывали себя как более физически развитых, агрессивных, эмоциональных и принципиальных» (138, с. 173).

Бывает, что у некоторых людей в подобных опасных, экстремальных ситуациях побуждение помочь другому реализуется в деятельности несмотря на отсутствие уверенности в себе. Как правило, так поступают люди с особо высокими и устойчивыми нравственными убеждениями. Ниже мы еще остановимся на связи принятия мотива личностью с его реализацией во внутреннем или внешнем действии, поведении.

Взаимодействие различных побуждений может привести к усилению или торможению их побудительной силы (10). В свое время еще Газали (XI в.) говорил о том, что «возникновение способности к действию может возбуждаться либо одним побудителем, либо двумя, соединившимися в едином действии» (6, с. 264). Газали ограничивается констатацией различных случаев связей между побуждениями, но не раскрывает причины появления этих связей. Он дает интересную классификацию случаев кооперации между побуждениями: «Второй побудитель может быть либо сопутствующим, либо соучаствующим, либо содействующим» (6, с. 266). Но как же происходит возникновение этих сообразных отношений между мотивационными явлениями? По нашему мнению, динамическая, побудительная сила принимаемого субъектом мотива усиливается только тогда, когда мотив содержательно соотнесен с ценностно-смысловыми и мотивационно-значимыми образованиями личности. Побудительная сила мотива, писал А. В. Запорожец, при прочих равных условиях возрастает тогда, когда он прямо связан со стоящей перед субъектом задачей (81, с. 141). Таким образом, принятые личностью мотивы способны придать новому мотиву не только новое содержание, но и дополнительную побудительную силу.

Поскольку субъективные ценности и значимые психологические отношения человека, представляющие для него личностный смысл, имеют свой побудительный аспект, их наряду с принятыми личностью мотивами можно рассматривать как мотивационно-смысловые образования личности. Взаимодействие побудительных сторон формирующегося мотива и мотивационно-смысловых образований, в случае их содержательной интеграции, приобретает характер взаимосодействия. Как было показано П. К. Анохиным, взаимодействие компонентов является характерной чертой функциональных систем (18, с. 66—73). Поэтому можно сказать, что с принятием личностью мотива, то есть в результате содержательно-динамической интеграции последнего определенная функциональная система мотива субъекта образуется (на отмеченном выше примере — это система мотивов личности «для того, чтобы жил Вова надо выжить самой»). Компоненты такой мотивационной функциональной системы характеризуют единая направленность. Поведение же, побуждаемое принятым личностью мотивом, оказывается реально полимотивированным.

Вопрос о полимотивированности поведения человека неоднократно поднимался в психологической литературе. Д. Миллер, Ю. Га-

лантер и К. Прибрам пишут о «суммации», множественной причинности поведения, которое побуждается несколькими мотивами одновременно (133, с. 116). А. Н. Леонтьев отмечает, что «деятельность necessarily становится полимотивированной, то есть одновременно отвечающей двум или нескольким мотивам» (109, с. 201—202). «Человек,— указывает В. В. Столин,— стремящийся лишь к одному какому-то мотиву, не более чем абстракция» (176, с. 106). К. Обуховский говорит о возможной полимотивированности поведения людей и животных (145, с. 12). По мнению Д. Фридриха, надо «освободиться от представления о том, что сложное социальное поведение определяется лишь единичными, отдельными мотивами, которые прямо даны в самонаблюдении человека» (196, с. 151). А. П. Колисник отмечает: «Человеческая деятельность полимотивирована: мотивы занимают разное место в иерархии, могут иметь разные аффективные знаки, с разным уровнем представленности в сознании» (97, с. 85). Согласно В. И. Ковалеву и Н. А. Сырникову «поведение и деятельность человека побуждается не одним мотивом, а их совокупностью» (95, с. 41). Стремление людей, разрешая определенную задачу, реализовать несколько целей одновременно было отмечено Ю. Козелецким (96, с. 40). А вот что пишет старшая дочь Л. Н. Толстого, анализируя мотивы ухода отца из дома: «Но в жизни человека никогда не бывает, чтобы одна какая-нибудь причина преимущественно перед другими побудила бы его совершить тот или иной поступок. И это в особенности справедливо для такой богатой, страстной и сложной натуры, как мой отец. Его поведение было результатом целого ряда причин, сочетавшихся, противоречащих друг другу» (177, с. 358). Как можно убедиться, в основе всех приведенных высказываний лежит мысль о том, что личностное поведение есть результат не отдельной побудительной причины, а определенной совокупности мотивов.

Вопрос о полимотивированности поведения человека разрабатывается в психологической науке (86). Тем не менее, специальных посвященных данной проблеме работ немного. Особый интерес представляет освещение этого вопроса А. Н. Леонтьевым. Из тех авторов, высказывания которых мы привели выше, он более подробно останавливается на проблеме полимотивированности поведения и деятельности человека. А. Н. Леонтьев исходит из положения о потребности в природе мотивов: «Многие виды деятельности,— пишет он,— отвечают не какой-нибудь одной потребности, а одновременно нескольким потребностям. Соответственно этому они побуждаются несколькими широкими, обобщенными и значимыми мотивами и, следовательно, имеют для человека многосторонний смысл» (110, с. 372).

Очевидно, для того, чтобы несколько разных мотивов одновременно побуждали деятельность, между ними должны существовать определенные отношения, известная соотношенность. В литературе можно встретить указание на тот момент, что побуждения полимотивированной деятельности образуют определенную структуру, ие

рархию (128, с. 16). Иными словами, эти мотивы должны быть функционально кооперированы. По нашему мнению, объяснение тому, как происходит такая кооперация мотивов дает исследование процесса принятия мотива личностью. Деятельность приобретает многосторонний смысл для субъекта именно в результате того, что ее мотив соотносится с другими мотивационно-смысловыми образованиями личности.

С развитием личности, формированием новых значимых отношений, ценностей и мотивов человека происходит расширение границы полимотивированности поведения и деятельности субъекта. Чем более расширяются связи субъекта с миром, отмечает А. Н. Леонтьев, тем более они перекрещиваются между собой, и «сознание уже не может оставаться ориентирующим лишь те или иные действия субъекта, оно должно также активно отражать иерархию их связей, процесс происходящего подчинения и переподчинения их мотивов» (109, с. 211—212). А это, по мнению А. Н. Леонтьева, требует особого внутреннего движения сознания, заключающегося в соотношении мотивов друг с другом. Таким образом, наблюдается тенденция к образованию единой системы мотивов личности, компоненты которой непосредственно или опосредованно соотносены между собой. При этом личность, конечно, не может осознавать все связи своих мотивов друг с другом, то есть она не знает все внутренние побудительные факторы своего поведения. Для того, чтобы углубиться в отношениях между мотивами, личность должна проделать определенную работу в своем сознании.

В теории функциональной автономии мотивов Г. Олпорта (217, 218) есть утверждение, что мотив в своем функционировании становится независимым от других мотивов, от которых он начал свое происхождение. Здесь, казалось бы, имеется противоречие с нашим выводом о том, что с принятием личностью мотив начинает выступать в определенной функциональной системе мотивов. Однако это не так. Дело в том, что в результате принятия мотива личностью не может не возникнуть определенная функциональная интеграция, система мотивов человека, но в дальнейшем эта система может распасться и образуется функциональная автономия принятого личностью мотива от соотношенных с ним мотивационно-смысловых образований. Но, став компонентом системы мотивационно-смысловых образований личности, мотив всегда будет находиться в интеграции с теми или иными из ее составляющих, сам начинает выполнять смыслообразующую функцию по отношению, например, к новым осознанным побуждениям человека.

Это можно проиллюстрировать на примере, приведенном Г. Олпортом. Рыбак, сначала выходящий в море исключительно из-за материальной нужды, с обретением достатка все равно продолжает заниматься рыбной ловлей. Мотив его деятельности стал автономным, самофункционирующим. Однако, как мы можем заметить, мотив деятельности рыбака становится определенным свойством, чертой его личности, превращается в существенный

для личности мотив. Подобный мотив не может быть не связанным с ценностно-смысловыми образованиями психики человека, с наиболее обобщенными и значимыми личностными мотивами. Одним словом, данный мотив становится определенным мотивационно-смысловым образованием личности рыбака и в качестве такового выполняет смыслообразующую функцию в деятельности — соотносится с осознанными побуждениями и мотивами человека, интегрируется с ними. Таким образом, хотя рассматриваемый мотив в одном отношении и становится функционально автономным, в других отношениях он продолжает находиться в тех или иных функциональных системах мотивов личности.

Итак, в социальном поведении, поступке, деятельности личности фокусируются определенные функциональные системы ее мотивов. Поэтому анализ деятельности человека позволяет выявить не только отдельные мотивы, участвовавшие в мотивации этой деятельности, но и ту или иную структуру совокупного сочетания мотивов. Лишь по действиям личностей, указывал В. И. Ленин, можно судить об их реальных «помыслах и чувствах» (3, с. 423—424). И нередко анализ конкретного поступка, деятельности человека позволяет достаточно глубоко вскрыть его внутренний мир, комбинацию его мотивационно-смысловых образований. Но, поскольку в сознании человека имеется сложное переплетение мотивационных тенденций, различных функциональных систем мотивов, не всегда удается проследить все линии связей от поступка к мотивации. Какая-то часть внутреннего мира человека, некоторый глубинный пласт его мотивационной сферы, определенное звено процессов мотивации может остаться при этом неохваченным.

Как отмечает В. Г. Афанасьев, при вхождении в систему исходные компоненты претерпевают изменения: система, активно воздействуя на них, преобразует их соответственно собственной природе (36, с. 26—27). Так и осознанное побуждение, став компонентом определенной функционально интегрированной мотивационно-смысловой системы, преобразуется в ее составе. Прежде всего это выражается в обретении им личностного смысла, осмысленности. И какое-нибудь ситуационное побуждение, случайно осознанное, но затем внутренне принятое личностью, через его соотнесение с общими целями жизнедеятельности, убеждениями и другими категориями может приобретать чрезвычайную значимость, большую побудительную силу. Но новый мотив и сам вносит содержание в структуру мотивационно-смысловых образований личности, обогащает ее.

Общественные требования, призывы, объективные стимулы, без принятия их личностью также не могут стать внутренними мотивами деятельности человека. Об этом, в частности, упоминают С. Л. Рубинштейн (162, с. 142) и В. И. Ковалев (94, с. 38). По мнению Б. Ф. Ломова, стимул только тогда становится реальной побудительной силой, когда превращается в мотив (119, с. 27). Волевыми требованиями становятся чертами личности, свойствами характера

существенной частью направленности лишь по мере их укрепления, глубокой интеграции со всей системой побуждений; до этого же они являются столь же «периферийными», несущественными и нехарактерными для личности, как и стихийно формирующиеся «подсознательные» влечения, — указывают В. Г. Асеев и Е. В. Спивак (32, с. 52). Отмеченный план мотивации имеет первостепенное значение в аспекте воспитательной и пропагандистской работы. И хотя в практическом плане можно говорить о богатстве и разнообразии эмпирических методов воздействия на мотивационную сферу личности, в теории вопрос о превращении внешних стимулов, требований в действенные личностные мотивы мало разработан.

Представляется, что психологические механизмы принятия как внутренних, так и внешних побуждений (стимулов) в качестве мотивов поведения являются очень схожими. Мы не имеем в виду внушение, подражание и прочие психологические механизмы, имеющие место преимущественно на неосознаваемом уровне.

Эмпирические исследования свидетельствуют о том, что внешние требования без смысловой идентификации, положительного осмысления и включения в иерархию субъективно-личностных ценностей не преобразуются в личностные мотивы. М. И. Бобнева указывает, что воздействовать на личность, в том числе и с помощью социальных норм и предписаний, можно лишь через мотивационную сферу личности (41, с. 120). К этому можно добавить, что внешние требования и другие стимулы «проникают» в личность и закрепляются в ней в качестве мотивов только посредством преломления, связывания с обобщенными и значимыми личностными мотивами. Как показывают данные Е. М. Крутовой (103) у многих из тех учащихся профтехучилища, которые отрицательно относились к труду, удалось сформировать интерес к профессии именно путем умелого соотнесения требуемого отношения к труду с имеющимися у них стержневыми мотивами. Е. М. Крутова наблюдала и учащихся, у которых нет ясных целей и интересов в жизни. Для них, отмечает автор, эффективным способом формирования трудолюбия выступает организация внешних условий деятельности в коллективе. Однако и в этом случае, по нашему мнению, работает все тот же механизм принятия внешних требований в качестве мотивов деятельности. Разница заключается лишь в том, что здесь сначала планомерно создаются новые отношения личности с окружением, коллективом, что способствует новому осмыслению предъявляемых требований, и тем самым — принятию необходимого мотива.

Н. А. Менчинская в своем дневнике замечает, что Саша, когда ему было около двух лет, упорно отказывался выпить лекарство до тех пор, пока отец не сказал ему, что он мужчина и может сам выпить лекарство (130, с. 56). Взрослые умело связали требование к ребенку с его сильной потребностью в самоутверждении. В результате внешнее требование стало действенным внутренним мотивом Саши.

Сказанное, конечно, не означает, что воспитательная и пропа-

гандистская работа исключительно и целиком должна быть ориентирована на наличные мотивационно-смысловые образования человека. Но какими бы разнообразными ни были средства такой работы, для ее эффективности всегда необходим учет сложившейся мотивационно-смысловой структуры личности. При этом надо сказать, что принятый личностью новый мотив всегда так или иначе обогащает, изменяет весь ее мотивационный облик.

В результате принятия личностью мотив включается в структуру мотивационно-смысловых образований человека, с которыми был соотнесен, интегрирован. Содержательная интегрированность мотива с мотивационно-смысловыми образованиями, их динамичное взаимодействие, проявляющееся в форме взаимодействия приводит к тому, что принятый личностью мотив начинает выступать как компонент определенной функциональной мотивационной системы человека. Взаимодействие побудительных сторон мотива и мотивационно-смысловых образований личности находит выражение в их взаимоподкреплении, взаимоусилении. Принятый личностью мотив проявляется в деятельности не изолированно, а совместно с интегрированными с ним мотивационно-смысловыми образованиями. Поэтому, как мы уже отметили, личностный уровень организации мотивационной сферы человека и личностное поведение нельзя объяснять исходя из свойств отдельных мотивов.

Сказанное выше дает основание сделать вывод о том, что принятие мотива личностью выступает основой образования функциональных **системных отношений** между мотивами. То, что в основе личностного поведения лежит не одно аддитивное побуждение, определенная функциональная система мотивов, обуславливает ее устойчивость, последовательность. Конечно, личностное поведение нельзя оторвать от определенной ситуации. Личностное поведение может быть адекватно ситуации, но не подчинено ей.

Отношения системности, которые существуют на личностном уровне организации мотивационной сферы человека, обуславливают определенную взаимозависимость между обобщенными целями, интересами, желаниями, убеждениями, жизненными планами субъекта. Это говорит о том, что здесь открывается возможность регулирования, управления одними мотивами личности посредством воздействия на другие, соотнесенные или соотносимые с ними.

В мотивационной сфере личности в значительной мере соотносятся между собой более обобщенные, высокозначимые мотивы, также мотивы, которые побуждают деятельность человека в определенной, относительно целостной сфере его жизнедеятельности — в семье, на работе и т. д. Мотивы связываются и обобщаются друг с другом принципиально иным образом, нежели генерализуются ситуационные побуждения. Личность соотносит свои мотивы по существенным признакам, содержательно-смысловым характеристикам. Однако это, как уже было отмечено, влияет и на динамические аспекты собственно личностных мотивационных единств.

Не следует отождествлять функциональную систему мотивов

или системные отношения между мотивационными явлениями с гармонией мотивационной сферы личности. Противоречивые отношения могут существовать как внутри одной функциональной системы мотивов, так и между различными системами мотивов человека. Формирование мировоззрения, обобщенных целей и смысла всей жизни личности открывает новые возможности для все большей интеграции различных функциональных систем мотивов в единой системе мотивов человека. Однако эта интеграционная тенденция, как и само существование функциональной системы мотивов, не исключает возможность противоречий между собственно личностными мотивационными образованиями. Более того, в самом содержании мотива заключены противоречия, на которые обращают внимание многие исследователи (противоречия между актуальным и потенциальным, содержательным и динамическим, процессуальным и результативным, как отмечает В. Г. Асеев; противоречия типа конфликтующих личностных смыслов, которые рассматривает В. В. Столин, и др.). Далее мы рассмотрим мотивационные противоречия и конфликты, не охватывая всю проблему в целом.

Системно-функциональные взаимоотношения между обобщенными мотивами человека создают новое мотивационное качество — направленность личности в жизнедеятельности. Направленность личности, как указывает Б. Ф. Ломов, выступает как системообразующее качество, определяющее ее психологический склад (118, с. 4). По нашему мнению, сама направленность личности является системным качеством функционально интегрированных между собой обобщенных мотивов человека. Подобно тому, как системное качество однозначно не связано со структурой и функцией образующих его отдельных компонентов (105), так и направленность личности выступает как «сверхчувственное» явление по отношению к конкретным личностным мотивам. Направленность личности — это как бы определенный устойчивый фон развертывания конкретного поведения человека, наиболее обобщенный мотивационный вектор.

Мы не ставим задачу подробного рассмотрения проблемы направленности личности. Но в связи с пониманием направленности как системного качества соотнесенных между собой личностных мотивов нас прежде всего интересует вопрос о том, можно ли говорить о единой, целостной направленности личности? В психологической литературе по этому поводу имеются разногласия. По мнению Л. И. Божович, в основе направленности личности лежит устойчиво доминирующая система мотивов, и «целостная структура личности определяется, прежде всего, ее направленностью» (42, с. 442). В. Э. Чудновский обосновывает положение о том, что в основе высшего уровня направленной сформированности личности, ее устойчивости лежит коллективистская направленность (201). Представители школы Л. И. Божович пишут о том, что достаточно определенная направленность личности складывается в период под-

росткового возраста, но можно говорить о существовании направленной дифференциации уже у младшего школьника (73).

А. Н. Леонтьев по-иному подошел к этой проблеме. Он писал: «Структура личности представляет собой относительно устойчивую конфигурацию главных, внутри себя иерархизированных, мотивационных линий. Речь идет о том, что неполно описывается как «направленность» личности, неполно потому, что даже при наличии у человека отчетливой ведущей линии жизни она не может остаться единственной. Служение избранной цели, идеалу вовсе не исключает и не поглощает других жизненных отношений человека, которые, в свою очередь, формируют смыслообразующие мотивы. Образно говоря, мотивационная сфера личности всегда является многовершинной, как и та объективная система аксиологических понятий, характеризующая идеологию данного общества, данного класса, социального слоя, которая коммуницируется и усваивается (или отвергается) человеком» (109, с. 221—222). Таким образом, в отличие от многих исследователей А. Н. Леонтьев не считал возможным говорить о какой-либо единственной направленности личности.

Подойдем к этому вопросу с точки зрения возможных отношений между мотивационными явлениями. Как мы уже отмечали, пока мотивационная сфера человека характеризуется аддитивностью, взаимодействующие побуждения не создают общую направленность его действий. Другими словами, при доминировании ситуационной мотивации нельзя говорить о какой-либо направленности человека. Ситуационные побуждения и взрослой личности могут развертываться вне фона ее направленности. Собственно личностное же поведение человека, исходящее из принятых им мотивов, как было сказано, является полимотивированным. Полимотивированность личностного поведения означает, что оно есть функция определенной системы мотивов человека. Иначе говоря, в любом личностном поведении соотнесены направленности побуждающих мотивов. Сама личность выступает субъектом, организующим начало создания той или иной своей направленности.

Сформированная человеком цель, как известно, задает направленность мотиву. О том, что направляющая функция мотива возникает с выделением цели, писал А. Н. Леонтьев (109, с. 103). Если представить цель как предмет, на который направлена деятельность (122, с. 10), или как предметную действительность будущего результата деятельности (23, с. 65), то функцию направленности мотив приобретает на втором из отмеченных этапов своего формирования — в результате осознания побуждения. Подробный анализ взаимоотношений целей и мотивов не входит в задачи нашего исследования. Но здесь важно отметить следующее. Хотя цель деятельности жестко не запрограммирована, она обязательно предлагается в структуре мотива. В. Г. Узунова отмечает, что мотивы обязательно предполагают наличие цели, но понятие цели необходимо применять тогда, когда существует определенная свобода в выборе средств или способов, которые могут быть использованы

для ее достижения (186, с. 136—137). Иными словами, понятие цели связано не только с предметным содержанием побуждения как мотива, но и с конкретными способами реализации этого мотива.

Общая направленность интегрированных между собой мотивов выступает как системное качество, создаваемое направленностью каждого из этих мотивов. В этой связи очевидно, что, чем больше усиливаются интеграционные тенденции в мотивационной сфере личности, тем больше создается возможность для образования единой, целостной направленности личности. Но в то же время следует иметь в виду, что отдельные мотивы и функциональные системы мотивов могут быть больше или меньше соотнесены друг с другом. Например, мотивы человека, которыми он руководствуется на работе, и его мотивы, актуализирующиеся в семейной жизни, могут образовать две разные устойчивые функциональные системы. На работе, в служебной обстановке все помыслы и чувства человека могут быть направлены на общественно полезную деятельность, на заработок и другие цели, в то время как его личностная направленность в семье может выступать в другом плане, порой противоположном первому. Но, тем не менее, наиболее обобщенные мотивы и функциональные системы мотивов человека не могут быть не соотнесенными друг с другом. Конкретные выражения этого явления необходимо исследовать, здесь же для нас важно подчеркнуть, что характер развития мотивационной сферы личности в онтогенезе обуславливает тенденцию к формированию целостной направленности человека.

Итак, мы рассмотрели некоторые аспекты проблемы принятия мотива личностью. Процесс принятия мотива личностью был определен нами как один из завершающих этапов функционально-генетического формирования мотива, то есть преобразования побуждения в мотив. Этот процесс является процессом интеграции осознанного побуждения в качестве мотива с мотивационно-смысловыми образованиями личности, процессом его личностного осмысления. Способность принимать или отвергать мотивы характеризует личность как субъект мотивации. Личность как субъект мотивации способна произвольно создавать различные функциональные системы мотивов, регулировать динамические и содержательные параметры своих мотивационных единиц.

Принятие осознанного побуждения в качестве мотива — это его соотнесение со шкалой субъективно-личностных ценностей, с личностным смыслом поступка человека, определение его места в иерархии мотивационно-смысловых образований личности. С принятием в качестве мотива, осознанное побуждение обретает личностный смысл, начинает выполнять смыслообразующую роль в деятельности человека. В результате принятия личностью, мотив выступает в отношении функциональной системности с теми мотивационно-смысловыми образованиями субъекта, с которыми был соотнесен. С точки зрения изложенной концепции принятия мотива личностью, трудно различать мотивы-смыслы и мотивы-стиму-

лы. Принятость мотива личностью означает, что он представляет определенный личностный смысл для субъекта. В качестве стимулов выступают внешние побуждения, еще не принятые личностью.

С принятием осознанного побуждения в качестве мотива завершается формирование мотива в сознании человека и начинается его реализация во внешнем или внутреннем действии. Но прежде чем мы перейдем к рассмотрению вопроса о реализации мотива в поведении и деятельности, следует остановиться на еще одной проблеме. Дело в том, что процесс принятия мотива личностью не всегда протекает гладко, без внутренних психологических конфликтов. Далее мы рассмотрим, как личность преодолевает субъективные трудности в процессе принятия или непринятия побуждений и стимулов в качестве мотивов, осуществляет сложную мотивационную саморегуляцию.

«Кризис принятия мотива»

Включенность человека в различные системы общественных отношений, объективная противоречивость этих отношений иногда ведут к тому, что принятие какого-нибудь мотива оказывается для субъекта сложным, проблемным процессом. Подчас осознанное побуждение, обобщаясь с одними мотивационно-смысловыми образованиями личности, вступает в противоречие с другими. Иначе говоря, смысловая идентификация мотива личностью в этом случае оказывается неполной, недостаточной. Многие исследователи подобные состояния называют психологическим конфликтом, борьбой мотивов. Однако существует мнение и о том, что имеет место борьба не мотивов, а потребностей, мотивы же являются результатом этой борьбы (91, с. 52). По нашему мнению, борьбу мотивов следует отличать от борьбы побуждений или борьбы мотивов и мотивов. Борьба мотивов, поскольку они уже приняты личностью, направлена лишь на их взаимоограничение. Существует борьба осознанных побуждений, которая идет за их принятие либо непринятие личностью. Борьба же осознанных побуждений и мотивов есть проявление их противодействия, обнаруживаемого личностью в результате соотношения этих побуждений с мотивами. Влияние неосознаваемых побуждений, их взаимодействие также могут быть причиной затруднений в принятии мотива личностью.

В контексте изучения этапов функционально-генетического формирования мотива мы различаем психологические конфликтные состояния, возникающие в результате следующих факторов:

осложнений осознания побуждения (блокировка этапа осознания мотивационного образования);

субъективных затруднений в процессе принятия мотива личностью (блокировка этапа принятия мотивационного образования);

неспособности личности реализовать принятый ею мотив (блокировка этапа реализации мотивационного образования).

Первый из них можно назвать «кризисом осознания побуждения», второй — «кризисом принятия мотива», третий — «кризисом реализации мотива» личностью. При «кризисе осознания побуждения» человек испытывает дискомфорт от одновременного наличия определенной мотивационной тенденции (влечения, например) и отсутствия ее достаточного осознания. При «кризисе принятия мотива» личность не может интегрировать свои мотивационно-смысловые образования в определенную функциональную систему, необходимую для совершения сознательной деятельности. При «кризисе реализации мотива», если мотив занимает значимое место в системе отношений личности к действительности (141, с. 237), или, если блокируется вся система мотивов, выражающих отношение личности (132, с. 110), имеет место тенденция к дезинтеграции функциональных систем мотивов личности, к деструктурированию самой личности.

В психологической литературе отмеченные виды кризисов формирования мотивационных образований недостаточно отчетливо выделены и изучены. Распространенное в мотивационных исследованиях понятие фрустрации связывается главным образом с критическим состоянием, возникающим в результате блокировки реализации мотивов и целей человека (195, с. 139; 224, с. 429 и др.). Различного рода малоосознаваемые депривации потребностей могут выступить в качестве модификации кризиса осознания побуждений. С проблемой же субъекта мотивации наиболее тесным образом связан вопрос о кризисе принятия мотива.

Состояние «кризиса принятия мотива» хорошо описано в «Исповеди» Л. Н. Толстого. Как известно, на грани своего пятидесятилетия великий писатель пережил глубокий душевный кризис, вызванный определенными осложнениями и трудностями в принятии и реализации главного мотива его жизни — смысла своего существования. Вот что писал Л. Н. Толстой, вспоминая пережитое: «Ну хорошо, у тебя будет 6000 десятин в Самарской губернии, 300 голов лошадей, а потом?.. И я совершенно опешивал и не знал, что думать дальше. Или, начинал думать о том, как я воспитываю детей, я говорил себе: «Зачем?». Или, рассуждая о том, как народ может достигнуть благосостояния, я вдруг говорил себе: «А мне что за дело?» Или, думая о той славе, которую приобретут мои сочинения, я говорил себе: «Ну хорошо, ты будешь славнее Гоголя, Пушкина, Шекспира, Мольера, всех писателей в мире, — ну и что ж...» И я ничего не мог ответить» (182, с. 11). Здесь мы отчетливо видим, что все осознаваемые побуждения отвергаются Л. Н. Толстым из-за того, что он не находит в них личностного смысла. Можно также заметить, что Л. Н. Толстой не соотносит свои побуждения с каким-нибудь из принятых им мотивационно-смысловых образований. Сами мотивационно-смысловые образования Л. Н. Толстого к тому времени были в известной степени дезинтегрированы. Иначе говоря, здесь «кризис принятия мотива» сопровождался «кризисом реализации мотива». А это всегда со-

дает дополнительные трудности в принятии определенного мотива личностью.

«Кризис принятия мотива» личностью может быть более или менее глубоким. Существуют и разные способы выхода из этого психологически критического состояния. Рассмотрим эти способы.

Ограниченное принятие мотивов. Часто человек осознает несколько противоречащих друг другу побуждений. Возникает конфликт, борьба осознанных побуждений. Если личность может согласовать время реализации этих побуждений, приурочить их к определенным ситуациям, то она в состоянии ограниченно принять все побуждения в качестве мотивов. И после принятия личностью противоборствующие побуждения могут продолжать конфликтовать между собой. Однако теперь это уже борьба мотивов, каждый из которых ограничивает реализацию других. Если время реализации этих мотивов пересекается, возникает состояние фрустрации.

Обычно человек принимает таким путем менее значимые в личностном отношении побуждения, временная сфера которых ограничена узкими рамками. Более обобщенные, собственно личностные мотивы не должны взаимоограничивать друг друга, так как во временном плане они не могут не пересекаться. Поэтому, когда осознаются взаимоисключающие побуждения широкого временного аспекта действия, личность может принять только один из них в качестве мотива и вынуждена отвергнуть другие. Непринятие одного побуждения является здесь условием принятия другого в качестве мотива.

Непринятие мотива личностью. Отметим три способа непринятия личностью осознанных побуждений в качестве мотивов. Первый — непринятие внутреннего побуждения или внешнего требования, стимула путем его активного осмысления в системе субъективно-личностных ценностей. Однако такое осмысление — осмысление отрицательной модальности, то есть личность в этом случае находит недостаточный смысл для себя в реализации данного побуждения.

Отрицательное осмысление субъектом побуждений и стимулов может иметь как абсолютный, так и относительный характер. При абсолютном отрицательном осмыслении осознанное побуждение перестает оказывать воздействие на личность — происходит качественное снятие его побудительности, она отбрасывается субъектом в качестве действительного мотива. Меньшая полнота отрицательного осмысления означает, что побуждение, хотя и не превращается в действенный мотив, но все же остается осознаваемым конкретно направленным побуждением. Для контроля и управления этим побуждением требуется известная активность сознания, противопоставление ему мотивационно-смысловых образований личности.

Личность, как субъект деятельности и внутреннего мира, обладает способностью перестраивать свои мотивационные тенденции

При этом, по мнению Л. И. Божович, Т. В. Ендовицкой и Л. С. Славиной, интеллектуальное взвешивание «за» и «против» не способно перестроить систему мотивационных тенденций, поскольку процесс рассуждения оказывается подчиненным более сильным мотивационным тенденциям. «Некоторые экспериментальные данные позволяют думать, что решающую роль в создании намерения как звена в регуляции произвольного поведения играет представление будущего. Модель будущей ситуации, в которой в своем воображении оказывается человек, порождает у него новые переживания, придающие дополнительную побудительную силу сознательно поставленной цели» (49, с. 16). Но изначально сама модель будущей ситуации осмысливается субъектом, мысленно проверяется на значимость. И после того, как человек определяет свое отношение к возможной ситуации, представление этой ситуации в качестве мотивационно-смыслового образования начинает участвовать в перестройке мотивационных тенденций человека. Во многих жизненных ситуациях перестройка мотивационных тенденций является как условием, так и результатом принятия личностью новых мотивов.

Вторым из рассматриваемых способов непринятия мотива личностью является вытеснение побуждения в область подсознания. Впервые на механизм вытеснения, как известно, обратил внимание З. Фрейд. Согласно З. Фрейду, «сущность вытеснения состоит в удалении и отстранении какого-либо содержания из сознания» (193, с. 92). По мнению З. Фрейда, вытеснению подвергаются несовместимые с «Я» индивида инстинктивные побуждения; вытесняющими силами же выступают этические требования человека; сам процесс вытеснения имеет место, когда неудовольствие от удовлетворения влечения приобретает большую силу, чем наслаждение от его удовлетворения (193). Здесь прослеживается гедонистическая направленность рассуждений З. Фрейда. Основатель психоанализа возвел механизм вытеснения, наряду с другими защитными психологическими механизмами, в ранг основного регулятора душевной деятельности личности. Однако З. Фрейд отмечает и механизм осмысления (отрицательного) побуждений.

Но этот процесс, по мнению З. Фрейда, является вторичным по отношению к механизму вытеснения. Он отмечал, что вытесненные желания и влечения становятся безвредными тогда, когда они осознаются, и с помощью психоаналитика заново осмысливаются. «Когда вытесненное опять приводится в область сознательной душевной деятельности, что предполагает преодоление значительных сопротивлений, тогда психический конфликт, которого хотел избежать больной, получает при руководстве врача (выделено нами — А. Ф.) лучший выход, чем он получил с помощью вытеснения» (192, с. 28). Далее З. Фрейд писал: «Чаще всего эти желания исчезают еще во время психоанализа под влиянием разумной душевной деятельности, под влиянием лучших противоположных стремлений. Вытеснение заменяется осуждением» (192,

с. 65), «недостаточный механизм вытеснения заменяется осуждением с помощью высших психических сил человека; таким образом достигается сознательное овладение несовместимым желанием» (192, с. 28—29). Но для психически здоровой личности, для человека с развитой структурой мотивационно-смысловых образований не характерно предшествование вытеснения побуждения его осуждению. Наоборот, «осуждение» побуждения, то есть его отрицательное осмысление с помощью мотивационно-смысловых образований личности первично для здоровой, развитой психики, в то время, как вытеснение — вторично. И помощь психоаналитика требуется здесь лишь нуждающимся в ней невротикам. Иными словами, к вытеснению побуждений прибегают только в случае недостаточной организованности, развитости мотивационно-смысловой структуры личности, лишь в результате неспособности человека осмыслить побуждения в иерархии своих значимых отношений.

Утверждение о первичной, главнейшей роли защитных механизмов в регуляции психической жизни логически вытекает из основных постулатов психоанализа. По мнению З. Фрейда, «Я является несчастным существом, которое служит трем господам, и вследствие этого подвержено тройкой угрозе: со стороны внешнего мира, со стороны вожделений Оно и со стороны строгости сверх-Я» (194, с. 58). Разделив человеческую личность на три антагонистические части (Оно, Я, сверх-Я), психоанализ предполагает извечную конфликтность между ними. Как считает А. Фрейд (230), возможная относительная гармония между Я, с одной стороны, и Оно, сверх-Я и силами внешнего мира — с другой, устанавливается только благодаря действию защитных механизмов. Согласно А. Фрейду, вытесняются все внутренние, инстинктивные побуждения, которые угрожают благополучию Я, тревожат, беспокоят его. От неугодных внешних стимулов Я избавляется путем их отрицания. Однако имеется в виду не осмысленное отрицание, а отрицание лишь ради сохранения сложившейся структуры Я. Конечно, в критических ситуациях в условиях недостатка активной смысловой деятельности мотивационная регуляция может осуществляться за счет механизмов психологической защиты. Об этом говорят и данные исследований советских авторов (127). Но проблема мотивационной саморегуляции не ограничивается функционированием защитных психологических механизмов.

Психоанализ не коснулся вопроса активного личностного осмысления (без помощи психоаналитика) и принятия внутренних побуждений и внешних стимулов в качестве мотивов поведения. По словам В. В. Столина, «в рамках классического психоанализа принципиально невозможно описать процесс сознательного взвешивания мотивационных детерминант» (176, с. 115). Но личность, как пишет К. А. Абульханова-Славская, «овладевает и своими потребностями, и своими способностями, а не влечется за ними» (с. 328). Психоанализ же игнорирует активную природу, творческую силу личности как субъекта мотивационной регуляции деятельности.

Через всю психоаналитическую теорию сквозит неверие в человека, в его потенциальные возможности.

Несомненно, защитные механизмы вытеснения и отрицания существуют, немалую роль они играют и в осуществлении процессов мотивационной регуляции. Защитный механизм отрицания можно рассматривать как третий способ непринятия мотива (внешнего побуждения или стимула как мотива) личностью. Но эти механизмы являются именно защитными, реактивными, а не активными проявлениями психической деятельности человека. Они выполняют «аварийную» функцию при неэффективности активного личностного разрешения «кризиса принятия мотива» личностью, являются резервными механизмами психической регуляции. Зрелость личности, видимо, измеряется не пассивным смысловым отношением субъекта к своим мотивационным тенденциям, не силой и изощренностью защитных механизмов человека, не закрытым типом психологической саморегуляции.

Неадекватное принятие мотива личностью. «Кризис принятия» личность может преодолеть и путем неадекватного принятия некоторых побуждений в качестве мотивов. Этот механизм можно рассматривать и как способ непринятия тех побуждений, которые, с одной стороны, не были достаточно осмыслены, чтобы их принять, а с другой стороны, и не были вытеснены субъектом. В неадекватном принятии мотива происходит рассогласование между субъективным значением результата деятельности, к которому приводит реализация побуждения как мотива, и объективным значением этого побуждения. К. Обуховский (145) называет подобные мотивы защитными. В определенном аспекте рассматриваемое явление затрагивается теорией когнитивного диссонанса Л. Фестингера (227, 228). Согласно ей, информация, которая может разрушить сложившуюся когнитивную структуру человека, будет усваиваться им избирательно, с целью сохранения гармонии между его когнитивными образованиями (например, курильщик игнорирует объективные данные о вреде курения, подкрепляя свой мотив субъективно привлекательными доводами). В аспекте проблемы принятия мотива можно сказать, что избирательное соотнесение осознанного побуждения только с теми мотивационно-смысловыми образованиями личности, в интеграции с которыми оно положительно осмысливается, ведет к неадекватному формированию мотива. Как правильно указывает В. Г. Асеев, мотивация оказывается неадекватной и неэффективной, если в ней узко, недостаточно глубоко отражена действительность (30, с. 124). Степень развитости мотивационно-смысловой сферы личности, широта отражения в ней объективной действительности определяют широту соотнесения осознанных побуждений с мотивационно-смысловыми образованиями субъекта, адекватность принимаемых ею мотивов.

Согласно Э. Аронсону, наличие более общей основополагающей когниции обуславливает то, что две когниции, которые при абстрактном рассмотрении будут казаться диссонансными, на самом

деле не вызовут диссонанса (29, с. 123). То же самое можно проследить во взаимоотношениях мотивационных явлений. Наличие более общей мотивационной основы сглаживает обнаруживаемые противоречия между единицами мотивационной сферы. Если же мотив формируется в согласии с какими-то частными мотивационно-смысловыми образованиями и находится в противоречии с более общими мотивационно-смысловыми образованиями субъекта, то можно сказать, что для личности он окажется неадекватным.

В экстремальных ситуациях, когда требуется мгновенная реакция человека, может снизиться уровень и широта осмысления личности своих побуждений. Поддавшись ситуационным, провоцирующим побуждениям и совершив определенный поступок, но затем обнаружив, что его побуждения и действия не соответствуют принятым им ценностям и нормам поведения, человек остро переживает это.

Женщина, жившая в блокадном Ленинграде, вспоминает такой случай. Несколько дней в магазинах совсем не было хлеба. Истощенная от голода, еле живая, она пошла за хлебом: «Прихожу я в булочную и смотрю — там дерутся. Боже мой! Что же это дерутся? Говорят: бьют парня, который у кого-то отнял хлеб. Я, знаете, тоже начинаю его толкать — как же так ты, мы три дня хлеба не получали! И вы представляете себе, не знаю как, но евоный хлеб попадает мне в руку, я кладу в рот — чудеса — и продолжаю того парня тискать. А потом говорю себе: «Господи! Что же я делаю? Хлеб-то уже у меня во рту?!» Я отошла и ушла из булочной.

— И не получили хлеба?

— Я потом пришла за хлебом. Мне стало стыдно, я опомнилась. Пришла домой и простить себе не могу. Потом пошла и получила хлеб» (13, с. 72—73).

На этом примере видно, как женщина, подчинившись малоосмысленному побуждению, затем переживала внутренний конфликт. Можно сказать, что широта осмысления своих мотивов выступает одним из важных условий психического здоровья личности. Это означает, что психологическая, в частности мотивационная гармония личности предполагает постоянное возведение субъектом смыслового барьера между собой и возникающими ситуациями, отсутствие непосредственного реагирования на окружающие события. Психологическая пластичность человека создается сочетанием острого чувства ситуации, способностью непосредственного соединения с ней, с одной стороны, и сохранением внутренней позиции линии поведения, с другой.

Серьезными последствиями для психического здоровья личности чреват и тот случай, когда человек не видит личностного смысла ни в одном из своих побуждений. По данным некоторых исследований (229, с. 11), проведенных в различных городах Западной Европы, около 20 % всех неврозов людей составляет тип невроза, обусловленный так называемой «экзистенциальной фрустрацией», то есть невозможностью найти личностный смысл

в своих повседневных целях и устремлениях. Согласно другим западным исследованиям, удельный вес подобных неврозов достигает 55 % всех нервных болезней людей (226, с. 183).

В этом плане необходимо подчеркнуть важную роль идеалов коммунизма в социалистическом обществе в обеспечении психического здоровья и личностной интеграции человека. Эти идеалы выполняют не только прогрессивную социальную функцию, но имеют положительное значение и на уровне индивидуального мотивационно-смыслового бытия личности.

Для того, чтобы не оказаться под влиянием разнонаправленных мотивационных тенденций, человеку необходимо иметь обобщенные цели деятельности, целостное осмысление своей жизнедеятельности. И. П. Павлов писал, что «жизнь перестает привязывать к себе, как только исчезает цель. Разве мы не читаем весьма часто в записках, оставляемых самоубийцами, что они прекращают жизнь потому, что она бесцельна. Конечно, цели человеческой жизни безграничны и неистощимы. Трагедия самоубийцы в том и заключается, что у него происходит чаще всего мимолетное, и только гораздо реже продолжительное — задерживание, торможение, как мы, физиологи, выражаемся, рефлекса цели» (149, с. 310). Такое задерживание, торможение рефлексов цели в психологическом отношении выражается в том, что цели человека теряют личностный смысл для субъекта, перестают отвечать его отношениям с действительностью.

По словам индийского мыслителя Вишванатха (XVII в.), «Мы не испытываем желания по отношению к невозможному. Только дети плачут, требуя луны. Как правило, мы желаем вещей, которые кажутся нам достижимыми» (157, с. 139). Другие же исследователи отмечают, что человек отличается способностью стремиться к таким целям, достижение которых, как ему известно, невозможно (14, с. 227; 143, с. 98). По-видимому, дело здесь заключается в личностном смысле самой деятельности, направленной на достижение таких целей. Источник этого смысла — принятый личностный мотив. Таким образом, именно от широты и глубины осмысления своих мотивов во многом зависит психическое здоровье личности, а также активность жизненной позиции человека, его философия жизнедеятельности.

Как замечает Л. И. Анцыферова, «идеальная цель, будучи реально достигнута, редко узнается как таковая», так как личность перерастает свой идеал, еще не достигнув его» (22, с. 10). О нормальном, адекватном развитии человека как личности можно говорить лишь тогда, когда не только цели и идеалы этого человека опережают его развитие, но и сам человек опережает свои цели и идеалы. Но если личность не переосмысливает свои идеалы в свете своих новых отношений с действительностью, не перерастает свои цели, если обобщенная цель всей ее жизнедеятельности привязывается к достижению какого-то изолированного и ограниченного результата, то это может привести к неблагоприятным послед-

виям. К. Обуховский приводит пример способного молодого научного специалиста, который смысл своей жизни видел в защите диссертации. Трудности, встречаемые на этом пути, полностью поглощали его. После защиты диссертации ему стало казаться, что жизнь потеряла всякий смысл. На этой основе у него возник невротический кризис (145, с. 198). Таким образом, открытость, взаимосотнесенность и взаимопереходимость мотивационно-смысловых образов личности, целостная осмысленность всей своей жизнедеятельности субъектом являются необходимыми условиями успешного функционирования и развития человека как зрелой личности.

Принятие мотива путем расширения отношений личности с действительностью. Этот способ выхода из «кризиса принятия мотива» является наиболее прогрессивным. Л. И. Анцыферова отмечает, что осмысление деятельности в более широком контексте социальной действительности помогает отыскать новый ее смысл (22, с. 13). Появление новых значимых отношений личности приводит к расширению смыслового «поля» сознания, способствует более широкому осмыслению побуждений и принятию мотивов. В «Исповеди» Л. Н. Толстого можно увидеть, что он разрешил «кризис принятия» основного мотива своего существования путем расширения отношений с миром: «Я оглянулся шире вокруг себя. Я взгляделся в жизнь прошедших и современных огромных масс людей. И я видел таких, понявших смысл жизни, умеющих жить и умирать, не дел таких, десяти, а сотни, тысячи, миллионы» (182, с. 40). Далее Л. Н. Толстой пишет: «И странно, та сила жизни, которая возвращалась ко мне, была не новая, а самая старая, — та самая, которая влекла меня на первых порах моей жизни. Я вернулся во всем к самому прежнему, детскому и юношескому. Я вернулся к вере в ту волю, которая произвела меня и чего-то хочет от меня; я вернулся к тому, что главная и единственная цель моей жизни есть то, чтобы быть лучше, то есть жить согласнее с этой волей; я вернулся к тому, что выражение этой воли я могу найти в том, что скрывающиеся от меня дали выработало для руководства своего все человечество, то есть я вернулся к вере в бога, в нравственное совершенствование и в предание, передававшее смысл жизни» (182, с. 46). Но это не регрессивное возвращение к старому мотиву. Наоборот, осмысление и принятие мотива нравственного совершенствования Л. Н. Толстым на новом уровне взаимоотношений с действительностью привело к развитию этого мотива, обогащению новым смыслом его содержания.

Как правильно замечает В. Ф. Асмус, суть толстовского понимания бога была этической и социальной, а не мистической и толстовская «вера» — это синоним силы жизни, осмысленного существования, условие деятельности личности, сознающей свое назначение (35). Мучительный поиск Л. Н. Толстым смысла жизни — это могущественное выражение особенности человеческого духа, потребность исключительно сильного проявления потребности широкого целостного осмысления личностью своей жизнедеятельности. Мо-

тив нравственного совершенствования, служения человечеству никогда не переставал быть значимым для Л. Н. Толстого. «Счастливые периоды моей жизни были только те, — пишет он в своем дневнике, — когда я всю жизнь отдавал на служение людям. Это были: школа, посредничество, голодающие и религиозная помощь» (181, с. 94). Но сложный и противоречивый путь развития личности великого писателя не мог не отразиться на его мотивационно-смысловой сфере. Понимание смысла жизни Л. Н. Толстым иногда во многом переставало отвечать его новым отношениям с действительностью. Это, в свою очередь, вело к процессу переосмысления им своего главного смыслообразующего мотива. Но при этом, вопреки отмеченным постулатам психоаналитической теории, Л. Н. Толстой не искал путь вытеснения неудовлетворяющих, мучающих его побуждений, а пытался активно осмыслить их. И, как мы увидели, в период кризисного состояния путем расширения своих отношений с действительностью Л. Н. Толстой удалось на новом уровне принять главный мотив своей жизни.

Другая сторона расширения отношений с миром — это поиск и принятие личностью новых мотивов. Дополнительные мотивы, включаясь в мотивационно-смысловую структуру личности, способствуют разрешению рассматриваемого психологического кризиса. «В этой способности человека произвольно создавать новые системы мотивов, — пишет Л. И. Анцыферова, — заключаются истоки активного внутреннего начала личности» (22, с. 13). Рассматриваемый способ принятия мотива личностью выступает не только как один из психологических механизмов ее мотивационной саморегуляции, но и как важнейший механизм мотивационно-смыслового саморазвития личности. Личность, которая осмысливает свои мотивы с точки зрения более глобальных, общественно значимых и общечеловеческих целей — это социально зрелая личность.

В противоположность тому, как личность «выходит за свои пределы» и принимает определенный мотив, (в состоянии психологического кризиса) может возникнуть **сужение отношений личности с действительностью**, актуализация ее мотивационно-смысловых образований более низкого уровня развития. Это свидетельствует о несформированности активной, устойчивой и открытой системы мотивационно-смысловых образований личности. Принятый таким образом мотив в содержательном отношении оказывается бедным, является неадекватным, «однобоким», тормозит дальнейшее личностное развитие. Формирование социально значимых, обобщенных целей и идеалов, воспитание активности сознания, жизненной позиции, постоянное обогащение ранее принятых личностью мотивов, творческое отношение к процессу своего развития являются важными условиями выбора ею прогрессивного пути выхода из указанного кризиса.

Итак, мы рассмотрели некоторые основные способы разрешения кризиса принятия мотива личностью, то есть состояния, когда человек испытывает субъективные трудности в деле превращения

осознанного побуждения в свой действенный мотив. Как было подчеркнуто, не все эти способы являются одинаково адекватными и эффективными. Можно утверждать, что способ принятия осознанного побуждения в качестве мотива всегда входит в содержание самого мотива. В зависимости от способа принятия мотива, от того, с какими мотивационно-смысловыми образованиями он был соотношен, изменяется психологическое содержание, личностный смысл этого мотива. В критических ситуациях личность может выступить организатором, регулятором своих мотивационных процессов. Мы убеждены, что знание различных адекватных и неадекватных способов принятия осознанных побуждений в качестве мотивов поведения может принести определенную пользу в деле воспитательной и пропагандистской работы.

Реализация мотива в поведении и деятельности

Мы уже отметили, что с принятием мотива личностью кончается его формирование в сознании человека и начинается процесс его реализации во внешнем или внутреннем действии, в поведении, который ведет к дальнейшему развитию мотива. Реализация мотива в поведении — это определенный этап процесса мотивации, на котором мотив получает дальнейшее функциональное развитие. И. А. Джидарьян справедливо подчеркивает, что мотивация — это не только внутренняя, психологическая необходимость в определенном действии, мобилизованность и готовность личности к его совершению, но и многое из относящегося к самому процессу реализации этих действий, способам достижения искомого результата. Проблема мотивации, по ее мнению, включает в сферу своего объяснения не только вопросы о том, почему и как совершаются те или иные поступки, но и то, почему иногда исходная психологическая готовность личности не находит реализацию, то есть объяснение не только актуальных, но и потенциальных форм активности личности (74, с. 147). Таким образом, исследование процесса реализации мотива выступает как изучение дальнейшего раскрытия потенциального содержания сформированного в сознании личности мотива.

На то, что в систему детерминации так или иначе включается сам поведенческий акт, указывает Б. Ф. Ломов (119, с. 122). И. И. Чеснокова отмечает, что постоянная внутренняя оценка течения поведенческого акта является неременной чертой саморегулирования (199, с. 122). Но место и роль самого поведенческого акта в процессе мотивации почти совершенно не изучены в психологической литературе. Здесь мы хотим коснуться таких аспектов проблемы, как связь принятия и реализации мотива, дальнейшее функциональное формирование мотива в процессе его реализации в поведении и деятельности человека.

Конечно, принятое как мотив осознанное побуждение может быть непосредственно реализовано не сразу, а через некоторое вре-

мя. Это определяется личностью в самом процессе принятия мотива. Однако во всех случаях сам факт вхождения мотива в структуру мотивационно-смысловых образований личности говорит о том, что он начинает участвовать в мотивационной регуляции поведения. Процессы формирования мотива в сознании человека и его реализации в поведении не оторваны друг от друга. Принятие мотива личностью выступает как связующее звено между этими процессами, это — определенный шаг на пути к реализации мотива.

В содержание мотива, сформированного в сознании человека, в отраженном, потенциальном виде входят действия, то есть реализация мотива и способы этой реализации. Без реального раскрытия этого содержания развитие мотива остается незавершенным. «Тот кажущийся очевидным факт, что к моменту начала деятельности мотив уже целиком сформирован», — отмечает С. Д. Смирнов, — является иллюзорным, как и многие другие «очевидные вещи» (174, с. 22). В реализации мотива всегда есть элемент творчества, личность проявляет себя в этом как субъект мотивации. В зависимости от конкретных условий может измениться способ реализации мотива. Формирование определенного способа реализации расширяет психологическое содержание мотива. В соотношении с дополнительными условиями в мотиве раскрываются новые стороны. В результате этого может произойти изменение личностного смысла мотива. Одним словом, в процессе реализации мотив продолжает развиваться, содержательно обогащаться, могут измениться и его динамические характеристики. На этом этапе функционально-генетического формирования мотива к отмеченным его качествам прибавляется и качество действенности. Только после полного раскрытия своего потенциального содержания мотив достигает окончательной сформированности.

Но после осуществления реализации, удовлетворения потребности, которая лежит в его основе, мотив не исчезает, а переходит в потенциальную форму существования, в побудительную потенцию, способную вновь актуализироваться. С. Л. Рубинштейн указывает: «Всякий мотив — это в потенции черта характера; реализуясь в действиях и поступках и, таким образом, закрепляясь, мотивы поведения, по мере того, как они начинают определять более или менее устойчивый образ действий, переходят в характерологические свойства» (161, с. 158). Можно сказать, что принятый человеком мотив после своей реализации становится определенным свойством, некоторой чертой личности. Теперь эта черта характеризуется новым качественным состоянием — потенциальной побудительностью, которая может актуализироваться, осознаться человеком, осмыслиться личностью, приобрести действенность, и — снова трансформироваться в мотивационную потенциальность.

Подобная постановка вопроса дает возможность указать по крайней мере еще на два типа кризисов функционально-генетического формирования мотивов (кроме «кризиса осознания», «кризиса принятия» и «кризиса реализации» мотивационных образова-

ний). Это «кризис закрепления» мотива (после реализации мотива) и «кризис актуализации» потенциального побуждения (после закрепления мотива). Дальнейшее исследование предполагает не только тщательное теоретическое обоснование, описание и эмпирическое выявление отмеченных кризисов формирования мотивационных образований, но и изучение различного рода взаимосвязей между силой блокировки этапа функционально-генетического становления мотива и степенью переживания личностью критического состояния. Некоторые данные позволяют предположить существование трех типов таких зависимостей: зависимость прямой пропорциональности (с возрастанием блокировки усиливается кризис); зависимость обратной пропорциональности (с усилением блокировки ослабляется кризис); зависимость нормальной кривой (сильный кризис соответствует средней степени блокированности, а слабая и сильная блокировка приводят к небольшому кризису).

Мотивы собственно личностного поступка, поведения, не могут быть реализованы без их принятия личностью. Если осознанные побуждения реализуются без внутреннего принятия, осмысления со стороны личности, то это приводит не к личностному, а ситуационному поведению. Это, как мы уже отметили, не относится к постсознательным мотивам, то есть мотивам, которые были многократно осознаны, осмыслены и приняты личностью и реализуются в поведении и деятельности субъекта без их актуального осознания.

Психологически тонкое описание действенности принятых и не реализуемых отрицательно осмысленных, непринятых личностью побуждений как мотивов мы можем найти в исповеди Л. Н. Толстого. В состоянии душевного кризиса, когда ему кажется: «Истина была то, что жизнь есть бессмыслица» (182, с. 12), — Л. Н. Толстой приходит к мысли о самоубийстве. Однако Л. Н. Толстой все же не реализовал свое побуждение к самоубийству. В сущности, эта мысль не была им положительно осмыслена: «Теперь я вижу, что если я не убил себя, то причиной тому было смутное сознание несправедливости моих мыслей», — пишет Л. Н. Толстой (182, с. 29). Это «смутное сознание» было обусловлено тем, что Л. Н. Толстым был глубоко принят совершенно противоположный мотив — стремление к нравственному совершенствованию. Хотя к тому времени этот мотив был ослаблен, находился в состоянии «кризиса реализации» и глубоко переосмысливался великим писателем, он все-таки действовал, выполнял смыслообразующую функцию, препятствовал принятию противоположных с ним побуждений.

Примером того, как реализация мотива зависит от его действительного принятия личностью, являются случаи неудачных попыток курящих бросить курить. Если опросить многих из тех, кто безуспешно пытался бросить курение, действительно ли всерьез они это делали, то чаще всего можно услышать отрицательный ответ. Не будучи наполненным личностным смыслом, побуждение бросить курить никогда не становится действенным мотивом. И чем шире, глубже осмыслен этот мотив в системе значимых отношений чело-

века, тем меньше подвержен он влиянию ситуационных, провоцирующих факторов.

Бывает, однако, что, несмотря на сильное желание бросить курить и кажущуюся свою готовность к этому, курящий не в состоянии оставить данную привычку. Это свидетельствует о том, что у человека не сформирован адекватный для него мотив, который имел бы действительную значимость для его личности. О действительной принятости мотива бросить курить можно говорить лишь тогда, когда понятие вредности, нецелесообразности курения обретает для него реальное, конкретное и жизненно важное значение. Если это значение для субъекта не более значимо, чем удовольствие от курения, необходимый мотив не может быть сформирован, и, соответственно, не может быть и реализован.

Конечно, по многим причинам возможно осложнение реализации мотива, как и его принятия. Для того, чтобы мотив реализовался, человеку нужно владеть способами его реализации. Незнание адекватных способов реализации мотива искажает его психологическое содержание.

Процесс реализации может быть затруднен и неадекватным принятием мотива, его несоотнесенностью со способностями, функционально-динамическими возможностями личности. Реализации мотива могут помешать и непредвиденные внешние условия. Тормозится реализация и того мотива, личностный смысл которого перестает отвечать новым отношениям личности с действительностью. Все эти причины приводят к «кризису реализации мотива», к состоянию фрустрации. Существуют многие способы преодоления «кризиса реализации мотива» — в замещающем действии, в фантазии, в принятии и реализации новых мотивов и т. д. Но это большая и относительно самостоятельная проблема, требующая отдельного исследования.

Способы реализации одного из компонентов функциональной системы мотивов одновременно выступают и определенными способами реализации другого компонента системы. Так, в упомянутом примере с женщиной в блокадном Ленинграде можно увидеть, что реализация ее мотива выжить самой в то же время является способом реализации интегрированного с ним мотива — сохранения жизни сына, и наоборот.

Если принятый личностью мотив по тем или иным причинам не может быть реализован, он возвращается на предшествующий этап функционального формирования — становится осознанным побуждением. Так, перед личностью снова встает проблема принятия или непринятия этого побуждения в качестве мотива. В этом плане интересны данные, содержащиеся в работе П. А. Шавира (203), из которых следует, что сформированность резервного намерения, когда основное намерение не может быть реализовано, представляет не только оптимальную психологическую основу для преодоления переживаний типа фрустрации, но и позволяет актуализировать иную систему мотивов, мобилизует дополнительные силы для целеустрем-

осознанного побуждения в свой действенный мотив. Как было подчеркнуто, не все эти способы являются одинаково адекватными и эффективными. Можно утверждать, что способ принятия осознанного побуждения в качестве мотива всегда входит в содержание самого мотива. В зависимости от способа образования он был соотнос с какими мотивационно-смысловыми содержанием, личностный смысл несен, изменяется психологическое содержание, личностный смысл этого мотива. В критических ситуациях личность может выступить организатором, регулятором своих мотивационных процессов. Мы убеждены, что знание различных адекватных и неадекватных способов принятия осознанных побуждений в качестве мотивов поведения может принести определенную пользу в деле воспитательной и пропагандистской работы.

Реализация мотива в поведении и деятельности

Мы уже отметили, что с принятием мотива личностью кончается его формирование в сознании человека и начинается процесс его реализации во внешнем или внутреннем действии, в поведении, который ведет к дальнейшему развитию мотива. Реализация мотива в поведении — это определенный этап процесса мотивации, на котором мотив получает дальнейшее функциональное развитие. И. А. Джигарьян справедливо подчеркивает, что мотивация — это не только внутренняя, психологическая необходимость в определенном действии, мобилизованность и готовность личности к его совершению, но и многое из относящегося к самому процессу реализации этих действий, способам достижения искомого результата. Проблема мотивации, по ее мнению, включает в сферу своего объяснения не только вопросы о том, почему и как совершаются те или иные поступки, но и то, почему иногда исходная психологическая готовность личности не находит реализацию, то есть объяснение не только актуальных, но и потенциальных форм активности личности (74, с. 147). Таким образом, исследование процесса реализации мотива выступает как изучение дальнейшего раскрытия потенциального содержания сформированного в сознании личности мотива.

На то, что в систему детерминации так или иначе включается и сам поведенческий акт, указывает Б. Ф. Ломов (119, с. 122). И. И. Чеснокова отмечает, что постоянная внутренняя оценка течения поведенческого акта является неременной чертой саморегулирования (199, с. 122). Но место и роль самого поведенческого акта в процессе мотивации почти совершенно не изучены в психологической литературе. Здесь мы хотим коснуться таких аспектов проблемы, как связь принятия и реализации мотива, дальнейшее функциональное формирование мотива в процессе его реализации в поведении и деятельности человека.

Конечно, принятое как мотив осознанное побуждение может быть непосредственно реализовано не сразу, а через некоторое вре-

мя. Это определяется личностью в самом процессе принятия мотива. Однако во всех случаях сам факт вхождения мотива в структуру мотивационно-смысловых образований личности говорит о том, что он начинает участвовать в мотивационной регуляции поведения. Процессы формирования мотива в сознании человека и его реализации в поведении не оторваны друг от друга. Принятие мотива личностью выступает как связующее звено между этими процессами, это — определенный шаг на пути к реализации мотива.

В содержание мотива, сформированного в сознании человека, в отраженном, потенциальном виде входят действия, то есть реализация мотива и способы этой реализации. Без реального раскрытия этого содержания развитие мотива остается незавершенным. «Тот кажущийся очевидным факт, что к моменту начала деятельности мотив уже целиком сформирован, — отмечает С. Д. Смирнов, — является иллюзорным, как и многие другие «очевидные вещи» (174, с. 22). В реализации мотива всегда есть элемент творчества, личность проявляет себя в этом как субъект мотивации. В зависимости от конкретных условий может измениться способ реализации мотива. Формирование определенного способа реализации расширяет психологическое содержание мотива. В соотношении с дополнительными условиями в мотиве раскрываются новые стороны. В результате этого может произойти изменение личностного смысла мотива. Одним словом, в процессе реализации мотив продолжает развиваться, содержательно обогащаться, могут измениться и его динамические характеристики. На этом этапе функционально-генетического формирования мотива к отмеченным его качествам прибавляется и качество действенности. Только после полного раскрытия своего потенциального содержания мотив достигает окончательной сформированности.

Но после осуществления реализации, удовлетворения потребности, которая лежит в его основе, мотив не исчезает, а переходит в потенциальную форму существования, в побудительную потенцию, способную вновь актуализироваться. С. Л. Рубинштейн указывает: «Всякий мотив — это в потенции черта характера; реализуясь в действиях и поступках и, таким образом, закрепляясь, мотивы поведения, по мере того, как они начинают определять более или менее устойчивый образ действий, переходят в характерологические свойства» (161, с. 158). Можно сказать, что принятый человеком мотив после своей реализации становится определенным свойством, некоторой чертой личности. Теперь эта черта характеризуется новым качественным состоянием — потенциальной побудительностью, которая может актуализироваться, осознаться человеком, осмыслиться личностью, приобрести действенность, и — снова трансформироваться в мотивационную потенциальность.

Подобная постановка вопроса дает возможность указать по крайней мере еще на два типа кризисов функционально-генетического формирования мотивов (кроме «кризиса осознания», «кризиса принятия» и «кризиса реализации» мотивационных образова-

ний). Это «кризис закрепления» мотива (после реализации мотива) и «кризис актуализации» потенциального побуждения (после закрепления мотива). Дальнейшее исследование предполагает не только тщательное теоретическое обоснование, описание и эмпирическое выявление отмеченных кризисов формирования мотивационных образований, но и изучение различного рода взаимосвязей между силой блокировки этапа функционально-генетического становления мотива и степенью переживания личностью критического состояния. Некоторые данные позволяют предположить существование трех типов таких зависимостей: зависимость прямой пропорциональности (с возрастанием блокировки усиливается кризис); зависимость обратной пропорциональности (с усилением блокировки ослабляется кризис); зависимость нормальной кривой (сильный кризис соответствует средней степени блокированности, а слабая и сильная блокировка приводят к небольшому кризису).

Мотивы собственно личностного поступка, поведения, не могут быть реализованы без их принятия личностью. Если осознанные побуждения реализуются без внутреннего принятия, осмысления со стороны личности, то это приводит не к личностному, а ситуационному поведению. Это, как мы уже отметили, не относится к постсознательным мотивам, то есть мотивам, которые были многократно осознаны, осмыслены и приняты личностью и реализуются в поведении и деятельности субъекта без их актуального осознания.

Психологически тонкое описание действенности принятых и не реализуемых отрицательно осмысленных, непринятых личностью побуждений как мотивов мы можем найти в исповеди Л. Н. Толстого. В состоянии душевного кризиса, когда ему кажется: «Истина была то, что жизнь есть бессмыслица» (182, с. 12), — Л. Н. Толстой приходит к мысли о самоубийстве. Однако Л. Н. Толстой все же не реализовал свое побуждение к самоубийству. В сущности, эта мысль не была им положительно осмыслена: «Теперь я вижу, что если я не убил себя, то причиной тому было смутное сознание несправедливости моих мыслей», — пишет Л. Н. Толстой (182, с. 29). Это «смутное сознание» было обусловлено тем, что Л. Н. Толстым был глубоко принят совершенно противоположный мотив — стремление к нравственному совершенствованию. Хотя к тому времени этот мотив был ослаблен, находился в состоянии «кризиса реализации» и глубоко переосмысливался великим писателем, он все-таки действовал, выполнял смыслообразующую функцию, препятствовал принятию противоположных с ним побуждений.

Примером того, как реализация мотива зависит от его действительного принятия личностью, являются случаи неудачных попыток курящих бросить курить. Если опросить многих из тех, кто безуспешно пытался бросить курение, действительно ли всерьез они это делали, то чаще всего можно услышать отрицательный ответ. Не будучи наполненным личностным смыслом, побуждение бросить курить никогда не становится действенным мотивом. И чем шире, глубже осмыслен этот мотив в системе значимых отношений чело-

века, тем меньше подвержен он влиянию ситуационных, провоцирующих факторов.

Бывает, однако, что, несмотря на сильное желание бросить курить и кажущуюся свою готовность к этому, курящий не в состоянии оставить данную привычку. Это свидетельствует о том, что у человека не сформирован адекватный для него мотив, который имел бы действительную значимость для его личности. О действительной принятости мотива бросить курить можно говорить лишь тогда, когда понятие вредности, нецелесообразности курения обретает для него реальное, конкретное и жизненно важное значение. Если это значение для субъекта не более значимо, чем удовольствие от курения, необходимый мотив не может быть сформирован, и, соответственно, не может быть и реализован.

Конечно, по многим причинам возможно осложнение реализации мотива, как и его принятия. Для того, чтобы мотив реализовался, человеку нужно владеть способами его реализации. Незнание адекватных способов реализации мотива искажает его психологическое содержание.

Процесс реализации может быть затруднен и неадекватным принятием мотива, его несоотнесенностью со способностями, функционально-динамическими возможностями личности. Реализации мотива могут помешать и непредвиденные внешние условия. Тормозится реализация и того мотива, личностный смысл которого перестает отвечать новым отношениям личности с действительностью. Все эти причины приводят к «кризису реализации мотива», к состоянию фрустрации. Существуют многие способы преодоления «кризиса реализации мотива» — в замещающем действии, в фантазии, в принятии и реализации новых мотивов и т. д. Но это большая и относительно самостоятельная проблема, требующая отдельного исследования.

Способы реализации одного из компонентов функциональной системы мотивов одновременно выступают и определенными способами реализации другого компонента системы. Так, в упомянутом примере с женщиной в блокадном Ленинграде можно увидеть, что реализация ее мотива выжить самой в то же время является способом реализации интегрированного с ним мотива — сохранения жизни сына, и наоборот.

Если принятый личностью мотив по тем или иным причинам не может быть реализован, он возвращается на предшествующий этап функционального формирования — становится осознанным побуждением. Так, перед личностью снова встает проблема принятия или непринятия этого побуждения в качестве мотива. В этом плане интересны данные, содержащиеся в работе П. А. Шавира (203), из которых следует, что сформированность резервного намерения, когда основное намерение не может быть реализовано, представляет не только оптимальную психологическую основу для преодоления переживаний типа фрустрации, но и позволяет актуализировать иную систему мотивов, мобилизует дополнительные силы для целеустрем-

ленного развития личности. В известном смысле каждая единица функциональной системы мотивов человека является резервной по отношению к другим. Но резервный мотив может обнаружиться и в другой системе мотивационных связей, сам способен актуализировать иные функциональные системы мотивов личности. Соответственно, наблюдается сложнейшая картина взаимоотношений между мотивационными единицами и их функциональными системами. Все это необходимо учитывать при специальном изучении функционально-генетического формирования, принятия резервных мотивов личности.

Поведение личности, обусловленное принятым ею мотивом, как было сказано, всегда является полимотивированным. Адекватная и последовательная реализация мотива в поведении личности связана и с системно-функциональной полимотивацией данного поведения. К. Обуховский отмечает: «Причиной действия могут быть несколько мотивов, даже противоречащих друг другу, что позволяет осуществлять специфические способы действия, обуславливает не последовательность поведения или отказ от действия» (145, с. 12). Системно-функциональная соотнесенность, интегрированность побуждающих определенную деятельность мотивов — одно из условий успешного осуществления этой деятельности.

По-видимому, волевая регуляция поведения построена по принципу управления личностью своими функциональными системами мотивов. При недостаточной мотивации или при поведении, обусловленном долгом, личность осуществляет мотивационную саморегуляцию путем максимального направленного концентрирования своих мотивационных тенденций, создания цепи взаимоподкрепляющих и взаимоусиливающих мотивов. Но, как правило, с трудом создаваемые функциональные системы мотивов личности могут эффективно действовать не очень долгое время. Для того, чтобы удерживать такие системы мотивов, личность постоянно должна создавать новые функциональные системы мотивов.

Выше мы отметили, как велика роль сформированности обобщенных мотивов жизнедеятельности для психического здоровья личности. Необходимо сказать и об огромном значении для психического здоровья человека реализации этих мотивов. В истории можно найти немало примеров, когда люди, несмотря на труднейшие условия, все же реализовали принятые ими мотивы. И это составляло высший смысл их существования, приносило наивысшую личностную удовлетворенность. Об этом в яркой форме говорится в письме Ф. Э. Дзержинского жене, написанном из царской тюрьмы. «Я выпил из чаши жизни не только горечь, но и всю сладость, и если кто-либо мне скажет: посмотри на свои морщины на лбу, на свой истощенный организм, на свою теперешнюю жизнь, посмотри и пойми, что жизнь тебя изломала, то я ему отвечу: не жизнь меня, а я жизнь поломал, не она взяла все из меня, а я брал от нее полную грудь и душой» (75, с. 24).

Итак, мы рассмотрели вопросы, связанные с субъективными

трудностями в процессе принятия мотива личностью, а также реализацией мотива в поведении и деятельности человека. Когда осознанное внутреннее или внешнее побуждение недостаточно положительно осмысливается субъектом, его принятие личностью в качестве мотива поведения оказывается сложным, проблемным процессом. Как было показано, существуют различные адекватные и неадекватные, прогрессивные и регрессивные способы выхода из трудностей, возникающих в процессе принятия мотива личностью. Было отмечено, что в психологическое содержание мотива входят как способ его принятия, так и способ его реализации. Рассмотрено, каким образом происходит дальнейшее развитие мотива в процессе его реализации в поведении и деятельности, какое важное значение представляет действительное принятие мотива для его успешной реализации. Выделение «кризиса осознания», «кризиса принятия», «кризиса реализации», «кризиса закрепления» и «кризиса актуализации» мотивационных образований, как нам представляется, открывает интересные перспективы для их экспериментального исследования. Мы также указали на практическую ценность знания механизма и адекватных способов принятия и реализации мотива личностью.

Отношения между уровнями организации мотивационной сферы человека

В предыдущих разделах монографии мы определили, что на разных уровнях организации мотивационной сферы личности между мотивационными единицами существуют различные отношения: на ситуационном уровне — это отношения аддитивности, рядоположности, а на личностном уровне, в результате принятия мотива личностью, открывается возможность образования системно-функциональных отношений между ее мотивами. Однако взаимоотношения между мотивационными явлениями не ограничиваются одноуровневыми, горизонтальными отношениями. В жизнедеятельности человека, в мотивационной регуляции поведения важное значение имеют межуровневые отношения между мотивационными единицами, между самими уровнями организации мотивационной сферы личности.

В. Г. Асеев указывает: «Значение формирования сознательно-волевого уровня мотивации состоит, во-первых, в образовании иерархической, многоуровневой системы регуляции и в централизации этой регуляции; во-вторых, в *противопоставлении* (выделено нами — А. Ф.) этого высшего уровня стихийно формирующимся, импульсивным влечениям, потребностям, интересам, которые начинают выступать уже не как внутренние по отношению к ней (хотя и принадлежащие к данному человеку)» (31, с. 180). Другими словами, сам характер развития мотивационной сферы личности в онтогенезе неизбежно приводит к образованию в ней межуровневых отношений.

Выделенные нами уровни организации мотивационной сферы

личности не обособлены друг от друга, между ними нет резкой границы, имеется постоянная связь и взаимопереходимость их структурных единиц: побуждения могут преобразоваться в мотивы, а мотивы могут вновь стать побуждениями. Как отмечает Л. И. Анцыферова, «пройденные личностью стадии развития складываются в иерархическую организацию, в составе которой позднейшие психологические новообразования, стратегии и тактики не отменяют, но качественно видоизменяют — обогащают, ограничивают, регулируют, подчиняют себе образования более ранних стадий и уровней через включение их в новые системы психологических отношений личности к миру, в новые жизненные позиции» (21, с. 41). Таким образом, с образованием личностного уровня организации мотивационной сферы человека, дальнейшее развитие ситуационного уровня его мотивации происходит в «снятом» виде, под воздействием личностных мотивов. Но связь между уровнями организации мотивационной сферы не остается неизменной. Чем больше усиливаются интегративные тенденции на личностном уровне мотивации, тем больше проявляется ведущая, определяющая роль этого уровня по отношению к ситуационным побуждениям.

К проблеме межуровневых отношений в мотивационной сфере следует подходить прежде всего с точки зрения саморегуляции личности. Точнее говоря, эти отношения включены в процесс мотивационной саморегуляции личности. Если мотивационная регуляция на более ранних этапах онтогенеза осуществляется как ситуационная, внешняя регуляция, то с формированием личности она приобретает характер мотивационной саморегуляции. «Личность, — отмечает К. А. Абульханова-Славская, — выступает как центр регуляции, интегрирующий показания разных уровней и разных модальностей активности, выявляет интегральную характеристику значимости» (8, с. 97). Именно значимостная, ценностно-смысловая сторона регуляции становится решающей в ходе формирования мотивационной саморегуляции личности.

Понимание личности как субъекта своей деятельности и внутреннего мира позволяет поставить вопрос о ней как о субъекте регуляции мотивационного процесса, межуровневых взаимоотношений в мотивационной сфере. При личностном подходе к мотивации, указывает К. А. Абульханова-Славская, на первый план выступает способность личности управлять своими мотивами (7, с. 224). Эта же способность оказывает решающее влияние на организацию личностью межуровневых отношений в своей мотивационной сфере.

Межуровневые отношения в мотивационной сфере проявляются во многих аспектах, прежде всего — в самом процессе принятия мотива личностью. Превращение компонента ситуационной мотивации (побуждения) в компонент личностного уровня организации мотивационной сферы (в мотив) есть не что иное, как выражение межуровневых отношений в мотивационной сфере человека. Как было показано выше, подчас для того, чтобы принять определенное ситуационное побуждение в качестве своего внутреннего мотива,

личность вынуждена отвергнуть или подавить другие побуждения. В этом процессе она активно использует смысловые и динамические системно-функциональные свойства своего высшего уровня организации мотивационной сферы.

По словам М. С. Роговина, «высшие служат в качестве направляющих и регулирующих, низшие — как ограничивающие или разрешающие по отношению к высшим» (159, с. 9—10). Интегративность, содержательно-смысловая соотнесенность и динамическая взаимосодержательность компонентов высшего уровня организации мотивационной сферы человека выступают как благоприятные условия в регуляции и управлении разобщенными единицами ситуационного уровня мотивации. Взаимоотношения же отдельных мотивов и побуждений превращаются во взаимоотношения уровней организации мотивационной сферы личности.

Характер межуровневых отношений в мотивационной сфере человека имеет исключительное значение для социально-психологической устойчивости личности. Проблема устойчивости личности содержит множество аспектов, и все они так или иначе связаны с организацией и течением мотивационных процессов. Устойчивость деятельности и жизнедеятельности личности — это прежде всего устойчивость мотивации этой личности, межуровневых отношений в ее мотивационной сфере, а также ведущей роли личностного уровня организации мотивации. Л. И. Божович указывает, что устойчивость личности достигает максимального развития, когда в мотивационной сфере ребенка выделяются постоянно доминирующие мотивы (45, с. 110—111). В исследованиях школы Л. И. Божович устойчивость личности была связана с направленностью личности. В. Э. Чудновский, связывая высший уровень устойчивости с коллективистской направленностью, подчеркивает, что специфически личностная ориентация на отдаленные факторы составляет психологическую сущность устойчивости личности (201, с. 29). Таким образом, здесь усматривается связь устойчивости личности с ее социальной зрелостью, с выходом доминирующей мотивации за пределы узколичных интересов.

Существует обширный фронт исследований, в которых к проблеме устойчивости личности подходят с точки зрения особенностей установок и диспозиций человека. По мнению А. Г. Асмолова (33), уровневый характер установок человека придает его деятельности устойчивый характер. Согласно концепции, разрабатываемой В. А. Ядовым и другими, устойчивость личности в деятельности зависит от уровня характера ее установок. Во всех этих исследованиях уровневость и иерархичность мотивов, установок и диспозиций человека рассматриваются как важнейшие условия обеспечения устойчивости личности.

Но при всей иерархичности мотивационно-диспозиционной сферы человека, доминирования в ней определенных личностных мотивов, субъект не может исключительно и постоянно вести свою жизнедеятельность на высшем уровне организации своей мотивацион-

ной сферы. Другими словами, для нас важно определить место и значение каждого из уровней организации мотивационной сферы человека в его целостной жизнедеятельности.

Б. В. Зейгарник отмечает, что в структуре поведения здорового человека подчинение ситуационным моментам часто встречается при усталости, переутомлении, аффективном напряжении. Но ситуационное поведение в этих случаях не свидетельствует о патологии, является «переходящим, выступает лишь в виде эпизодов и не нарушает целенаправленной деятельности человека» (82, с. 62). Но это — только одна сторона проявления ситуационности у взрослого человека. Сама Б. В. Зейгарник исследовала и другое проявление ситуационности поведения взрослых людей — при поражении лобных долей мозга. Для нас же наибольший интерес представляет место и значение ситуационной мотивации и поведения в жизнедеятельности зрелой и здоровой личности, и не только в связи с ее усталостью и переутомленностью.

Дело в том, что при иерархических взаимоотношениях уровней организации мотивационной сферы человека каждый из них сохраняет относительную самостоятельность. Этот момент имеет прямое отношение к обеспечению адекватной социально-психологической устойчивости личности. Так, в жизни человека нет нужды постоянного контроля, смысловой интеграции всех ситуационных побуждений. Даже зрелая личность в своей жизнедеятельности не может обходиться без быстро актуализирующихся ситуационных побуждений и ситуационного поведения. Но у такой личности функция ситуационных побуждений ограничивается операциональным обслуживанием деятельности человека, а не распространяется до уровня детерминации личностных поступков. Индивид, — указывает Л. И. Анцыферова, — не может постоянно действовать на высшем уровне функционирования. Свободный и легкий переход от одного функционального уровня к другому, способность некоторое время находиться на уровне, требующем меньшего психологического напряжения, а затем вновь возвращаться на более высокий уровень являются признаками и залогом психологического здоровья личности, и, возможно, формой аутопсихотерапии (19, с. 15). Эти слова в полной мере справедливы и по отношению к уровням организации мотивационной сферы личности. Человек, который достиг высокой степени мотивационной саморегуляции, может без ущерба для своей личностной организации пребывать во «власти» ситуационной детерминации поведения. При необходимости он моментально переключается на другой уровень мотивации, соответственным образом организует свою мотивационную сферу.

Итак, устойчивость личности предполагает не только наличие интегративных тенденций в мотивационной сфере человека, но и определенную сбалансированность и возможность взаимоперехода ситуационных и личностных форм мотивации. Устойчивость личности может обернуться ригидностью, когда в мотивационной сфере субъекта отсутствует гибкость. Говоря об относительной гибкости

диспозиционной структуры человека, А. А. Семенов и В. А. Ядов отмечают, что ситуативная адаптивность личности обеспечивается тем, что низшие диспозиционные образования как бы отслаиваются от более обобщенных, высших (172, с. 80). В плане нашего исследования можно сказать, что чрезмерная генерализация ситуационной адаптивности человека по отношению к его существующим личностным свойствам может привести к тому, что ситуационность как бы становится личностной чертой субъекта. Таким образом, взаимоотношения уровней организации мотивационной сферы человека могут привести не только к контролю и управлению ситуационными побуждениями, но и к доминирующему положению более низкого уровня в структуре мотивации личности. Для адекватного функционирования человека как личности, его ситуационная адаптивность должна быть в рамках проявления его обобщенных личностных мотивов. «Сформированная личность, — пишет Б. И. Додонов, — поэтому одновременно является и достаточно устойчивой и крайне динамичной системой. Она чутко реагирует, быстро перестраивается в ответ на всякое изменение ситуации и вместе с тем сохраняет себя, сохраняет некоторую единую логику своих частных целей и поступков, несмотря на их внешне изменчивый, преходящий, нередко случайный характер» (77, с. 25). Диалектика психологической организации личности заключается в том, что устойчивость личности содержит в себе динамичность (гибкость), а динамичность (гибкость) — устойчивость.

Ситуационный уровень организации мотивационной сферы является связующим звеном во взаимоотношениях личностных мотивов и побуждений организмического характера человека. В психологическом плане организмические побуждения для личности во многом проявляются как побуждения ситуационные. С другой стороны, когда человек пытается воздействовать на свои организмические процессы, он осуществляет это посредством вызывания определенных ситуационных побуждений. Например, люди, занимающиеся йогой, дзен-буддизмом или аутотренингом, пытаясь управлять своими вегетативными процессами, начинают соответствующие упражнения в определенной ситуации, позе, используя определенные ситуационные выраженные побуждения. В дальнейшем, когда эти ситуационные побуждения превращаются в действенные личностные мотивы, и человек достигает желаемого результата, необходимость ситуационной организации деятельности отпадает. Личностная регуляция деятельности организма переносится на непосредственный уровень, без связующей функции ситуационной мотивации.

Здесь уместно отметить, что во многих буржуазных психологических теориях, особенно в концепциях научения, извращенно представляются мотивационные истоки поведения личности, взаимоотношения различных по уровню развития и организации мотивационных явлений. Например, в теории Б. Скиннера, отмечают Р. Р. Бибрих и А. В. Орлов: «Конstellляция ситуативных стимулов выступает в качестве конечных причин всякого, в том числе личностного, пове-

дения» (38, с. 38). В таких концепциях не проводится грань между собственно личностной и ситуационной мотивацией поведения человека.

В последние годы в США быстрыми темпами развивается новое направление в психологической науке — экологическая психология (ecological psychology) (220, 221, 232, 239 и др.). Она является разновидностью более широкой психологической дисциплины, сейчас также широко распространенной на Западе — психологии окружающей среды (environmental psychology) (225). В центре внимания последней находятся психологические проблемы пребывания человека в различных условиях — в городе, на природе, среди людей и т. д., вопросы восприятия человеком среды своего обитания, особенности влияния окружающей обстановки, климата, шума и т. п. на деятельность и психологическую активность человека, территориальное поведение людей, влияние плотности населения на характер поведения человека. Предметом исследования экологической психологии является влияние социального, культурного и физического окружения человека на его поведение. Экологическая психология стала заметным явлением в американской науке. Она претендует на революционную роль в поведенческих науках, на коренное преобразование методологии и методов традиционной психологии. Анализ этого направления современной американской психологии еще не проведен в нашей литературе. Критическое осмысление экологической психологии, как нам представляется, имеет актуальное значение и с точки зрения рассматриваемых здесь мотивационных проблем.

Основоположник экологической психологии Роджер Баркер в свое время был учеником и сотрудником К. Левина и по своему пытался развить учение последнего о «жизненном пространстве». Р. Баркер и его сотрудники заявили, что экспериментальные методы современной психологии неоправданно вмешиваются в естественное течение человеческого поведения и извращают его содержание. По их мнению, научная психология не знает и не может знать, как люди в действительности живут в гетто, в предместьях, в больших и малых школах, в регионах бедности и изобилия. Естественное поведение человека — это экологический феномен, который протекает без вмешательства экспериментатора. В экспериментальной и клинической психологии исследователь своим вмешательством — тестами, вопросниками, интервью и другими методами превращают целостное поведение человека в поведенческую мозаику.

Но можно ли добиться того, чтобы в данные, полученные путем эксперимента, теста, интервью и другими подобными методами не оказывались впутанными собственно психологические характеристики исследователя? Экологические психологи утверждают, что невозможно. Экологическая психология предложила свой путь исследования поведения человека, не оторванного от своего естественного, каждодневного окружения. В двух маленьких городках Р. Баркер и его сотрудники в течение почти 20 лет вели тщательное,

каждодневное наблюдение над протеканием экологического, то есть естественного поведения людей.

Основная единица изучения, главный объект внимания экологической психологии — это так называемое поведенческое окружение, обстановка или поведенческая ситуация (behavior setting). Это понятие является центральным в категориальном строе экологической психологии, оно — экологическая единица поведения человека. Всякая поведенческая ситуация, как указывают экологические психологи, имеет временную и пространственную границы, обладает физическими, социальными и культурными свойствами. Любое поведение человека разворачивается в определенной поведенческой ситуации и испытывает влияние структурных и функциональных свойств этой ситуации. В качестве примеров поведенческих ситуаций экологические психологи приводят публичную лекцию, террасу отеля, церковь и т. п.

По мнению экологических психологов, поведение человека нельзя адекватным образом понять вне рамок определенных поведенческих ситуаций, где оно протекает. Отмечается, что каждая поведенческая ситуация имеет свою программу, и человек, находящийся в ней, будет выполнять эту программу и действовать сообразно с ней. Например, важнейшими элементами программы публичной лекции как поведенческой ситуации являются представление лектора аудитории, речь лектора и т. д. Поведенческая ситуация старается ликвидировать угрозу разрушения своей программы, она — самоорганизующаяся и гомеостатическая система. Так, при проведении публичной лекции громко разговаривающего человека попросят замолчать, недостающие стулья вносятся в аудиторию и т. д. Выполнению программы поведенческой ситуации способствует и координация между поведением людей и физическими свойствами окружения. К примеру, люди сидят сообразно устройству зала, лицом вперед к выступающему.

Основная задача экологической психологии — изучение соотношения структурных свойств поведенческой ситуации и так называемого экстраиндивидуального поведения, то есть поведения, которое обнаруживают люди в отмеченной ситуации. Именно в этом можно видеть основное различие между экологической психологией и различными социально-психологическими ролевыми теориями, поскольку в первом акцент делается и на изучение влияния физических свойств (например, стены лекционного зала, наличие доски, расположение стульев) и временных свойств (например, назначенный для лекции час и день недели) функциональных поведенческих ситуаций.

Проводя наблюдения над естественным поведением людей в различных поведенческих ситуациях, таких, как общественные собрания, организации, учреждения, клубы, ресторан, сапожная мастерская и другие, экологические психологи тщательно записывали все атрибуты поведенческих эпизодов, пользовались фото- и кинокамерой. Анализировались архивные материалы, местные газеты. В каж-

додневных наблюдениях фиксировались все изменения, касающиеся структуры и функции поведенческих ситуаций. Экологические психологи выясняли как долго существует та или иная поведенческая ситуация, возраст и пол ее участников, степень, с которой программа ситуации активизирует такие процессы, как мышление, речь, эмоции и т. д. Оказалось, например, что в поведенческих ситуациях женщины проявляют большую речевую и эмоциональную активность, чем мужчины. Особое внимание уделялось человеческому составу, численности поведенческих ситуаций. Отмечается, что в малокомплектной поведенческой ситуации участники больше вовлечены в ее программу, чем в оптимально или сверхкомплектных поведенческих ситуациях. Согласно наблюдениям экологических психологов, малые школы, в противоположность большим, более стимулируют самостоятельную активность учеников. В больших школах ученики чаще оказываются в роли наблюдателей, чем становятся участниками различных мероприятий, требующих волевой, самостоятельной активности.

Поведенческая ситуация имеет двоякого рода компоненты — поведение людей (проведение лекции и ее усвоение) и непсихологические объекты, воздействующие на поведение (микрофон, стены, стулья). Люди — основной атрибут поведенческих ситуаций. Но только атрибут. Экологическая психология сама признает свое пренебрежение к личностным свойствам индивидов, их внутреннему миру. Это неудивительно, поскольку экологическая психология придерживается бихевиористской ориентации. Экологическая психология и не пытается выявить активную, преобразующую роль человеческой личности по отношению к поведенческим ситуациям.

Экологическая психология подчеркивает чрезвычайную податливость человека воздействиям поведенческих ситуаций, регулируемость этими ситуациями человеческой деятельности. Считается, что у человека есть внутренняя мотивация, способствующая влиянию поведенческой ситуации. Это, по мнению экологических психологов, помогает удовлетворить потребности человека. Но при такой постановке вопроса о собственно внутренней, лично организованной мотивации человека говорить не приходится. Мотивационная регуляция осуществляется всецело со стороны поведенческой ситуации. Человек как субъект своей мотивации и деятельности не может найти своего места в объяснительной схеме экологической психологии.

Экологическая психология признает, что поведенческие ситуации являются компонентами более широких социальных систем. Однако это положение методологически не подкреплено ни в общей теории экологической психологии, ни в ее конкретных исследованиях. На самом деле у экологических психологов поведенческие ситуации являются первичными по отношению к общественной структуре. Не выявлено реальное влияние социально-политических факторов на особенность строения и функционирования тех или иных поведенческих ситуаций. Явления социального порядка трактуются с точки зрения психологии, социальное поведение человека связывается с

отдельными структурными признаками поведенческих ситуаций.

В последние годы усилилась ориентация экологической психологии на решение прикладных проблем. В сферу интересов экологической психологии все чаще попадают традиционные вопросы социальной психологии, психологии управления. Рекомендации экологических психологов по оптимальному размеру, количественному составу поведенческих ситуаций, особенно сервисного типа, находят прикладное применение. Экологические психологи работают и над совершенствованием методов исследования, регистрации и обобщения данных. Однако громоздкость методов наблюдения, трудность теоретической интерпретации получаемых данных и отсутствие адекватной научной методологии затрудняют конкуренцию экологической психологии с психологией экспериментальной.

Экологическая психология, в том виде, в каком она есть, является одним из проявлений методологического кризиса в западной психологической науке. Она рождена в противовес засилию узко экспериментальных, эмпирических исследований, обилие которых, без правильной теории и методологии, не способствует лучшему пониманию человеческого поведения. Положительный момент, привнесенный экологической психологией в науку, заключается в призыве к изучению естественного поведения человека, которого нельзя в полной мере постичь в лабораторных условиях. Однако признание определяющей роли физических детерминант окружения в поведении человека приводит к пониманию узкоситуационных побудительных стимулов как основных мотивационных факторов социального поведения человека, то есть собственно личностного поведения. В экологической психологии подчеркивается роль ситуационных моментов в детерминации личностного поведения, что, несомненно, является правильным. Однако непонимание того, что в социальном поведении человека ситуационные признаки присутствуют в снятом виде, и что снимают их общественные отношения, в которые человек включен и носителем которых он является, свидетельствует об узости методологической базы данных исследований. Экологические психологи не смогли увидеть разницу между ситуационной и собственно личностной мотивацией поведения человека.

Итак, мы рассмотрели проблему межуровневых отношений в мотивационной сфере личности. Было определено, что взаимоотношения между личностным и ситуационным уровнями организации мотивационной сферы человека проявляются во многих планах и имеют важное значение в мотивационной регуляции как отдельной деятельности, так и целостной жизнедеятельности личности. Личность как субъект своей деятельности и внутреннего мира выступает как активное начало, творческий элемент, регулирующий и управляющий мотивационными процессами. В частности, используя системные особенности внутриуровневых отношений своих принятых, личностных мотивов, она может воздействовать на ситуационный уровень своей мотивации.

Для адекватного функционирования человека как личности, как

было подчеркнуто, необходимо не только подчинение ситуационной мотивации личностным мотивам, но и относительная самостоятельность отмеченных уровней организации мотивационной сферы. Каждый из уровней организации мотивационной сферы человека имеет свою значимую роль в целостной жизнедеятельности личности. Ошибочными представляются положения некоторых западных психологических концепций, в которых ситуационная мотивация не отличается от собственно личностной мотивации поведения человека, где не ставится вопрос о ситуационной зависимости-независимости мотивационных образований личности.

В настоящее время на факультете психологии МГУ начаты исследования по ситуационному развитию мотивации, под которым подразумевается процесс порождения устойчивыми мотивационными образованиями ситуационных мотивационных образований (61, 62, 150). При таком подходе ситуационное побуждение выступает как последнее звено процесса мотивации, непосредственно инициирующего деятельность (84). В нашем же подходе, как было показано, основное внимание уделено преобразованию ситуационно возникших побуждений в конкретные личностные мотивы, то есть формированию самих устойчивых мотивационных образований, также инициирующих деятельность. Думается, соединение этих двух направлений, дальнейшее исследование взаимопереходов и преобразований ситуационных и устойчивых, собственно личностных мотивационных явлений даст возможность раскрыть новые, малоизученные стороны проблемы мотивации.

ГЛАВА IV. МОТИВАЦИОННАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ И ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЛИЧНОСТИ

Жизнедеятельность человека состоит из сложнейшей взаимопереплетенной сети его отношений с объективной действительностью, с другими людьми, из чрезвычайно разнообразной по своему объему, значимости и структуре деятельности и действий. Мысленное и чувственное богатство внутреннего мира человека, присущая этому миру амплитуда эмоциональных состояний обуславливают динамизм психологических характеристик жизнедеятельности личности. Развитие личности, накопление жизненного опыта и познаний человека ведут к тому, что субъект постоянно открывает для себя все новые грани своей жизнедеятельности. И человек обязан не только сохранить определенную целостность своей личностной организации, но и реально выступить субъектом этой жизнедеятельности.

Эта, на первый взгляд не столь уж сложная задача, на самом деле решается путем сложнейшей регуляторной способности человека по отношению к своей деятельности и внутреннему миру. Сама возможность данного решения говорит об огромных творческих способностях человека как субъекта жизнедеятельности. Однако, как известно, не все люди с одинаковым успехом организуют свою жизнедеятельность. Жизнь полна непредсказуемых событий, которые для одних оказываются катастрофическими, а для других проходят почти бесследно.

Индивидуальный стиль жизни, способ жизнедеятельности человека зависит от многих факторов социального, психологического, физиологического и физического порядка. Этот стиль или способ жизнедеятельности личности в значительной степени является культурным феноменом. Имеется в виду не только общечеловеческая культура, но и культура нравственная, физическая, а также психологическая. Психологическую культуру (культуру психической деятельности) невозможно представить без хорошей саморегуляции, в том числе и мотивационной саморегуляции личности. Много в жизни личности зависит от ее качеств как «исполнителя», так и «режиссера» своей мотивации.

Человеку так или иначе приходится решать свои жизненные задачи и проблемы — адекватным или неадекватным образом. Нанесенная большая степень адекватности в решении разнообразных жизнен-

ных проблем часто рассматривается как проявление жизненной мудрости. Неудивительно, что когда речь заходит о различных проблемах жизнедеятельности человека, о реальном поведении и жизненном опыте личности, психологи нередко обращаются к понятию мудрости. С. Л. Рубинштейн назвал мудрость драгоценным и редким свойством, которое превосходит всякую ученость (161, с. 682). На необходимость глубокой жизненной мудрости для спокойного отказа от чего-либо указывает известный психиатр и психотерапевт А. Кемпински (90, с. 114). К. К. Платонов в словаре психологических понятий отмечает: «Мудрость — высшее проявление глубины ума, опирающееся на способность обобщения непосредственного опыта и здравый смысл. В этом отличие мудрости от эрудиции» (155, с. 71). Поскольку мудрость является свойством личности, качеством ума, то есть все основания рассматривать проблему мудрости и как психологическую проблему.

«Психолог, — пишет Ф. Е. Василюк, — вообще не специалист по житейским советам, полученное им образование отнюдь не совпадает с обретением мудрости...» (59, с. 10). Не будучи специалистом по житейским советам, психолог, однако, может внести свою лепту в познание принципов психологии мудрости. Ведь во все времена своей сознательной истории человечество рассматривало мудрость как наивысшее качество, которое может опосредовать отношение личности к миру и к себе. О мудрости можно говорить в философском, социальном, житейском, возрастном и других планах, в том числе и в психологическом, в аспекте саморегуляции личности. Быть мудрым — это значит быть адекватным своим жизнедеятельности, поведению, возможностям, прошлому, настоящему и будущему. Хорошие саморганизация, самоуправление и саморегуляция — неперенные атрибуты правильной, психологически грамотной организации жизнедеятельности. Очевидно, есть прямая связь между искусством управления своими мотивационными тенденциями и тем, что называют мудрым отношением к жизни.

К сожалению, понятие мудрости, обладающее таким богатым историческим, общечеловеческим, культурным, этическим и житейским содержанием, еще не стало предметом современных научных исследований. Ведь за этим понятием стоит огромный духовный и жизненный опыт человечества. Известно, какое исключительное место принадлежало этому понятию в структуре древней мысли. И сама диалектика развития исследовательской мысли обуславливает необходимость постановки проблемы мудрости по-новому, с научной точки зрения. Обращение к этой теме дает возможность эксплицировать и проанализировать многочисленные воззрения на принципы правильной психологической организации жизнедеятельности субъекта, позволяющие наиболее адекватным образом осуществлять процессы саморегуляции личности. Включая феномен мудрости в контекст психологических исследований, мы тем самым стремимся выйти за рамки узких подходов к проблеме практической мотивационной саморегуляции в жизнедеятельности личности.

Саморегуляция, самообладание и мудрость

Прежде чем обратиться к собственно психологической стороне поставленного вопроса, необходимо уяснить основные характеристики мудрости, что требует, в свою очередь, определенного исторического обзора понимания людьми феномена мудрости. Только таким образом можно приступить к выявлению параметров соответствующей мотивационной саморегуляции. Но при этом надо сразу оговорить сферу своих интересов, так как всестороннее рассмотрение понимания людьми мудрости является поистине колоссальной задачей. Поэтому мы ограничимся определениями мудрости, представляющими интерес с точки зрения психологии.

Мыслители в структуру этого понятия могли вкладывать различный смысл в зависимости от тех или иных содержательных контекстов (этического, интеллектуального, религиозного, житейского и т. д.). Нам необходимо определить, есть ли общие, всеми признаваемые моменты или характеристики человеческой мудрости, а затем — каковы наиболее существенные свойства или принципы мудрости?

Мыслители всех великих цивилизаций Древнего мира обращались к понятию мудрости. Категория мудрости была одной из самых важных в философских, религиозных, этических трактатах. Мудрость как идеал выполняла реальную нормативно-регуляторную функцию в жизни общества. О мудрости много говорили, ее описывали, записывали мудрые изречения, наставления мудрецов, проводились состязания мудрецов. Выделяли совершенно мудрых, мудрейших, говорили о премудрости. В то же время имела совокупность соответствующих понятий с отрицательным оттенком (мудрит, мудрствование, суемудрие и т. п.).

Но большинство из высказываний о мудрости носили чисто описательный характер. Описывались высказывания и поступки мудрых людей, сущность мудрости показывалась на тех или иных конкретных примерах, предписаниях. Аналитически-объяснительный подход к феномену мудрости встречается весьма редко. Однако специально и подробно раскрыть сущность мудрости пытался Аристотель: «Во-первых, мы предполагаем, что мудрый, насколько это возможно, знает все, хотя он и не имеет знания о каждом предмете в отдельности. Во-вторых, мы считаем мудрым того, кто способен познать трудное и нелегко постижимое для человека (ведь восприятие чувствами свойственно всем, а потому это легко и ничего мудрого в этом нет). В-третьих, мы считаем, что более мудро во всякой науке тот, кто более точен и более способен научить выявлению причин, и, (в-четвертых), что из наук в большей мере мудрость та, которая желательна ради нее самой и для познания, нежели та, которая желательна ради извлекаемой из нее пользы, а (в-пятых), та которая главенствует, — в большей мере, чем вспомогательная, ибо мудрому надлежит не получать наставления, а наставлять, и не он должен повиноваться другому, а ему — тот, кто менее мудр».

(27, с. 67—68). Очевидно, что Аристотель понимает мудрость не в житейски-практическом плане, а в плане теоретическом — как ученую мудрость.

Аристотель особо отмечал значение знания общего как наиболее далекое от чувственных восприятий (27, с. 68). Из этого следует, что «мудростью надо бы признать науку о сущности» (27, с. 102). Подобные определения мудрости встречаются и у многих других мыслителей, в том числе и других культур и цивилизаций. Так, по мнению древнеиндийского мыслителя Шанкары, «путь мудрости» состоит в обращении к первопричине всего сущего (51, с. 248). Фараби, главный восточный комментатор Аристотеля, также подчеркивал связь мудрости с знаниями, познаниями человека (15).

По мнению Аристотеля, «мудрость состоит из ума и знания, так что она должна быть направлена на те же предметы, что ум и познание» (26, с. 334). Можно заметить, что, выделяя ум и знание в качестве компонентов мудрости, Аристотель ничего не говорит о жизненном опыте как о составной части мудрости. Для Аристотеля не существует житейской, практической и этической сторон мудрости.

«Из сказанного, таким образом, ясно, — отмечает Аристотель, — что мудрость — это и научное знание, и постижение умом вещей по природе наиболее ценных» (28, с. 179). Аристотель останавливается и на многих других сторонах проблемы мудрости. Но для нас главное заключается в том, что Аристотель своим подходом четко выразил одну из основных линий понимания мудрости, где во главу угла ставится человеческое познание, умственное постижение сущности явлений. При этом мудрость понимается как высший уровень мыслительной деятельности человека, который превосходит рассудок и разумность.

Можно говорить и о другом подходе к определению мудрости, где она связывается преимущественно с искусством жизни, умением справляться с жизненными трудностями. Как пишет Цицерон, «в жизни много невзгод, и мудрые смягчают их, вознаграждая себя выгодами, глупцы же не могут ни уклониться от чрезмерных бед, ни переносить пришедшие» (198, с. 6). Однако такое понимание мудрости имело и своих противников. Так, крупнейший представитель античного скептицизма Секст Эмпирик считал, что «нет ни одного действия, свойственного мудрому, которым он мог бы отличаться от немудрых. А если так, то мудрость не может быть искусством жизни, поскольку мудрость не имеет никакого свойственного (только) ей искусного дела» (170, с. 40). Но, тем не менее, как для преобладающего большинства мыслителей, так и для широких масс людей житейский компонент в структуре мудрости стал одним из главных.

В иных позициях сугубо практическая ориентация в понимании мудрости доходила до того, что мудрому человеку приписывали определенные алгоритмы поведения. Например, в книге об этике поведения для чиновников, написанной в Древнем Египте, есть

практические советы относительно мудрости. Один из них — «Мудрый рано встает, чтобы устроить себя» (191, с. 102).

Эпиктет обращает внимание на необходимость совпадения мыслей и поступков: «Мудрым можно назвать человека только тогда, когда он не только разумно рассуждает, но и на деле старается поступать согласно тому, что он говорит» (212, с. 107). Таким образом, в лице мудреца мыслитель соединяется с практиком. Это очень важный, принципиальный момент в понимании мудрости. Чтобы реализовать свои глубокомысленные рассуждения, мудрому человеку надлежит соответствующим образом организовать себя, свою деятельность, регулировать отношения между сознанием и поведением. Одним словом, при таком подходе важное значение приобретает саморегуляционный аспект мудрости.

Во многих течениях, особенно у стоиков (представителем которых и был Эпиктет), в понимании мудрости важное значение имело этическое начало. «Этический идеал стоиков — мудрец, достигший добродетели и бесстрастия (апатия), «довлеющий себе» (автаркия), то есть не зависящий от внешних обстоятельств» и все его поступки «исходят из постоянного добродетельного склада души, внутренней невозможности поступить иначе», — пишет Я. В. Унт (187, с. 655). В соответствии с этим мудрость рассматривается не только как способность, но и как долг, в том числе и по отношению к другим. Так, немецкий писатель XVIII в. Г. К. Лихтенберг отмечает: «Долг каждого мудреца — видеть в сапожнике короля, воздавать должное всякому по заслугам и ценить величие души, талант и способности не только по шумным эффектам» (116, с. 90). Разумеется, умение видеть потенциальное, скрытое предполагает развитую проницательность, то есть ум. Но сам по себе умственный компонент еще никак не определяет мудрость.

Среди важнейших проблем человеческой жизни, в соотношении с которыми определялась мудрость, одной из главных была проблема смерти. По словам Монтеня, «вся мудрость и все рассуждения в нашем мире сводятся, в конечном итоге, к тому, чтобы научить нас не бояться смерти» (135, с. 76). Однако, несмотря на несопоставимость трагической смерти (от катастроф, болезней и т. д.) и естественной, являющейся неизбежным завершением жизни, психологически человеку не менее трудно допустить свою естественную смерть, чем возможность трагической смерти. Для того, чтобы принять неизбежность собственной смерти как абсолютно естественное явление, недостаточно только ума, знания, или жизненного опыта. Здесь человеку требуется определенное целостное образование как свойство личности, которого иначе, чем мудрость, трудно назвать. Для выработки мудрого отношения к естественной смерти необходимо целостное осмысление жизни и смерти, их взаимосвязи. Когда же нарушается это целостное звено осмысления, то создаются условия для возникновения «страха смерти»*.

* В монографии Л. А. Китаева-Смыка приводится обзор многих современных психологических исследований «страха смерти» (92, с. 253—271).

В некоторых восточных культурах сложилось своеобразное понимание мудрости. В дальневосточной культуре в этом вопросе особое значение приобретает концепция триады Небо — Человек — Земля. Мудрецом можно было назвать только того, кто в своей деятельности следует единым законам этого органического триединства, не нарушает их. «Значит, ритм человеческого поведения не должен приходить в противоречие с ритмом космоса, космической энергии. Однако постичь это человек может лишь в состоянии мудрости», — описывает подобный подход Т. П. Григорьева (71, с. 151). Если конфуцианский мудрец — это волевой, рефлексирующийся человек, который стремится достичь гуманности, гармонии с собой и со своим окружением путем ритуализации поведения, активизации вербально-логического мышления, то даосский «мудрый человек предпочитает недеяние» (106, с. 116), избирает внутренне спонтанный способ взаимодействия с макрокосмосом.

В ряде восточных концепций мудрость считается несовместимой с разумной, рассудочной деятельностью. У известного индийского мыслителя Кришнамурти, отмечает французский исследователь Р. Линсен, «как и в чань-буддизме, утверждается, что интеллектуальное знание — помеха мудрости» (цит. по кн.: 79, с. 73). В самой чаньской культуре «все формы и методы психической тренировки должны были служить одной общей цели — достижению «просветления», пробуждению в человеке интуитивной мудрости», — отмечает Н. В. Абаев (5, с. 95). Это было связано с признанием весьма ограниченной роли дискурсивного мышления в человеческой жизнедеятельности. Чаньский мудрец пытается психологически слиться со своим окружением, с космическим бытием, интуитивно настраивается на ритм этого бытия. Его поведение должно быть спонтанным (а это не одно и то же, что и ситуативным), вызываться внутренними стихиями, а не внешними обстоятельствами. Такой образ, конечно, далек от популярного стереотипа восточного мудреца — умудренного жизненным опытом, всезнающего старца.

Здесь необходимо отметить и влияние религиозных представлений на различные концепции мудрости. Если Будда, например, связывал мудрость с «срединным путем», то есть избеганием крайностей — как потворства чувственным наслаждениям, так и аскетизма (100, с. 11), то с точки зрения христианства желательное «состояние человека в этой жизни — не спокойная безболезненность стоического или буддийского мудреца, но «сердце болезнующее, напряжение борьбы с собой и страдания за всех» (11, с. 759). Поэтому библейское: «Блажен человек, который снискает мудрость», с одной стороны, но «во многой мудрости много печали», с другой, очень характерно для христианства. В учении ислама традиционным было связывать мудрость со знаниями и умением человека разрешать жизненные трудности, хотя в различных направлениях мусульманской мысли — традиционализме, рационализме и мистицизме сам способ получения знаний, а также понимание адекватного образа жизни имели свои особенности. Все эти факторы оказали большое воздей-

ствие на формирование в регионах распространения упомянутых мировых религий соответствующего образа мудрого человека.

Марксистский анализ проблемы предполагает учет конкретно-исторических особенностей феномена мудрости. Каждая историческая эпоха, каждый общественный строй формирует свое понимание мудрости, мудрецов. Человек как совокупность общественных отношений в своем подходе к жизненным проблемам опирается на эти отношения, исходит из них. Понимание им мудрости также включено в контекст его социальных и экономических связей.

Неудивительно, что порой образ мышления и поступки мудрецов других эпох и культур кажутся нам странными. Комментируя повествование Диогеном Лаэртием о семи мудрецах Древней Греции, А. Ф. Лосев пишет, что «эти мудрецы у него большей частью банальные моралисты, хитрецы и злодеи, а то и развратники» (123, с. 26). Далее А. Ф. Лосев продолжает: «А возможно, что подобного рода тип культуры вообще нам непонятен. Смесь бытовых и банальных изречений с кровавыми преступлениями и противоестественными браками, большой жизненный опыт, остроумие и бесстрашная самоотверженность — это действительно остается для нас чем-то непонятным, особенно когда вся эта противоестественная смесь получает название мудрости. Конечно, мы тут не понимаем чего-то очень важного» (123, с. 26). А вот другой пример из области культурологических особенностей понимания мудрости. По словам В. В. Овчинникова, в понимании японцев бог мудрости Дзюродзин является любителем выпивки и женщин, без чего он попросту не был бы достаточно мудрым (146). Очевидно, такое представление о мудрости приемлемо не во всех культурах.

Исторический и культурологический аспекты понимания мудрости очень важны. Немалое здесь можно уяснить посредством сравнительного семантико-лингвистического исследования. Но важны и общечеловеческие особенности, аспекты феномена мудрости, без рассмотрения которых наш анализ был бы неполным, односторонним.

Сказанное выше позволяет говорить о существовании двух крайних подходов к пониманию мудрости — теоретического, где главными являются знания и ум человека, и практического, или житейского, где основное — это искусство жизни. Но вместе с этим формировался и третий, самый распространенный подход, с позиций которого можно говорить о четырех составных частях, или компонентах мудрости — об уме (способность мыслить, рассуждать), знании, жизненном опыте и хорошем самообладании, то есть самоуправлении и саморегуляции. Причем, если ум и самообладание никак не заменимы, то знания и жизненный опыт могут быть относительно восполнены другими компонентами. Так, способность глубоко мыслить, рассуждать подчас может восполнить нехватку знаний, а само знание нередко может заменить жизненный опыт человека.

В некоторых своеобразных подходах к мудрости, например, как

в чаньской «интуитивной мудрости», складывается иное соотношение отмеченных компонентов. Хотя здесь и сохраняется значение ума, но культивируется другой, нежели дискурсивно-логический уровень мышления; на первый план выходит стремление к интуитивному постижению явлений, к озарению. Саморегуляция также очень важна, но здесь имеется в виду иной тип саморегуляции, осуществляемый по принципу спонтанности. Знания и жизненный опыт нужны, но их значение приковано, они необходимы лишь в той степени, в какой не разрушают своеобразную структуру чаньской личностной организации.

Конечно, конкретное проявление, реализация мудрости зависит от многих других факторов — от экономических и социальных условий жизни, от идейных и нравственных установок, классовой принадлежности и личностной направленности человека и т. д. Но поскольку мудрость является общепризнанной ценностью, определенным идеалом, то главное, что нас интересует в контексте нашей работы — это психологические принципы самосовершенствования и мудрости. При этом на первый план выходит регулятивный аспект проблемы.

Без хорошего владения собой, без умения управлять эмоционально-мотивационным состоянием, регулировать его, человек не может адекватно и мудро реагировать на различного рода жизненные события. Во все времена и среди всех народов мудрость непременно связывалась с высокой степенью самообладания. Самообладание как исключительная человеческая черта особо ценилась в некоторых философских школах, например, у стоиков. О значении самообладания для многих профессий, в экстремальных ситуациях, а также в повседневной жизни человека не приходится говорить. Имелись и гиперболизированные, религиозно окрашенные варианты культивирования самообладания. Так, Шакия Муни Гаутама якобы говорил: «Тот, кто рассердится, когда разбойники и убийцы начнут распиливать одного за другим, тот живет не согласно моему учению» (цит. по кн.: 124, с. 86). Но были и скептически настроенные по отношению к идее самообладания мыслители. «Невозмутимость мудрецов, — пишет Ларошфуко, — это всего лишь умение скрывать свои чувства в глубине сердца» (107, с. 35). Эта мысль лишняя раз подчеркивает исключительную трудность и сложность процессов сознательного самоуправления и саморегуляции человека.

Главным же в структуре человеческого самообладания всегда было принято считать управление своими мотивационными и эмоциональными тенденциями, регуляцию их. Обуздание желаний и страстей всегда рассматривалось как одна из важнейших задач, стоящих перед каждым человеком. Идти на поводу своих желаний и страстей или управлять ими — вокруг этой дихотомии велись многочисленные дискуссии, давались практические рекомендации по осуществлению мотивационной саморегуляции. «Нет большего несчастья, чем незнание границы своей страсти» (106, с. 140); «Нет высшей власти, чем власть над собой, над своими страстями, чем

победа над их своеволием» (70, с. 6) — таковы характерные высказывания мыслителей по этому поводу.

Умение совладать со своими мотивационными тенденциями и эмоциями рассматривается не только с точки зрения практических жизненных нужд и философских принципов. О владении своим настроением и чувствами говорится и как о важном атрибуте светскости (200, с. 195). В этом вопросе особо крайнюю, абсолютистскую позицию занимал буддизм. В нем любое желание рассматривается как основная причина человеческого страдания, и освобождение от страданий считается возможным только путем избавления от всякого рода желаний. Однако примечательно, что «безжеланное» состояние сознания достигается посредством его желания. Достигнув же этого состояния, адепт отрекается и от своего последнего желания.

В то же время раздаются и сомневающиеся в возможности умиротворения страстей и обуздания желаний голоса. Так, Ларошфуко отмечал: «Долговечность наших страстей не более зависит от нас, чем долговечность жизни» (107, с. 33). Но все же было и есть достаточно примеров и оснований для того, чтобы убедиться в возможности достижения высокой степени мотивационной саморегуляции в жизнедеятельности личности.

Если кроме ума, знаний и жизненного опыта хорошая саморегуляция помогает обрести мудрое отношение к жизни, то еще в большей степени сформированность такого отношения открывает возможность для соответствующей мотивационной саморегуляции человека. Прежде чем мы остановимся на некоторых принципах подобного отношения к жизни, уясним вопрос о том, что это может дать для современной психологии.

«Все люди хотят обладать мудростью, но не знают, каким образом можно ее приобрести», — говорится в одной из древних книг (72, с. 25). Действительно, можно ли усвоить чужую мудрость, или же человек обретает мудрость в процессе постижения собственного жизненного опыта? Не останутся ли полученные знания о мудрости абстрактными, далекими от реальной жизни.

Еще в древности имелись две противоположные точки зрения относительно этих вопросов. Секст Эмпирик, например, отрицал возможность обучения мудрости, полагая, что «неразумный, не имеющий никакой мудрости» «услышит только слова, но не познает того, о чем в этих словах говорится» (170, с. 48). Обратное мнение высказывал Платон. Говоря о семи мудрецах Древней Греции, он отмечает, что «всякий может усвоить их мудрость, раз она такова, что выражена каждым из них в кратких и достойных изречениях» (154, с. 230). В восточном литературном памятнике «Кабус-намэ» также пишется, что «при помощи мудрых изречений можно научиться разуму» (87, с. 260). Однако, как известно, существует немало мудрых изречений, наставлений и пословиц. Но не все, знакомые с ними, мудры на практике. В чем же дело?

«Но дело не в том, что высказанные истины остались неслы-

шанными,— пишет об этом В. Н. Шердаков.— Те, кто услышал и воспринял эти мысли, большей частью не могли все же построить жизнь согласно своему разумению. Более того, редко кто из мудрецов, высказавших глубочайшие истины, оставался всегда в жизни на их высоте. Мешал не только недостаток воли, мешали не только человеческие слабости, но мешало и нечто более глубокое, лежащее в основе человеческой натуры» (206, с. 45). Вероятно, здесь предполагается, что мудрые изречения по своему существу являются идеалами, и лишь в качестве таковых призваны выполнять морально-регуляторную функцию в поведении людей. По-видимому, дело еще заключается в том, что воплощенные в мудрых высказываниях истины, касающиеся практической жизнедеятельности людей, не будучи пережитыми индивидом, не превращаются для него в действительное жизненное руководство.

Алгоритмов мудрости нет и быть не может. Поэтому поиск готовых образцов, схем мудрого поведения не только безнадежен, но и тормозит творческое развитие личности. По нашему мнению, куда большую практическую пользу, в том числе и в плане мотивационной саморегуляции, может принести уяснение принципов или эвристик мудрого отношения к жизни. Эти принципы не ограничивают возможности личностного развития и самореализации человека, они способствуют тому, чтобы индивид по-настоящему стал субъектом своей жизнедеятельности.

В настоящее время получило распространение множество алгоритмизированных методик психологического тренинга и коррекции. Сейчас, когда в нашей стране развивается сеть психологических консультаций, необходимо разрабатывать и эвристические методики психологической помощи. Анализ автором соответствующего исторического, философского, литературного и психологического материала, высказываний мыслителей и поступков людей, пословиц, различных случаев разрешения критических жизненных ситуаций, а также собственный опыт в качестве психолога-консультанта позволяет говорить о следующих принципах мудрого отношения к жизни, которые помогают и лучше организовать процессы мотивационной саморегуляции личности.

Умение отличать главное от второстепенного. Данный принцип, превратившись в устойчивое свойство или отношение личности, способствует формированию четкой и ясной мотивационной линии поведения во всех жизненных ситуациях. Принцип выбора наиболее значимых и исключения несущественных мотивов и побуждений, став сознательной эвристикой личности, приносит большой эффект в разрешении различного рода мотивационных кризисов. Несмотря на достаточную известность и очевидную полезность подобной мысли, работу этого принципа мы чаще всего можем наблюдать лишь на интуитивном, имплицитном уровне. Опыт показывает, что сознательная экспликация этого принципа во многом способствует действительной дифференциации главных и незначимых мотивационных тенденций личности.

Внутреннее спокойствие. Этот, один из самых кардинальных принципов мудрого отношения к жизни, отмечаемых во все времена и среди всех культур, представляет особый интерес с точки зрения проблем мотивационной саморегуляции личности. Внутреннее спокойствие вовсе не исключает энергичность и активность человека. Наоборот, будучи внутренне спокойным, человек способен стать еще более деятельным, чутко откликающимся на различные события и проблемы, не терять самообладания даже в самые трудные и критические моменты.

Смысл бытового выражения «смотреть по философски» во многом означает спокойный взгляд на сложные предметы и явления. Внутреннее спокойствие — это условие сохранения определенной структуры мотивационной сферы человека, иерархии мотивов личности, это ясность ума и четкость поведения, это «иммунитет» от ситуационных «помех», от провоцирующих раздражителей, это психологическая основа существования всякой мудрой позиции. «Гасить» одни побуждения и перегруппировать другие лучше всего удается в состоянии внутреннего спокойствия. Внутреннее спокойствие создает оптимальную психологическую раскованность, велико его значение и для обеспечения психологического здоровья личности. Одним словом, внутреннее спокойствие — это позитивное начало психологической организации личности, повышающее регулятивные возможности субъекта.

Эмоциональная зрелость и устойчивость. Мудрость предполагает гармонические отношения между рассудком, волей и чувствами человека. Эмоции выступают и как определенный фон развертывания мотивации, и как важные мотивационные факторы. Нельзя не согласиться с замечанием И. И. Чесноковой: «Саморегулирование зависит не только от приобретенного опыта личности, но и от эмоционального ее состояния» (199, с. 126). Можно предположить, что хорошая мотивационная саморегуляция может иметь место только тогда, когда человек достигает оптимального уровня эмоциональной независимости своей мотивации. Некоторые экспериментальные данные свидетельствуют о том, что у разных людей величина этого уровня бывает различной. Одним словом, для управления и регуляции своих побуждений и мотивов человеку важно позаботиться о соответствующем эмоциональном настрое.

Знание меры воздействия на события. Каждая складывающаяся ситуация, событие имеет свою объективную причину, внутреннюю логику развертывания. Как указывает К. А. Абульханова-Славская, минимальная или максимальная активность личности, проявленная за пределами логического периода событий, требующего максимальной активности, объективных последствий не имеет (9, с. 22—23). Далее она продолжает: «Если объективное состояние обстоятельств требует вмешательства личности, то достаточно минимальной активности, чтобы изменить его в желательном направлении».

События могут в данный момент не зависеть от вмешательства

ва человека. Поэтому даже максимум активности, проявленной в этот момент, реально ничего не меняет» (9, с. 23). Понять объективный ход событий и уметь соответствующим образом вмешиваться в них может человек только с большой мудростью.

Мера воздействия на события опосредуется мерой воздействия на собственную мотивационную сферу. Усиление или сдерживание своей мотивации в зависимости от логического хода событий делает мотивационную саморегуляцию личности адекватной и эффективной. Это является также условием адекватного взаимодействия с событиями и явлениями внешнего мира.

Умение подходить к проблеме с разных точек зрения. Порой вещь, явление, проблема получают совершенно разное толкование в зависимости от того, с каких позиций судят о них. Мудрость предполагает практическое владение диалектикой полярностей, общего, единичного и особенного, части и целого. Человек по-иному может взглянуть на многие вещи, разрешить некоторые свои проблемы, когда он сознательно стремится выделить различные стороны предмета своих раздумий. Так, человеку полезно подумать о своей жизни и смерти как со стороны своей индивидуальности, уникальности, неповторимости, исключительности, так и со стороны родовой, общечеловеческой, социальной и т. д.

Стремление избежать односторонности рассуждений не означает потерю собственной позиции. Любая позиция личности только выиграет от анализа явлений с разных точек зрения. Реализация рассматриваемой эвристики связана с умением человека противопоставлять, соединять и разводить различные по общности мотивационные тенденции, понимать соотношения отдельного мотива с системой мотивов. Все это ведет, особенно в состоянии «кризиса принятия мотива», к уяснению наиболее значимых, основных для личности мотивационных образований.

Готовность к любым неожиданным событиям идентична отсутствию для человека каких бы то ни было неожиданностей. Такое отношение вырабатывает способность быстрой перестройки мотивационных тенденций, актуализации соответствующих данной ситуации мотивов и побуждений. Однако гибкость, мгновенное и правильное реагирование на внешние изменения должны сочетаться и со способностью сохранять основную структуру своей мотивационной сферы.

Восприятие действительности такой, какая она есть, а не такой, какой человек хотел бы ее видеть. Этот принцип тесно связан с принципом, рассмотренным выше. Выработка соответствующего отношения к жизни заслоняет доминирование механизмов когнитивного диссонанса в мотивационной сфере личности. Умение видеть и во всем воспринимать действительность такой, какая она есть, находить в ней желательные, позитивные и требующие улучшения стороны ограничивает подверженность человека защитным психологическим механизмам — вытеснению, отрицанию, узкому соотношению побуждений и мотивов, то есть искаженному восприятию

жизни, открывает возможности для активного смыслового разрешения проблем мотивационной саморегуляции личности.

Стремление к выходу за рамки проблемной ситуации. В ситуациях субъективных затруднений соотнесение мотивов и побуждений только в изначально заданных рамках усиливает трудноразрешимые мотивационные конфликты. Постоянное желание расширять свои отношения с миром, поиск новых, более содержательных мотивов жизнедеятельности помогает выработать своеобразное отношение ко всем субъективным и объективным проблемным ситуациям. Эвристика включения жизненной проблемы (например, проблемы принятия или отвержения определенных побуждений в качестве мотивов поведения и деятельности) в более широкие контексты в принципе означает открытие в ней новых связей, скрытых отношений и возможность разрешения.

Наблюдательность. Мудрое отношение к жизни предполагает хорошую наблюдательность не только за окружающей действительностью, но и за самим собой. Многие ненужные, нецелесообразные реакции, мысли и действия сами собой отпадут, если человек сможет беспристрастно наблюдать за собой, объективировать себя. Так же и объективация мотивационных процессов и состояний — важное условие саморегуляции личности. Когда человек приучает себя к оценке своих мотивационных образований как бы со стороны, ему гораздо легче управлять ими и регулировать их. Наблюдательность превращается в особо ценное свойство для саморегуляции в различных острых, критических ситуациях.

Дальновидность. Этот принцип, понимаемый здесь в самом широком плане, означает и способность усмотреть диалектику возможного и действительного в сфере мотивации, регулировать не только актуальные, но и потенциальные аспекты своей мотивации. Эвристический принцип дальновидности, в аспекте рассматриваемых нами проблем, побуждает человека отбрасывать бесперспективные с точки зрения своих возможностей линии мотивации, перекрывает формирование и развитие конфликтогенных мотивов. Сознательное стремление видеть перспективу помогает и заметить тенденции в своей мотивационной сфере, которые через определенное время станут главенствующими.

Стремление понять других. Мудрое отношение к другим людям начинается не с их осуждения, а со стремления понять их. Это, конечно, не означает примирение с негативными поступками и помыслами других людей. Только понимание открывает адекватный путь противостояния негативным явлениям.

Определенные недоразумения, искаженное восприятие мотивов и побуждений другого человека часто происходят из-за того, что некоторые люди сознательно никогда и не пытаются поставить себя на место других. Но социальные условия жизни людей таковы, что в их мотивационное «поле» определенным образом входят мотивационные образования значимых для них людей. Зачастую регуляция своей мотивации опосредуется регуляцией мотивации

другого человека. Поэтому выработка в себе способности на время «исключить» свои мотивы, «принять» мотивы других людей, встать на различные, даже взаимоисключающие точки зрения играет позитивную роль в регуляции своих мотивационных процессов и состояний.

Умение извлекать позитивный опыт из всего происходящего. При мудром отношении человека к жизни каждый предыдущий отрезок его жизнедеятельности служит последующим отрезкам, то есть никакой жизненный опыт не проходит даром, в том числе и неизбежные ошибки и неудачи. Но если человек способен извлекать максимально полезные выводы даже из неудач и ошибок, то степень неудачности и ошибочности случившегося сводится к минимуму. Владение этой эвристикой означает и выполнение определенной интегративной работы в области мотивации, в результате чего какие-то, оказавшиеся побочными мотивационные тенденции, включаются в общую мотивационную направленность личности, а заблокированные мотивы находят свое продолжение в других мотивах, в структуре иных функциональных систем мотивов человека.

Итак, мы вкратце рассмотрели некоторые принципы, или эвристики, адекватного или мудрого отношения к жизни, с помощью которых человек может лучше организовать и осуществлять процессы мотивационной саморегуляции. Конечно, подобные принципы не кончаются перечисленными нами. Можно еще отметить такие эвристики, как стремление к ясности (способствует объективации различных псевдомотивов и освобождению от них), открытость к миру (помогает формированию проприативных, а не персеверативных систем мотивов), неболтливость (сдерживает некоторые ненужные мотивационные тенденции), нераздражительность (сохраняет от того, чтобы мелкие ситуационные помехи, побуждения и стимулы превратились в неадекватные личностные мотивы, препятствующие нормальной жизнедеятельности человека) и др.

Подытоживая сказанное, еще раз подчеркнем, что выработка в человеке отмеченных принципов одновременно означает и совершенствование механизмов его мотивационной саморегуляции, и наоборот, умение проводить соответствующую саморегуляцию будет способствовать формированию мудрого отношения к жизни.

Конечно, рассмотренными моментами не исчерпываются характерные принципы мудрого отношения к жизни. Мы не акцентировали свое внимание на принципах, которые преимущественно связаны с организацией мыслительных процессов, не коснулись вопроса об участии знаний и жизненного опыта в конкретных проявлениях мудрого отношения к жизни. Большая и существенная сфера проблем жизненной мудрости, также не охваченная нами, — это практическое овладение законами и категориями материалистической диалектики — законами единства и борьбы противоположностей, отрицания отрицания, перехода количественных изменений в качественные, категориями сущности и явления, причины и следствия, необходимости и случайности, формы и содержания и др.

Таким образом, начиная с историко-философского обзора, который был необходим для постановки вопроса, мы затем пришли к собственно психологическим, мотивационным проблемам осуществления мудрости. Надо сказать, что проблема мудрости ни в коей мере не заменяет и не может заменить такие актуальные проблемы воспитания нового человека, как проблемы всестороннего и гармонического развития личности, но дополняет их. Интерес к проблеме мудрости обусловлен несомненной значимостью этого феномена для адекватного развития и самореализации человека в жизнедеятельности, для проведения по возможности безошибочной жизненной стратегии личности; потребностями в новых принципах и подходах к психологической коррекции.

Противопоставляя, как это делал А. Бергсон, *Homo sapiens* (человека разумного) *Homo faber* (человеку трудящемуся), Г. Селье отмечает: «Отличительная черта человека — не мудрость, а постоянное стремление трудиться над улучшением своего окружения и себя» (171, с. 73). Но эти два момента вовсе не обязательно противопоставлять друг другу. Наоборот, степень обладания мудростью во многом предопределяет не только наличие «постоянного стремления трудиться над улучшением своего окружения и себя», но и качественную сторону этого процесса.

Личность и ее мотивация

Даже простое наблюдение показывает, что одни люди очень хорошо управляют своими мотивационными тенденциями, успешно осуществляют реализацию намеченных целей, а другие справляются со своими многочисленными и хаотичными побуждениями плохо, у них немало псевдомотивов, которые практически невозможно реализовать в поведении и деятельности. Встречаются люди, в жизнедеятельности которых все подчинено доминирующим личностным мотивам, и люди, склонные к разнонаправленной ситуационной и импульсивной мотивации. Некоторые вырабатывают определенные алгоритмические способы организации мотивационных процессов, другие же полагаются на спонтанное протекание этих процессов. Есть личности, для которых в трудные минуты характерно непосредственное обращение к своим мотивам и побуждениям, и личности, для которых более свойственно опосредованное (например, посредством организации условий деятельности) воздействие на мотивационные переменные. Не все люди одинаково успешно могут дать необходимую динамичность своей мотивации для адекватного осуществления той или иной деятельности. Одним словом, имеются основания говорить об определенных индивидуальных и типологических особенностях мотивационной регуляции у различных людей. И, по-видимому, разные типы мотивационной саморегуляции эффективны и адекватны в соответствии со складом личности, образом жизни и родом деятельности человека.

Какие факторы определяют те или иные индивидуальные раз-

другого человека. Поэтому выработка в себе способности на время «исключить» свои мотивы, «принять» мотивы других людей, встать на различные, даже взаимоисключающие точки зрения играет позитивную роль в регуляции своих мотивационных процессов и состояний.

Умение извлекать позитивный опыт из всего происходящего. При мудром отношении человека к жизни каждый предыдущий отрезок его жизнедеятельности служит последующим отрезкам, то есть никакой жизненный опыт не проходит даром, в том числе и неизбежные ошибки и неудачи. Но если человек способен извлекать максимально полезные выводы даже из неудач и ошибок, то степень неудачности и ошибочности случившегося сводится к минимуму. Владение этой эвристикой означает и выполнение определенной интегративной работы в области мотивации, в результате чего какие-то, оказавшиеся побочными мотивационные тенденции, включаются в общую мотивационную направленность личности, а заблокированные мотивы находят свое продолжение в других мотивах, в структуре иных функциональных систем мотивов человека.

Итак, мы вкратце рассмотрели некоторые принципы, или эвристики, адекватного или мудрого отношения к жизни, с помощью которых человек может лучше организовать и осуществлять процессы мотивационной саморегуляции. Конечно, подобные принципы не кончаются перечисленными нами. Можно еще отметить такие эвристики, как стремление к ясности (способствует объективации различных псевдомотивов и освобождению от них), открытость к миру (помогает формированию проприативных, а не персеверативных систем мотивов), неболтливость (сдерживает некоторые ненужные мотивационные тенденции), нераздражительность (сохраняет от того, чтобы мелкие ситуационные помехи, побуждения и стимулы превратились в неадекватные личностные мотивы, препятствующие нормальной жизнедеятельности человека) и др.

Подытоживая сказанное, еще раз подчеркнем, что выработка в человеке отмеченных принципов одновременно означает и совершенствование механизмов его мотивационной саморегуляции, и наоборот, умение проводить соответствующую саморегуляцию будет способствовать формированию мудрого отношения к жизни.

Конечно, рассмотренными моментами не исчерпываются характерные принципы мудрого отношения к жизни. Мы не акцентировали свое внимание на принципах, которые преимущественно связаны с организацией мыслительных процессов, не коснулись вопроса об участии знаний и жизненного опыта в конкретных проявлениях мудрого отношения к жизни. Большая и существенная сфера проблем жизненной мудрости, также не охваченная нами, — это практическое овладение законами и категориями материалистической диалектики — законами единства и борьбы противоположностей, отрицания отрицания, перехода количественных изменений в качественные, категориями сущности и явления, причины и следствия, необходимости и случайности, формы и содержания и др.

Таким образом, начиная с историко-философского обзора, который был необходим для постановки вопроса, мы затем пришли к собственно психологическим, мотивационным проблемам осущестления мудрости. Надо сказать, что проблема мудрости ни в коей мере не заменяет и не может заменить такие актуальные проблемы воспитания нового человека, как проблемы всестороннего и гармонического развития личности, но дополняет их. Интерес к проблеме мудрости обусловлен несомненной значимостью этого феномена для адекватного развития и самореализации человека в жизнедеятельности, для проведения по возможности безошибочной жизненной стратегии личности; потребностями в новых принципах и подходах к психологической коррекции.

Противопоставляя, как это делал А. Бергсон, *Homo sapiens* (человека разумного) *Homo faber* (человеку трудящемуся), Г. Селье отмечает: «Отличительная черта человека — не мудрость, а постоянное стремление трудиться над улучшением своего окружения и себя» (171, с. 73). Но эти два момента вовсе не обязательно противопоставлять друг другу. Наоборот, степень обладания мудростью во многом предопределяет не только наличие «постоянного стремления трудиться над улучшением своего окружения и себя», но и качественную сторону этого процесса.

Личность и ее мотивация

Даже простое наблюдение показывает, что одни люди очень хорошо управляют своими мотивационными тенденциями, успешно осуществляют реализацию намеченных целей, а другие справляются со своими многочисленными и хаотичными побуждениями плохо, у них немало псевдомотивов, которые практически невозможно реализовать в поведении и деятельности. Встречаются люди, в жизнедеятельности которых все подчинено доминирующим личностным мотивам, и люди, склонные к разнонаправленной ситуационной и импульсивной мотивации. Некоторые вырабатывают определенные алгоритмические способы организации мотивационных процессов, другие же полагаются на спонтанное протекание этих процессов. Есть личности, для которых в трудные минуты характерно непосредственное обращение к своим мотивам и побуждениям, и личности, для которых более свойственно опосредованное (например, посредством организации условий деятельности) воздействие на мотивационные переменные. Не все люди одинаково успешно могут дать необходимую динамичность своей мотивации для адекватного осуществления той или иной деятельности. Одним словом, имеются основания говорить об определенных индивидуальных и типологических особенностях мотивационной регуляции у различных людей. И, по-видимому, разные типы мотивационной саморегуляции эффективны и адекватны в соответствии со складом личности, образом жизни и родом деятельности человека.

Какие факторы определяют те или иные индивидуальные раз-

личия в процессах мотивационной саморегуляции людей? Как нам представляется, в психологическом плане можно говорить по меньшей мере о 4-х группах таких факторов, каждый из которых может быть свойствен человеку в разной степени. Первую группу составляют факторы, характеризующие определенные свойства личностной мотивации и влияющие на протекание процессов саморегуляции человека. Вторая группа факторов характеризует условия или причины, из-за которых человеку необходимо отрегулировать свою мотивацию. Третья группа факторов характеризует те или иные способы, которые человек выбирает для мотивационной саморегуляции. Четвертая группа факторов характеризует результаты, то есть эффект этой саморегуляции. Ниже мы приведем опыт описания выраженности (+) или отсутствия (—) различных факторов, которое использовалось нами при составлении одного из вариантов методики изучения мотивационной саморегуляции личности (МИМС). В данном случае в качестве **свойств личностной мотивации** были взяты следующие факторы: 1. Сила (интенсивность, динамичность); 2. Осознанность мотивационных тенденций; 3. Смысловая насыщенность; 4. Интегрированность и иерархичность мотивационных тенденций; 5. Реалистичность; 6. Эмоциональная устойчивость; 7. Ситуационная независимость. **Условия мотивационной саморегуляции** составляли такие факторы: 8. Депривированность потребностей (малоосознаваемая) (вариант модификации «кризиса осознания побуждений»); 9. «Кризис принятия мотивов»; 10. «Кризис реализации мотивов». В качестве **способов мотивационной саморегуляции** выступили следующие факторы: 11. Внешне-опосредованная регуляция; 12. Активная смысловая регуляция; 13. Резервная мотивация; 14. Защитные механизмы (пассивная смысловая регуляция). **Результаты (эффект) мотивационной саморегуляции** состояли из таких факторов: 15. Слияние личности с мотивами; 16. Отчуждение личностью мотивов.

Для описания выраженности или невыраженности каждого из отмеченных факторов составляются отдельные карточки — так, как будто даются характеристики различных людей. Нумерации карточек соответствуют порядку их раскладки.

(+)

(Сила мотивации)

1

Очень энергично принимается за свои дела; отличается силой своих желаний и остротой их переживания; бывает пылким (пылкой) и неудержимым (неудержимой).

17

Обычно сдержан(а) в своих желаниях и не отдается весь (вся) какому-то занятию; нередко «уговаривает» себя более энергично взяться за свои дела; почти не испытывает сильных побуждений, стремлений.

(—)

(Осознанность мотивационных тенденций)

2

Знает все свои как хорошие, так и дурные привычки и влечения; осознает, куда направлены его (ее) действительные интересы; точно может предвидеть, насколько долговечны его (ее) различные желания и стремления.

18

Не вполне осознает свои истинные потребности и склонности; может не до конца понимать свои жизненные планы и стремления; не совсем разбирается в противоречивости собственных желаний.

(Смысловая насыщенность мотивации)

3

Ведет насыщенную жизнь и поэтому редко испытывает скуку; очень переживает, если не может заниматься своими делами; имеет цели, придающие смысл его (ее) жизни.

19

Часто занимается бессмысленными для себя вещами; в свободные часы не столько наслаждается досугом, сколько убивает время; многие свои интересы и желания воспринимает как малозначимые.

(Интегрированность и иерархичность мотивационных тенденций)

4

Знает, что в жизни для него (нее) главное, а что второстепенное; хорошо согласовывает различные области своей жизнедеятельности (работа, семья, досуг и другие); имеет устойчивые и тесно переплетенные интересы.

20

Испытывает разобщенность своих жизненных планов и стремлений; не может ощутить цельность своих различных интересов и наклонностей; постоянно находится в плену разнонаправленных побуждений и желаний.

(Реалистичность мотивации)

5

В своих начинаниях всегда исходит из своих реальных способностей; четко представляет, каким способом следует добиваться поставленных целей; в поведении мало расходится со своими истинными намерениями.

21

Часто чувствует недостаточную реалистичность своих планов; нередко наталкивается на непредвиденные им (ею) обстоятельства; не может осуществить многие свои задумки из-за своей непрактичности, робости или нетерпеливости.

(Эмоциональная устойчивость мотивации)

6

Неизменен (неизменна) в своих планах и в хорошем, и в плохом состоянии духа; из-за тревожности или раздражительности не меняет свои установки и намерения; не будет уклоняться от поставленных целей под воздействием каких-либо эмоциональных переживаний.

(Ситуационная независимость мотивации)

7

В повседневном поведении ощущает большое влияние своих дальних целей; прежде чем взяться за определенное дело, всегда старается соотнести свои побуждения с ранее намеченными планами; по существу, больше заботится о будущем, чем живет настоящим.

(Депривированность потребностей (малоосознаваемая))

8

Чувствует, что в жизни ему (ей) чего-то важного не хватает; ощущает смутную неудовлетворенность своим состоянием; ведет жизнь, скорее всего не совсем отвечающую его (ее) действительным потребностям и интересам.

(Кризис принятия мотивов)

9

Многие свои побуждения не может ни принять всей душой, ни отвергнуть полностью; подчас сильно переживает из-за того, что никак не удастся определить, чего же он (она) хочет; зачастую очень мучается перед необходимостью выбора решений.

22

Часто изменяет свои намерения и планы в зависимости от настроения; своей мечтательностью или вспыльчивостью определяет характер многих своих желаний; поведение и деятельность сильно зависят от его (ее) душевных волнений.

23

Обычно в своем поведении ориентирован(а) лишь на непосредственную ситуацию, в которой он(а) оказывается; в новой обстановке зачастую отвлекается от своих предыдущих намерений; нередко принимает решение под влиянием момента.

24

В жизни вполне находит применение своим способностям; в достаточной степени удовлетворяет свои основные потребности и влечения; не нуждается в чем-то неопределенном и не стремится к нему.

25

Обычно легко согласовывает свои различные планы и интересы; не терзает себя сомнениями относительно правильности принимаемых им (ею) решений по тем или иным вопросам; не переживает, когда порой испытывает неопределенность намерений.

(Кризис реализации мотивов)

10

Очень близко принимает к сердцу всякое расстройство своих задумок; как правило, с трудом отвлекает или утешает себя, если обнаруживает, что желанная цель упущена; может даже снизить интерес к жизни, когда ему (ей) не удастся добиться нужного результата в очень важном для себя деле.

11

В состоянии озабоченности не станет заниматься самоанализом и самоубеждением, а предпочитает отвлечь себя конкретными занятиями; нуждается в перемене обстановки, когда он(а) испытывает огорчение; при тяжести на душе скорее ищет общения с людьми, чем ощущает потребность самому (самой) тщательно разобраться в своих чувствах.

12

Чем глубже и основательнее пытается соотнести свои цели и намерения, тем лучше вырабатывает нужную стратегию жизни; при жизненных трудностях специально старается шире, с новых позиций взглянуть на свои желания и побуждения; всегда ищет такие отношения с миром, при которых он (а) смог (ла) бы более правильно осмыслить свои жизненные стремления.

26

Спокойно относится к тому, что не все его (ее) замыслы воплощаются в жизнь; особо не переживает, когда его (ее) действия не вполне совпадают с его (ее) намерениями; не падает духом, даже если рушатся его (ее) планы и мечты.

27

От самоутешения успокаивается больше, чем от поддержки других людей; для улучшения настроения и упорядочения побуждений скорее углубится в себя, чем найдет нужным переменить обстановку; обычно старается отвлечься от всех дел и как следует поразмыслить над своими проблемами.

28

Полагает, что глубокие размышления о мире и о себе не способны разрешить реальных жизненных проблем; считает, что активное и широкое осмысление жизненных задач и своего места в мире лишь еще больше запутывает человека; пытается уйти от неприятных для себя мыслей и чувств, поскольку они ему (ей) не облегчают жизнь.

(Резервная мотивация)

13

Планируя свое будущее, обычно учитывает различные варианты собственного поведения на случай неудачи; без особого труда может переключиться на другое занятие, когда у него (нее) срывается какое-нибудь дело; способен (способна) пробудить в себе дополнительные силы и желания, если необходимо выполнить нужное, но не очень привлекательное дело.

29

С большим трудом меняет свои первоначальные намерения; с такими усилиями перестраивает свои планы, что порой приходит в отчаяние; испытывает значительные трудности, когда ему (ей) необходимо заняться чем-то непредвиденным.

(Защитные механизмы)

14

Порой совершенно забывает о том, что его (ее) весьма тревожило; с большим трудом воспринимает неугодные ему (ей) вещи; всегда находит необходимые для себя доводы в пользу дела, которым он (а) хотел (а) бы заняться.

28

Всегда помнит о своих неприятностях, мучается угрызениями совести; рассуждениями не в силах помочь себе менее остро переживать свои проблемы; не позволяет себе пофантазировать и вообразить себя более удачливым в своих делах человеком.

(Слияние личности с мотивами)

15

Способен (способна) увлечь себя своими намерениями; обычно все делает с большим интересом; бывает настолько захвачен (а) нравящимся ему (ей) занятием, что забывает обо всем остальном.

31

Часто сомневается в необходимости совершать те или иные дела; даже приняв важное решение, склонен (склонна) вновь и вновь обдумывать его; порой чувствует как бы некоторую разобщенность между собой и своими целями.

(Отчуждение личностью мотивов)

16

При желании всегда отвлекает себя от мыслей, влечений и чувств, мешающих ему (ей); способен (способна) решительно отбросить свои сомнения в чем-либо; обычно больше не возвращается к тому, от чего отказывается.

32

Очень часто вспоминает свое прошлое, тоскует об утерянном; видит во сне то, о чем он (а) перестал(а) думать или старался (старалась) забыть; подолгу не может отвлечься от неприятных переживаний или навязчивых мыслей.

Подобное описание психологических феноменов в отдельных карточках, по сравнению с традиционными утверждениями опросных методик, обладает тем преимуществом, что позволяет испытуемым создать более или менее целостное представление об изучаемом явлении. Такие карточки, кроме того, удобны в обращении, ответы по ним легче обрабатывать. Испытуемые, пытаясь представить себе описанного человека, в бланке для ответов в семибалльных шкалах определяют: а) в какой степени их характер похож на данную характеристику и б) в какой степени они хотели бы иметь подобный тип характера. Поскольку на каждый фактор приходится по две карточки с противоположным содержанием, то по идее высокое значение, данное испытуемым по одному из этих карточек, должно соответствовать низкому значению противоположной карточки (это дает возможность проверки достоверности ответов испытуемого).

Получив количественные оценки по каждому из факторов, а затем и реальный, и идеальный профили мотивационной саморегуляции, мы тем самым определяем зоны расхождения между этими двумя профилями. Предполагается, что эти зоны являются зонами мотивационной конфликтности и возможного развития. Проводится и проекционная часть МИМС. В отличие от известных проекционных методик с помощью сюжетного изображения (ТАТ и другие), здесь изучается психологическая проекция личности, имеющая место в интерпретации человеческих характеров. Инструкция этой части МИМС может быть задана в соответствии с дополнительными целями исследования. Так, в пустых карточках испытуемые могут в одном или нескольких словах отметить возможные желания, влечения и черты характера описанного человека; или же, если им кажется, что между некоторыми предложениями приводимых характеристик имеются разногласия, написать более подходящий, на их взгляд, вариант одного из трех предложений карточки. В результате соединения обработанных соответствующим образом прямой и проекционной частей МИМС можно получить как формализованные (в виде графика, количественных показателей), так и содержательные данные по свойствам личностной мотивации, условиям, способам и результатам мотивационной саморегуляции личности.

Приведенные характеристики — лишь вариант, опыт карточного описания соответствующих показателей некоторых факторов мотивационной саморегуляции личности. Думается, подобный принцип построения методики имеет перспективы, поскольку в итоге методика будет иметь диагностическую (дифференциальная психодиагностика мотивационных факторов), прогностическую (имеющиеся данные говорят о том, что с развитием личности сдвиг по направлению к желаемому, идеальному значению фактора происходит по-разному у различных половозрастных групп) и коррекционную (коррекция отдельных факторов исходя из выраженности других показателей) ценности. Но для окончательного создания

МИМС, ее различных вариантов (более обширных, с включением кризисов «закрепления» и «актуализации» мотивационных образований, различных конкретных приемов психологической саморегуляции или фрагментарных, например, с акцентом на изучение взаимосвязей уровня блокировки этапов формирования мотива со степенью переживания тех или иных критических состояний) требуется еще довольно значительный объем исследований.

Если личность является субъектом регуляции мотивации, то объектами подобной регуляции выступают побуждения и мотивы, различные аспекты мотивации, разнообразные мотивационные процессы и состояния. Существование объекта и субъекта мотивационной регуляции обуславливает постановку вопроса об объективации личности своих мотивационных образований. В различных аспектах объективация может выступить и как свойство мотивации (объективированность как определенная функциональная сторона осознанности мотивационных тенденций), и как условие мотивационной саморегуляции, и как способ этой регуляции, и как результат регуляции личностью своих мотивационных образований. Другими словами, объективация как интегративное явление осознанной мотивационной саморегуляции присутствует во всех планах этого процесса.

Изучая проблему моральной саморегуляции человека, С. Г. Якобсон (215, с. 83) предлагает схему совмещения функций субъекта и объекта, приведенную на рисунке 1.

Применительно к рассматриваемой нами проблеме эту схему можно развить (рис. 2).

Конечно, эта схема может быть дополнена другими моментами, в том числе и различными звеньями возможного внешнего опосредования процесса мотивационной саморегуляции личности. Но для нас здесь важно подчеркнуть, как показано в схеме, что объективация тех или иных мотивационных явлений есть не просто их осознание, но известное их противопоставление как объективных явлений самой личности как субъекту. Объективация мотивационных образований необходима для того, чтобы субъект смог проделывать с ними определенные регулятивные действия (психологическое «манипулирование») с целью вновь их принять (но уже с новыми характеристиками) или отвергнуть.

Итак, человек может объективировать как себя в целом, так и свои мотивы и побуждения. Эффективная регуляция предполагает не только владение ее соответствующими приемами, но и достаточное знание объекта регуляции. Поэтому одно из первых условий направленной мотивационной саморегуляции личности — это мотивационное самоопределение субъекта (в состоянии психологических кризисов, например), объективация того, что подлежит регу-

ляции. Человеку трудно отрегулировать свои желания и стремления, когда они не совсем «отделены» от него.

Между тем значение объективации для эффективной мотивационной саморегуляции не всегда ясно понимается многими людьми. Они пытаются воздействовать на свою мотивационную сферу, не объективировав ее в достаточной степени. Причем мы не имеем в виду полное осознание человеком своих жизненных целей и мотивов жизнедеятельности. Практически это и невозможно. Мы

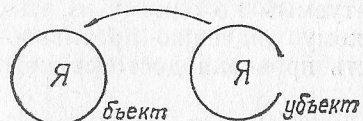

Рис. 1. Схема совмещения функций субъекта и объекта.

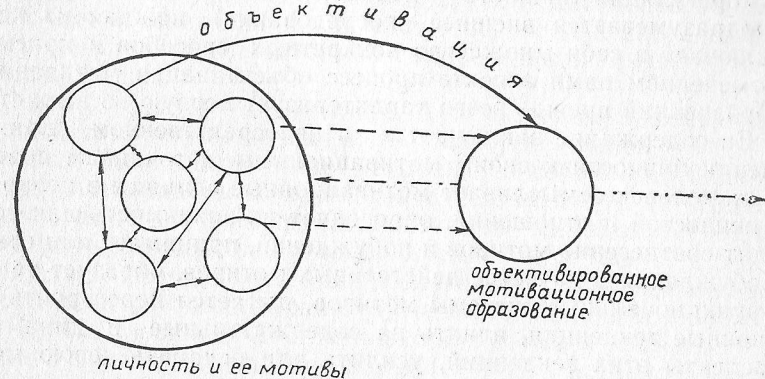

Рис. 2. Объективация личностью мотивационного образования:

- взаимосвязь мотивов личности;
- регуляция личностью мотивационного образования;
- ..... принятие мотива личностью;
- ..... отвержение мотива личностью.

подразумеваем объективацию наличного состояния мотивационной сферы личности, то есть прежде всего то, что субъект в состоянии объективировать. Наиболее высокий уровень объективации, способствующий осуществлению мотивационной саморегуляции, обеспечивается тогда, когда человек может «выйти за свои пределы», в своем воображении ясно представить свой образ, как бы со стороны посмотреть на всю свою жизнедеятельность. Кстати, достижение подобных состояний является целью некоторых древних и новых систем психической саморегуляции, например, второй и высшей ступени аутогенной тренировки (180), различных медитативных упражнений.

Большинство людей вырабатывает свой индивидуальный стиль и уровень мотивационной объективации. Многие из конкретных способов такой объективации основаны на умении человека наблюдать за собой, за своим внешним и внутренним миром, поведением. Полезной в этом плане оказывается реализация рассмотренных ранее принципов, опосредующих отношение человека к своей жизни. Для осуществления мотивационной объективации многое мо-

жет дать и анализ мотивационных основ конкретных поступков человека. Поскольку, как было показано выше, любое социальное поведение личности является результатом реализации не одного мотива, а по крайней мере их функциональной системы, обращение к конкретному поступку человека как к разрешению определенного мотивационного «узла» жизнедеятельности позволяет глубоко проникнуть в структурные особенности мотивационной сферы субъекта.

Если говорить о двух наиболее общих стратегиях мотивационной саморегуляции личности — непосредственной и опосредованной (подразумевается внешнее опосредование), каждая из которых включает в себя множество конкретных способов и приемов, то в отмеченном нами аспекте процесс объективации мотивационных образований прежде всего характеризует первую из этих стратегий. Ее содержание заключается в непосредственном, прямом обращении личности к своим мотивационным источникам поведения. Так, человек осмысливает мотивационные единицы в иерархии своих ценностей и отношений, определяет их значимость для себя, проводит соотношение мотивов и побуждений, принимает или отвергает побуждения в качестве действенных мотивов, образует те или иные функциональные системы мотивов, пытается перестроить мотивационные тенденции, влиять на содержательные и динамические аспекты этих тенденций, усилить или ослабить свою мотивацию.

Иная стратегия мотивационной саморегуляции личности заключается в том, что субъект здесь прямо не обращается к своим мотивам и побуждениям, но изменяет мотивационные процессы и состояния посредством задействования какого-нибудь внешнего звена — деятельности, действий, общения, перемены обстановки и т. д. Однако в своей реальной жизнедеятельности человек чаще всего пользуется смешанной стратегией мотивационной саморегуляции. Это может быть одновременное использование стратегий непосредственной и опосредованной регуляции либо их чередование. Очевидно, сочетание двух разных стратегий регуляции приносит больший эффект, чем только непосредственное или опосредованное регулирование личностью своей мотивации. Если, например, у человека сильно выражен внешне опосредованный способ мотивационной саморегуляции, а активная смысловая регуляция выражена слабо, или же наоборот, то он, как правило, может оказаться не совсем готовым к решению некоторого рода жизненных проблем.

Сочетанием различных стратегий саморегуляции пользуются и во многих системах психологического и психофизиологического тренинга. Например, при аутогенной тренировке, с одной стороны, состояние мышечной релаксации, равномерное дыхание, ощущение приятной тяжести и тепла в теле, душевного равновесия сами по себе способствуют снятию тревожных эмоциональных и собственно мотивационных симптомов, актуализируют благопри-

ятные для личности мотивы и побуждения. (В этой связи интересно отметить, что регуляция состояния мозга (мозговых ритмов) при дзен-терапии рассматривается как парадоксальный результат регуляции не мозговых, а других процессов (дыхания, состояния тела и других) (219)). С другой стороны, при аутогенной тренировке человек может и непосредственно обращаться к мотивационной сфере, прямым образом регулировать, корректировать свои мотивационные тенденции. Такое сочетание различных стратегий помогает достичь большого эффекта. Все это лишний раз подчеркивает целостность психофизиологической организации человека, возможность взаимочередования или взаимоперехода непосредственной и опосредованной мотивационной саморегуляции личности в самых разных планах.

Можно говорить и о различных конкретных приемах мотивационной саморегуляции личности, которые могут иметь место в рамках отмеченных выше четырех способов регуляции личностью мотивационных процессов и состояний. А. А. Кроник, например, выделяет «четыре относительно независимых принципа саморегуляции человеком своей мотивации к миру», которые он определяет как максимизацию полезности, минимизацию потребностей, минимизацию сложности, максимизацию способностей (102, с. 175). По словам А. А. Кроника, эти «формы и принципы саморегуляции представляют собой наиболее общие психологические способы усиления человеком своей мотивации к миру». (102, с. 175). Отмечаемые А. А. Кроником принципы являются действительно общими, собственно личностными способами или приемами мотивационной саморегуляции субъекта. Но сами психологические механизмы максимизации полезности и способностей, минимизации потребностей и сложности могут иметь место как на уровне активной смысловой, так и на уровне пассивной смысловой (защитной) деятельности. Все эти приемы также основаны на соотношении личностью своих мотивационных тенденций, образования и перегруппировки ею определенных функциональных систем мотивов.

Защитное действие одного из отмеченных приемов, например, минимизации сложности, можно показать на следующем примере. Человек никак не может решиться на сложную операцию. Как бы он ни старался максимизировать сведения о ее целесообразности, даже необходимости, свои способности к выдержке возможной боли и физической нагрузки, минимизировать свои соответствующие потребности и требования, у него ничего не получается. Но операцию делать надо. Тогда человек начинает минимизировать, сознательно или бессознательно упрощать сложности предстоящей операции. Таким образом, посредством этой защитной оценочной деятельности человеку удается достичь необходимой регуляции своей мотивации, необходимым образом подготовить себя к предстоящему событию.

В известном смысле всякая регуляция каких бы то ни было психических процессов и состояний одновременно является и регу-

лящей мотивации. Но мы касаемся вопроса мотивационной саморегуляции личности в узком, собственном значении этого слова. В этом плане указанные А. А. Кроником четыре способа усиления человеком своей мотивации к миру в своем негативном значении выступают и как четыре способа ослабления мотивации. Так, можно будет говорить о следующих способах или приемах ослабления человеком своей мотивации: минимизации полезности, максимизации потребности, максимизации сложности, минимизации способностей. Эти приемы саморегуляции могут помочь человеку в управлении желаниями и страстями. Но они же могут служить для самообмана и неадекватного самооправдания человека. Например, многие «старающиеся» бросать курение люди вместо максимизации минимизируют целесообразность желания бросить курить, вместо минимизации максимизируют свою потребность в курении, вместо минимизации максимизируют степень сложности бросания курения, вместо максимизации минимизируют свои способности и возможности в этом деле. Таким образом, в данном случае эти приемы мотивационной саморегуляции выполняют защитную функцию.

Усиление одной мотивационной тенденции личности вместе с тем ведет к ослаблению какой-либо другой ее тенденции, и наоборот. Это говорит о том, что мотивационная саморегуляция человека обладает двухмодальным значением, то есть возрастание положительной модальности одной линии мотивации связано с возрастанием отрицательной модальности противоположной линии мотивации. Это создает весьма широкий диапазон возможностей для коррекции человеком своей мотивации. Так, негативным образом воздействовать на какое-нибудь побуждение можно как путем ослабления одних, так и путем усиления других мотивационных образований. В зависимости от того, какая из тенденций или аспектов мотивации минимизируется или максимизируется, значение каждого из рассмотренных приемов может меняться. Например, такой способ усиления человеком своей мотивации, как максимизация полезности может оказаться и приемом ослабления мотивации. Это зависит от того, полезность чего максимизируется. К примеру, одно дело максимизация «полезности» курения, другое дело максимизация полезности некурения. Мотивация человека к курению усиливается или ослабляется в зависимости от того, полезность чего максимизируется.

Как уже было отмечено, психологическая объективация мотивационных образований предполагает их своеобразное отделение от структурных связей, от всей мотивационной «массы» и противопоставление этих образований целостной личности как субъекту регуляции. Это требуется для того, чтобы субъект мог производить в умственном плане необходимые психологические операции с объектами регуляции. Но после осуществления мотивационной регуляции, необходимой перестройки мотивационных тенденций потребность в такой психологической субъектно-объектной раздвоен-

ности личности со своими мотивационными образованиями отпадает. Более того, сохранение дуализма между личностью и мотивационным образованием будет препятствовать эффективной реализации этого образования в поведении и деятельности. Поэтому субъект старается или вновь слить воедино все компоненты своей мотивационной сферы или же удалить объективированный (ставший ненужным) компонент от актуально осознаваемой области своего мотивационно-смыслового поля.

Если, объективируя мотивационные образования, субъект как бы со стороны испытывает их, то психологическое слияние индивида с мотивом означает переживание этого мотива личностью изнутри. Более полным образом принятый, отождествленный с человеком, идентифицированный с его наиболее значимыми смысловыми образованиями мотив оказывается и более действенным. Допустим, в силу сложившихся обстоятельств у двух людей в равной степени объективировались одинаковые желания. После этого один из них настолько слился со своим желанием, что оно стало его внутренней сущностью. Другой же, хотя также принимает такое желание и начинает руководствоваться им, не может испытать полное слияние с ним, часто размышляет о соответствии ему своих данных, возможностей. Логично предположить, что первый из этих людей больше преуспеет в своем желании, чем второй.

Принятие непривлекательного побуждения и отвержение сильного желания не может быть не сопряжено с большими психологическими трудностями. Если первый случай означает привнесение чужеродного элемента в мотивационную сферу личности, то второй случай является как бы отсечением органического звена сложившейся психологической структуры человека.

Но необходимость совершения подобных психологических операций встает перед многими людьми. И различные индивиды с той или иной степенью успеха, избежания психологической травмы совмещают свободу и вынужденность, желание и долг. Конечно, наиболее оптимальный путь разрешения этих противоречий заключается в превращении «надо» в «хочу», долга в желание. Но, как известно, человеку не всегда удается осуществить эти процессы безболезненно.

Существует множество конкретных способов и приемов, с помощью которых человек добивается своего слияния с мотивационными образованиями или отчуждения от них. Мы уже рассмотрели ряд таких способов, связанных со смысловой идентификацией мотивационных образований, с механизмами (защитными) вытеснения и отрицания и другими. Некоторые психологические приемы связаны с усилением момента переживания личностью каких-нибудь мотивационных факторов. Это может быть почти механическое переживание какой-то необходимости, словесно оформленного побуждения типа метода Куэ в психотерапии (168, с. 245—246), где постоянное и многократное повторение того, что требуется, способствует вхождению этого требования в мотивационную сферу

личности в качестве определенного собственного желания. Либо может иметь место глубинное переживание типа катарсиса. Переживание внешнего побуждения способствует установлению эмоционально выраженных отношений этого побуждения с мотивами личности. Однако недостаток смысловой идентифицированности обуславливает небольшую устойчивость образованных на чисто эмоциональных отношениях мотивационных явлений.

Что касается непосредственных приемов отчуждения личностью мотива, то сам акт объективации выступает как первый шаг отдаления этого мотива от субъекта. Но при объективации мотив еще остается в пределах мотивационно-смыслового пространства личности. Можно отметить случаи его вытеснения в скрытые области (подсознание) этого пространства, защитного отрицания и вывода за пределы смыслового поля личности, активного смыслового «выдворения» из мотивационной сферы человека. Еще Диоген Лаэртский предлагал рассеять не являющимися необходимыми желания, «представив предмет желания трудно достижимым или вредоносным» (76, с. 440) (максимизация сложности и минимизация полезности). Однако такой способ отчуждения себя от своих мотивационных образований очень трудно осуществить со значимыми желаниями. Такие желания невозможно сразу и непосредственно вырвать из сферы мотивации личности, оттолкнуть от себя, даже если это очень нужно. Здесь наиболее грамотный психологический путь заключается в изменении места этого желания в иерархии мотивационных образований личности. Это создает более благоприятные условия для последующего окончательного отчуждения желания от человека.

Но подчас перестать переживать такие значимые желания, преодолеть какие-либо привязанности удастся лишь включив звено (или звенья) внешних опосредований, например, изменив весь образ своей жизни, условия жизнедеятельности, интенсивно переключившись на определенную отвлекающую деятельность. Таким деятельным способом или же путем специальных психологических упражнений человек может создать для себя свой новый образ, оставляя то или иное желание или привязанность со своим старым образом, «предыдущим «Я». В этом плане определенную пользу может принести и идентификация себя с литературными образами (имаготерапия по И. Е. Вольперту) (165, с. 242—245).

Характер мотивационной саморегуляции зависит и от оценки человеком непосредственно, актуально переживаемой ситуации. Дело в том, что иные ситуации не оставляют возможность личности для всестороннего и обстоятельного соотнесения возникших побуждений. Часто в таких острых ситуациях у человека сужается фокус сознания, и даже если он путем определенной ценностно-смысловой идентификации принимает ситуационное побуждение, сформированный мотив может оказаться недостаточно адекватным. Одним словом, острая ситуация часто выступает и как ситуация острого реагирования. При остром же реагировании человека на

ситуацию создаются условия для искаженного, одностороннего восприятия действительности, теряется значение и чувство меры воздействия на события.

Поэтому важнейшей задачей адекватной мотивационной саморегуляции личности является преобразование человеком ситуации острого реагирования (СОР) в ситуацию спокойного реагирования (ССР). Такое преобразование обуславливает ясность видения ситуации, сохраняет человека от ненужной раздражительности, нервозности. Оно благоприятно сказывается на мотивационной саморегуляции и тем, что дает возможность удержать сложившуюся структуру мотивационной сферы личности, имеющиеся функцио-

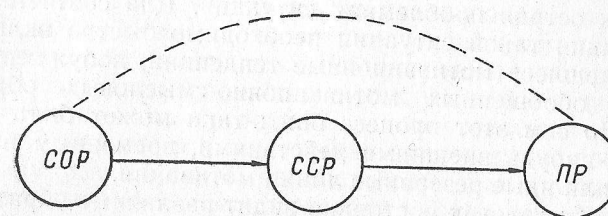

Рис. 3. Принятие решения (мотива) путем преобразования ситуации острого реагирования в ситуацию спокойного реагирования:

——— — момент преобразования;
----- — момент обратной связи.

нальные системы мотивов, способствует объективации необходимых мотивационных образований. В таких ситуациях человеческая мудрость и заключается в принятии решения (ПР) посредством отмеченного преобразования. Схематически данный процесс представлен на рисунке 3.

Какие же есть пути, психологические способы, обеспечивающие возможность преобразования СОР в ССР? Главные личностные факторы такого преобразования — это наличие у человека стремления к внутреннему спокойствию как к ценности, готовность к любым неожиданностям, желание оценить все жизненные ситуации с разных точек зрения, увидеть в них скрытые стороны. Но одни эти факторы часто оказываются недостаточными для практического преобразования СОР в ССР. Нужно обладать достаточно высоким уровнем ситуационной независимости личностной мотивации, ее эмоциональной устойчивостью, владеть конкретными психологическими приемами преобразования, позволяющими человеку выйти за пороги наличной проблемной ситуации. В частности, очень эффективными оказываются приемы мышечной релаксации и микросозерцания каких-либо внешних объектов. Эти приемы могут способствовать ослаблению психологической остроты наличной ситуации. Но мышечная релаксация (сбрасывание «закли-

мов», по выражению В. Леви (108)) более эффективна при снятии внутренне обусловленного напряжения, а микросозерцание (оставка взгляда на каких-то предмета окружающей обстановки и пристальное всматривание, «оживление» в них в течение даже очень короткого времени) приносит больший эффект при разрядке исходящего извне напряжения. Словом, для того, чтобы провоцирующие побуждения не оказались неадекватными и поведение происходило из психологически преобразованной ситуации, необходимо внести какие-то новые элементы в непосредственно воспринимаемую острую ситуацию, добиться как бы некоторой отстраненности от нее, то есть объективировать ее.

Нередко сама мотивационная саморегуляция встает перед человеком как острая проблемная ситуация. Для соответствующего преобразования такой ситуации необходимо быстро включить актуализировавшиеся мотивационные тенденции, побуждения в контекст более обобщенных мотивационно-смысловых образований личности. Но сам этот процесс опять-таки может быть опосредован какими-нибудь внешними действиями, временным переключением на те или иные резервные линии мотивации.

Вокруг себя человек постоянно видит различные образцы и случаи осуществления людьми психологической саморегуляции личности. Об одних случаях и процессах он судит по непосредственным признакам, о других — по признакам косвенным. Особенности культуры, воспитания, а также определенные ритуализированные стереотипы саморегуляции формируют соответствующие психологические механизмы коррекции человеком своих чувств и побуждений в обстоятельствах, требующих их регуляции. Обряды как опосредующее звено процесса психологической регуляции задают форму или модель внутренней и поведенческой регуляции субъекта, которые приняты в данной культуре, группе.

Моменты саморегуляции и групповой регуляции мотивационных феноменов тесно переплетены и взаимопереходят друг в друга. Некоторые механизмы или приемы внутренней саморегуляции могут быть пущены в ход только тогда, когда возникают соответствующие социальные или межличностные условия.

Так, по словам Н., она может расплакаться и облегчить душу лишь в том случае, когда ее муж находится в определенном настроении. Данное обстоятельство невольно подталкивает женщину, если она испытывает потребность в душевной саморегуляции, сначала каким-нибудь образом вызвать соответствующее настроение у мужа. Это, в свою очередь, предполагает актуализацию каких-то других мотивационных образований, совершение определенных действий и т. д.

В повседневной жизнедеятельности человека задействованы сложнейшие переплетенные социальные, личностные, психофизиологические и физиологические механизмы мотивационной регуляции. Однако вопрос о соотношении социальных и индивидуальных моментов в мотивационной саморегуляции личности еще не изучен.

В жизнедеятельности человека его сознанию присущи различные состояния — дремотное (сонливое), эйфорическое, медитационное, кризисное и т. д. Каждое из состояний сознания имеет свои особенности, мотивационную структуру. Так, в мотивационной сфере человека, пребывающего в фанатическом состоянии, всецело доминирует какой-то мотив, все остальные мотивы проявляются в той мере, в какой способствуют достижению поставленной цели. В повседневном же быту, при обычном (или обыденном) состоянии сознания мотивационная сфера человека более разобщена. Для каждодневного быта, с его многочисленными заботами, вовсе не требуется, чтобы мотивационная сфера человека была односторонне мобилизована.

Психологическое изучение различных состояний сознания (в том числе так называемых измененных состояний сознания) и их закономерностей только начинается. Обычно же люди интуитивно пытаются регулировать соответствие между своей мотивацией (МТ), общим состоянием сознания (СС) и поведенческими реакциями (ПР), поскольку все эти компоненты жизнедеятельности человека могут иметь относительную независимость. Для адекватной жизнедеятельности личности корректировка между состоянием сознания, мотивацией и поведенческими реакциями, то есть

$$CC = MT = PR$$

представляется необходимой. Например, человеку надо и хочется уснуть, но он никак не может этого достичь. Часто причиной является именно несоответствие между его общим состоянием сознания, мотивацией и поведенческими реакциями. Так, отход ко сну предполагает дремотное состояние сознания (СС), максимальное угасание мотивационной активности (предпочтительно даже не объективировать сам факт желания сна) (МТ) и мышечную релаксацию, определенную позу тела и другие соответствующие поведенческие реакции (ПР). Если нет такого соответствия между тремя отмеченными компонентами, либо даже один из компонентов неправильно представлен, то достижение человеком сна усложняется.

Итак, мы рассмотрели некоторые вопросы мотивационной саморегуляции в жизнедеятельности личности. Выбранная нами линия исследования с необходимостью привела нас к изучению феномена мудрости, к психологической постановке проблемы мудрости, поскольку адекватная саморегуляция человека зависит не только от принципов организации субъектом своей жизнедеятельности, от наиболее обобщенных отношений личности к жизни и к себе. Рассмотрев различные тенденции и подходы в понимании людьми мудрости (теоретическая и житейская мудрость) и выявив составные компоненты человеческой мудрости (ум, знание, жизненный опыт, самообладание и саморегуляция), мы определили и ряд принципов или эвристик, на основе которых складывается мудрое

отношение человека к жизни (умение отличать главное от второстепенного, внутреннее спокойствие и другие). Владение этими эвристическими, как постарались мы показать, создает благоприятные психологические условия для осуществления человеком адекватной и эффективной мотивационной саморегуляции в жизнедеятельности. Но, с другой стороны, было отмечено, что хорошая мотивационная саморегуляция личности является одним из необходимых условий формирования мудрого отношения к жизни.

В данной главе монографии были также выявлены и рассмотрены различные факторы мотивационной саморегуляции, которые относятся к свойствам личностной мотивации, условиям мотивационной регуляции, способам осуществления и результатам этой регуляции, вопросы объективации личностью мотивационных образований, различных психологических стратегий и приемов регуляции личностью своей мотивации. Рассмотрены и некоторые другие аспекты мотивационной саморегуляции в жизнедеятельности личности.

Думается, проведенный в этой главе монографии анализ механизмов мотивационной саморегуляции личности, сделанные выводы и данные рекомендации могут принести практическую пользу в деле воспитания, психологической диагностики и коррекции, самосовершенствования личности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Гармоничность и мудрость человека проявляются в той степени, в какой он овладевает своими потенциальными возможностями. Но в какой мере человек может овладеть ими? Думается, в такой, какую обуславливают потребности общественного и личностного развития.

В настоящее время наше общество вышло на новый, переломный этап своего развития. Ускорение социального и экономического развития страны на основе научно-технического прогресса требует от каждого человека смелой актуализации своих духовных, моральных и физических свойств. А в дальнейшем эти требования еще более возрастут. Следовательно, человек должен раскрывать в себе все новые способности и возможности. Но каков его психологический потенциал, необходимый для этого? В данной монографии мы попытались ответить на мотивационный аспект этого вопроса, утвердить и научно обосновать огромные творческие и регуляторные возможности личности по отношению к своей мотивации. Личность поистине является и в еще большей степени может явиться субъектом своей мотивации. Это мы попытались показать на примере изучения различных аспектов и психологических механизмов мотивационной саморегуляции личности.

Регуляция человеком своих мотивационных процессов и состояний является одним из основных факторов его личностной саморегуляции. Значение мотивационной саморегуляции личности в жизнедеятельности человека трудно переоценить. От характера ее протекания зависит не только разрешение критических жизненных ситуаций, но и повседневная жизнедеятельность людей, постановка и реализация больших и малых дел. Многие жизненные трудности по существу сводятся к трудностям осуществления именно мотивационной саморегуляции. Они вызываются осложнениями в управлении некоторыми мотивационными тенденциями, в корректировке различных побуждений, в актуализации необходимых мотивов и т. д. Постановка таких проблем саморегуляции субъекта жизнедеятельности, как мотивационные, делает возможным более конкретно раскрыть их сущностные моменты.

Проведенное исследование позволило нам: проследить переход от ситуационной регуляции мотивационной сферы человека к ее

личностной саморегуляции в процессе онтогенеза; выявить единицы, системные и аддитивные свойства ситуационного и личностного уровней организации мотивационной сферы человека, внутриуровневые и межуровневые мотивационные отношения; изучить функционально-генетические этапы преобразования побуждения в мотив (особенно проанализировать этап принятия мотива личностью); выделить различные кризисы (осознания, принятия, реализации, закрепления, актуализации) формирования мотивационных образований, показать адекватные и неадекватные способы преодоления личностью одного из этих критических состояний — «кризиса принятия мотива»; поставить психологическую проблему принципов, обуславливающих адекватное отношение человека к жизни (феномен «мудрости») и способствующих эффективной мотивационной саморегуляции личности; наметить принципы построения методики изучения мотивационной саморегуляции личности с описанием некоторых факторов, относящихся к свойствам личностной мотивации, условиям, способам и результатам регуляции человеком своей мотивации; определить место и значение объективации мотивационных образований личности в мотивационной саморегуляции субъекта; описать различные психологические стратегии и приемы осуществления регуляции человеком мотивационных процессов и состояний.

Полученные результаты имеют не только научное, но и практическое значение. Люди интуитивно, а также более или менее осознанно и целенаправленно стараются определить и выработать оптимальные для своей личности и жизнедеятельности параметры мотивационной саморегуляции. Но этого часто оказывается недостаточно для осуществления адекватной и эффективной регуляции личностью своей мотивации. Выработка научных основ, методик определения соответствующих параметров мотивационной саморегуляции личности и практических рекомендаций, несомненно, будет способствовать обогащению содержания и средств развиваемой в нашей стране системы психологических служб.

Проведенное исследование позволило также выяснить принципы и возможности регуляции человеческой мотивацией в зависимости от воздействия на разные уровни ее организации. Показана и обоснована (путем привлечения системных принципов) возможность управления и регуляции одних мотивов человека посредством воздействия на соотнесенные или соотносимые с ними мотивы. Этот весьма распространенный, но недостаточно эксплицированный в практике воспитания, управления и психологической коррекции принцип должен получить свою дальнейшую методическую разработку и практическое применение.

На XXVII съезде КПСС было указано на необходимость большей эффективности идеологической и пропагандистской работы. Но достаточно ли делается для того, чтобы предъявляемые общественные требования и призывы превратились в действительные личностные мотивы? Представляется, что обоснованное выше по-

ложение о непробуемости внутренних и внешних побуждений, стимулов, требований общества, призывов без их смысловой идентификации, положительного осмысления и включения в иерархию субъективно-значимых ценностей в личностные мотивы должно найти широкое практическое воплощение в идеологической и пропагандистской работе. Необходимо ясно осознать, что активность жизненной позиции личности, способ жизнедеятельности человека существенным образом зависят от того, насколько личность широко соотнесла и осмысленно приняла свои мотивы.

Практическое значение вывода о том, что способ реализации мотива выступает и как компонент его психологического содержания, состоит в ориентации воспитателя не просто на формирование необходимых мотивов в сознании человека, но и на необходимость овладения личностью адекватными способами реализации своих целей, желаний и устремлений.

В настоящее время в психологии интенсивно разрабатывается проблема жизненных кризисов личности. Стало очевидно, что в определенные периоды и моменты жизни люди не лишены своего рода «нормативных» кризисов. Кроме того, жизненные кризисы могут быть следствием стечения различных обстоятельств и субъективных трудностей. Все это имеет значение не только для соответствующих служб и специалистов. Всякая воспитательная и управленческая работа с людьми также должна быть ориентирована на необходимость знания и овладения адекватными принципами разрешения жизненных кризисов, необходимыми эвристиками саморегуляции человека в жизнедеятельности. В этом отношении практическую пользу могут принести соответствующие положения и выводы нашего исследования, где показаны мотивационные основы и принципы личностной саморегуляции.

Дальнейшее развитие намеченных линий исследования предполагает работу по созданию многофакторной модели мотивационной саморегуляции человека, практических методик изучения регуляции личностью мотивационных процессов и состояний на базе предложенной концепции, разработку основ эвристических принципов мотивационной коррекции и тренинга. Иные перспективы заключаются в онтогенетическом и пролонгированном исследовании особенностей мотивационной саморегуляции людей, изучении соотношений между процессами саморегуляции и профессиональным ростом и продвижением человека, его жизненными кризисами. Автор не только не исключает, но и надеется на другие возможные подходы к дальнейшему исследованию проблемы мотивационной саморегуляции личности.

Список использованной литературы

1. Маркс К. Из экономических рукописей 1857—1858 годов // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 12 С. 709—738.
2. Маркс К. Исповедь. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 31. С. 491—492.
3. Ленин В. И. Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве (отражение марксизма в буржуазной литературе) // Полн. собр. соч. Т. 1. С. 347—534.
4. Горбачев М. С. Политический доклад ЦК КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1986.— 124 с.
5. Абаев Н. В. Чань-буддизм и культура психической деятельности в средневековом Китае. Новосибирск: Наука, 1983.— 125 с.
6. Абу Хамид ал Газали. Воскрешение наук о вере. Избранные главы. М.: Наука, 1980.— 376 с.
7. Абульханова-Славская К. А. Деятельность и психология личности. М.: Наука, 1980.— 335 с.
8. Абульханова-Славская К. А. Личностные механизмы регуляции деятельности // Проблемы психологии личности. Советско-финский симпозиум. М.: Наука, 1982. С. 92—98.
9. Абульханова-Славская К. А. О путях построения типологии личности // Психологический журнал, 1983, т. 4, № 1. С. 14—29.
10. Авдеева Н. Н. Изучение относительной побудительной силы осознаваемых мотивов различной временной перспективы с применением техники гипноза // Вопросы психологии, 1976, № 5. С. 120—127.
11. Аверинцев С. С. Христианство // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 758—760.
12. Аверьянов А. Н. Система: философская категория и реальность. М.: Мысль, 1976.— 188 с.
13. Адамович А., Гранин Д. Главы из блокадной книги. Новый мир, 1977, № 2. С. 25—158.
14. Акофф Р., Эмери Ф. О целеустремленных системах. М.: Советское радио, 1974.— 272 с.
15. Аль-Фараби. Социально-этические трактаты. Алма-Ата: Наука, 1973.— 400 с.
16. Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука.— 380 с.
17. Андреевкова Н. В. Социализация личности в период начала трудовой деятельности // II Международный коллоквиум по социальной психологии (г. Тбилиси, 19 июня — 4 июля 1970 г.). Тезисы. Тбилиси, 1970. С. 200—206.
18. Анохин П. К. Избранные труды. Философские аспекты теории функциональной системы. М.: Наука, 1978.— 400 с.
19. Анцыферова Л. И. К психологии личности как развивающейся системы // Психология формирования и развития личности. М.: Наука, 1981. С. 3—19.

20. Анцыферова Л. И. Методологические проблемы психологии развития // Принцип развития в психологии. М.: Наука, 1978. С. 3—20.
21. Анцыферова Л. И. Некоторые теоретические проблемы психологии личности // Вопросы психологии, 1978, № 1. С. 37—49.
22. Анцыферова Л. И. О динамическом подходе к психологическому изучению личности // Психологический журнал, 1981, т. 2, № 2. С. 8—18.
23. Анцыферова Л. И. Принцип связи психики и деятельности и методология психологии // Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1969. С. 57—117.
24. Анцыферова Л. И. Психология личности как «открытой системы» // Вопросы психологии, 1970, № 5. С. 168—177.
25. Анцыферова Л. И. Системный подход к изучению формирования и развития личности // Проблемы психологии личности. Советско-финский симпозиум. М.: Наука, 1982. С. 140—147.
26. Аристотель. Большая этика // Соч.: В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 295—373.
27. Аристотель. Метафизика // Соч.: В 4-х т. Т. 1. М.: Мысль, 1976. С. 63—367.
28. Аристотель. Никомахова этика // Соч.: В 4-х т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. С. 53—293.
29. Аронсон Э. Теория диссонанса: прогресс и проблема.— в кн.: Современная зарубежная социальная психология. Тексты / Под ред. Г. М. Андреевой, Н. Н. Богомоловой, Л. А. Петровской. М.: Издательство МГУ, 1984. С. 111—126.
30. Асеев В. Г. Мотивация поведения и формирование личности. М.: Мысль, 1976.— 158 с.
31. Асеев В. Г. Структурные характеристики мотивационной системы личности // Психологические проблемы социальной регуляции поведения. М.: Наука, 1976. С. 172—186.
32. Асеев В. Г., Спивак Е. В. Мотивация деятельности и повышение эффективности социалистического соревнования // Социально-психологические аспекты социалистического соревнования. М.: Наука, 1977. С. 50—64.
33. Асмолов А. Г. Деятельность и установка. М.: Издательство МГУ, 1979.— 151 с.
34. Асмолов А. Г. Личность как предмет психологического исследования. М.: Издательство МГУ, 1984.— 105 с.
35. Асмус В. Ф. Религиозно-философские трактаты Л. Н. Толстого // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 23. С. V—XXXI.
36. Афанасьев В. Г. Системность и общество. М.: Политиздат, 1980.— 368 с.
37. Баканов Е. Н. Стадии развития волевых процессов // Вестник МГУ. Психология, 1977, № 4. С. 12—22.
38. Бибрих Р. Р., Орлов А. В. Преодоление в зарубежной психологии традиционных факторных подходов к детерминации поведения // Вестник МГУ. Психология, 1977, № 2. С. 37—43.
39. Блауберг И. В., Садовский В. Н., Юдин Б. Г. Философский принцип системности и системный подход // Вопросы философии, 1978, № 8. С. 39—52.
40. Блауберг И. В., Юдин Э. Г. Становление и сущность системного подхода. М.: Наука, 1973.— 270 с.
41. Бобнева М. И. Социальные нормы и регуляция поведения. М.: Наука, 1978.— 311 с.
42. Божович Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте. М.: Просвещение, 1968.— 464 с.
43. Божович Л. И. Проблема развития мотивационной сферы ребенка // Изучение мотивации поведения детей и подростков. М.: Педагогика, 1972. С. 7—44.
44. Божович Л. И. Психологические закономерности формирования личности в онтогенезе // Вопросы психологии, 1976, № 6. С. 45—53.
45. Божович Л. И. Устойчивость личности, процесс и условия ее фор-

- мирования // Формирование личности в коллективе. XVIII Международный психологический конгресс. Симпозиум 35. М.: 1966. С. 101—111.
46. Божович Л. И. Этапы формирования личности в онтогенезе // Вопросы психологии, 1978, № 4. С. 23—35.
47. Божович Л. И. Этапы формирования личности в онтогенезе // Вопросы психологии, 1979, № 2. С. 47—56.
48. Божович Л. И. Этапы формирования личности в онтогенезе // Вопросы психологии, 1979, № 4. С. 23—34.
49. Божович Л. И., Ендовицкая Т. В., Славина Л. С. Цель, намерение и их побудительная сила // Проблемы формирования социогенных потребностей. Материалы I Всесоюзной конференции (4—6 ноября 1974 г., Тбилиси). Тбилиси, 1974. С. 14—17.
50. Божович Л. И., Славина Л. С., Ендовицкая Т. В. Опыт экспериментального изучения произвольного поведения // Вопросы психологии, 1976, № 4. С. 55—68.
51. Бонгард-Левин Г. М., Герасимов А. В. Мудрецы и философы древней Индии. М.: Наука, 1975.— 367 с.
52. Бочаров Г. Н., Грибов Ю. Т. Что человек может. Яркий огонек в окне. М.: Правда, 1984.— 384 с.
53. Братко А. А. Методы психологии и системный подход // Системный метод и современная наука. Вып. 2. Новосибирск, 1972. С. 154—160.
54. Брушлинский А. В. Взаимосвязь процессуального и личностного аспектов мышления (методологический анализ) // Мышление: процесс, деятельность, общение. М.: Наука, 1982. С. 5—49.
55. Вазина К. А. Целеустремленность у дошкольников в игровой деятельности // Вопросы психологии, 1978, № 5. С. 79—86.
56. Вайсман Р. С. Развитие мотивационной сферы человека в старшем (студенческом) возрасте. Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М.: Издательство МГУ, 1973.— 28 с.
57. Валлон А. Психическое развитие ребенка. М.: Просвещение, 1967.— 196 с.
58. Василюк Ф. Е. Психологический анализ преодоления критических ситуаций: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1981.— 214 с.
59. Василюк Ф. Е. Психология переживания. М.: Издательство МГУ, 1984.— 200 с.
60. Веденов А. В. Роль внутренних противоречий и способов их преодоления в развитии личности // Вопросы психологии, 1959, № 1. С. 51—62.
61. Вилюнас В. К. Теория деятельности и проблема мотивации // А. Н. Леонтьев и современная психология. М.: Издательство МГУ, 1983. С. 191—200.
62. Вилюнас В. Эмоции и ситуативное развитие мотивации // Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Развитие эргономики в системе дизайна». 29 октября — 2 ноября. Боржоми, 1979. С. 243—247.
63. Возрастная и педагогическая психология. / Под ред. А. В. Петровского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1979.— 288 с.
64. Волков П. П., Круглянский В. Ф. Системный подход как методологическая ориентация в науке // Системный подход и психиатрия. Минск: Вышэйшая школа, 1976. С. 5—96.
65. Виготский Л. С. Из записных книжек // Вестник МГУ. Психология, 1977, № 2. С. 89—95.
66. Ганзен В. А. Системные описания в психологии // Вестник ЛГУ. Экономика, философия, право, 1977, вып. 1, № 5. С. 86—91.
67. Ганзен В. А. Системные описания в психологии. Л.: Издательство ЛГУ, 1984.— 176 с.
68. Головина Л. М. Ситуация выбора задач после успеха-неуспеха как модель изучения процесса целеобразования // Новые исследования в психологии, 1976, № 1. С. 29—32.
69. Гордон В. М., Зинченко В. П. Структурно-функциональный анализ психической деятельности // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1978. С. 136—151.

70. Грасиан Б. Карманный оракул. Критикон. М.: Наука, 1982— 631 с.
71. Григорьева Т. П. Мудрецы, правители и мастера // Человек и мир в японской культуре. М.: Наука, 1985. С. 135—165.
72. Гуань-цзы // Древнекитайская философия. Собр. текстов: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1973. С. 14—57.
73. Данг Суан Хуай, Гуткина Н. Н. К характеристике мотивации поведения младших школьников // Вопросы психологии, 1975, № 4. С. 87—98.
74. Джидарьян И. А. О месте потребностей, эмоций и чувства в мотивации личности // Теоретические проблемы психологии личности. М.: Наука, 1974. С. 145—169.
75. Дзержинский Ф. Дневник заключенного. Письма. М.: Молодая гвардия, 1966.— 336 с.
76. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979.— 620 с.
77. Додонов Б. И. Задачи формирования нового человека и некоторые вопросы психологии личности // Вопросы психологии, 1981, № 5. С. 22—23.
78. Журавлев Г. Е. Системные проблемы развития математической психологии. М.: Наука, 1983.— 288 с.
79. Завадская Е. В. Культура Востока в современном западном мире. М.: Наука, 1977.— 168 с.
80. Залесский Г. Е. Психологические вопросы формирования убеждений. М.: Издательство МГУ, 1982.— 119 с.
81. Запорожец А. В. Развитие произвольных движений. М.: Издательство АПН РСФСР, 1960.— 429 с.
82. Зейгарник Б. В. Личность и патология деятельности. М.: Издательство МГУ, 1971.— 100 с.
83. Ибн Сина. Избранные философские произведения. М.: Наука, 1980.— 551 с.
84. Иванников В. А. Формирование побуждения к действию // Вопросы психологии, 1985, № 3. С. 113—123.
85. Изард К. Эмоции человека. М.: Издательство МГУ, 1980.— 440 с.
86. Имедадзе И. В. Проблема полимотивации поведения // Вопросы психологии, 1984, № 6. С. 87—94.
87. Кабус-намэ. 2-е изд. М.: Издательство восточной литературы, 1958.— 295 с.
88. Каган М. С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа) М.: Политиздат, 1974.— 328 с.
89. Кемеров В. Е. Философские и социологические предпосылки теории мотивации // Вопросы философии, 1972, № 5. С. 43—50.
90. Кемпински А. Психопатология неврозов. Варшава: Польское медицинское издательство, 1975.— 400 с.
91. Кикнадзе Д. А. Потребности. Поведение. Воспитание. М.: Мысль, 1968.— 148 с.
92. Китаев-Смык Л. А. Психология стресса. М.: Наука, 1983.— 368 с.
93. Коган Л. Н. Цель и смысл жизни человека. М.: Мысль, 1984.— 252 с.
94. Ковалев В. И. К проблеме мотивов // Психологический журнал, 1981. Т. 2, № 1. С. 29—44.
95. Ковалев В. И., Сырников Н. А. Мотивы труда и адаптации рабочих // Психологический журнал, 1985. Т. 6, № 6. С. 49—50.
96. Козелецкий Ю. Психологическая теория решений. М.: Прогресс, 1979.— 504 с.
97. Колисник А. П. О природе волевого усилия // Теоретические и прикладные исследования психической саморегуляции (Тезисы докладов научной конференции 28—29 ноября 1974 г.). Казань: Издательство Казанского университета, 1976. С. 85—89.
98. Кон И. С. В поисках себя. М.: Политиздат, 1984.— 335 с.
99. Кон И. С. Психология юношеского возраста. (Проблемы формирования личности). М.: Просвещение, 1979.— 175 с.
100. Корнев В. И. Сущность учения буддизма // Философские вопросы буддизма. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1984. С. 10—20.

101. Коченов М. М., Николаева В. В. Мотивация при шизофрении. М.: Издательство МГУ, 1978.— 88 с.
102. Кроник А. А. Психологические основания типологии индивидуальных стилей жизни // *Стиль жизни личности. Теоретические и методологические проблемы*. Киев: Наукова думка, 1982. С. 165—199.
103. Крутова Е. М. Пути формирования трудолюбия у учащихся. М.: Высшая школа, 1969.— 79 с.
104. Кузьмин В. П. Исторические предпосылки и гносеологические основания системного подхода // *Психологический журнал*, 1982. Т. 3, № 3. С. 3—14.
105. Кузьмин В. П. Принцип системности в теории и методологии К. Маркса. 2-е изд. М.: Политиздат.— 312 с.
106. Лао-цзы. Дао-дэ-цзин // Ян Хин Шун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение.— М.— Л.: Издательство АН СССР, 1950. С. 115—159.
107. Ларошфуко Ф. Максимы // Ларошфуко Ф. Максимы. Паскаль Б. Мысли. Лабрюйер Ж. Характеры. М.: Художественная литература, 1974. С. 29—108.
108. Леви В. Искусство быть собой. М.: Знание, 1977.— 208 с.
109. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М.: Политиздат, 1977.— 304 с.
110. Леонтьев А. Н. Потребности и мотивы деятельности // *Психология: Учебник для педагогических институтов*. 2-е изд. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства просвещения РСФСР, 1962. С. 362—376.
111. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы и сознание // *Мотивы и сознание в поведении человека*. XVIII Международный психологический конгресс. Симпозиум 13. М., 1966. С. 5—12.
112. Леонтьев А. Н. Потребности, мотивы, эмоции. Конспект лекций. М.: Издательство МГУ, 1971.— 39 с.
113. Леонтьев А. Н. Проблемы развития психики. 4-е изд. М.: Издательство МГУ, 1981.— 584 с.
114. Леонтьев А. Н. Психическое развитие ребенка дошкольного возраста. М.— Л.: Издательство АПН РСФСР, 1948. С. 4—15.
115. Лисовский В. Т. Зависимость жизненных планов молодежи от пола и возраста // *Возрастная психология взрослых*. (Теоретическая и прикладная). Тезисы докладов к научной конференции 27—29 октября 1971 г. Выпуск 11. Л.: 1971. С. 22—27.
116. Лихтенберг Г. К. Афоризмы. М.: Наука, 1964.— 207 с.
117. Ломов Б. Ф. Задачи психологической науки в свете решений XXVI съезда КПСС и июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС // *Психологический журнал*, 1983. Т. 4, № 6. С. 3—19.
118. Ломов Б. Ф. Личность в системе общественных отношений.— *Психологический журнал*, 1981. Т. 2, № 1. С. 3—17.
119. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.— 444 с.
120. Ломов Б. Ф. О путях развития психологии // *Вопросы психологии*, 1978, № 5. С. 31—43.
121. Ломов Б. Ф. О системном подходе в психологии // *Вопросы психологии*, 1975, № 2. С. 31—45.
122. Ломов Б. Ф. Проблема личности в советской психологической науке // *Проблемы психологии личности. Советско-финский симпозиум*. М.: Наука, 1982. С. 4—11.
123. Лосев А. Ф. Диоген Лаэртский и его метод // *Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов*. М.: Мысль, 1979. С. 5—59.
124. Лукач Й. Пути богов. М.: Политиздат, 1984.— 248 с.
125. Люблинская А. А. Детская психология. М.: Просвещение, 1971.— 416 с.
126. Магнуссон Д. Ситуационный анализ: эмпирические исследования соотношений выходов и ситуаций // *Психологический журнал*, 1983. Т. 4. № 2. С. 28—33.

127. Мазур Е. С. Смысловая регуляция деятельности: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 1983.— 17 с.
128. Маркова А. К., Орлов А. Б., Фридман А. М. Мотивация учения и ее воспитание у школьников. М.: Педагогика, 1983.— 64 с.
129. Матюхина М. В. Мотивация учения младших школьников. М.: Педагогика, 1984.— 144 с.
130. Менчинская Н. А. Развитие психики ребенка. Дневник матери. М.: Издательство АПН РСФСР, 1957.— 184 с.
131. Мерлин В. С. Лекции по психологии мотивов человека. (Учебное пособие для спецкурса). Пермь, 1971.— 120 с.
132. Мерлин В. С. Проблемы экспериментальной психологии личности (главы из книги) // *Проблемы экспериментальной психологии личности. Пермский педагогический институт. Ученые записки*. Том 77, вып. 6. Пермь, 1970. С. 8—212.
133. Миллер Д., Галантер Ю., Прибрам К. Планы и структура поведения. М.: Прогресс, 1965.— 238 с.
134. Момов В. Норма и мотив поведения // *Вопросы философии*, 1972, № 8. С. 107—117.
135. Монтень М. Опыты. Книги первая и вторая. 2-е изд. М.: Наука, 1979.— 703 с.
136. Морозов В. С. Социальный интерес и поведение личности. М.: Знание, 1977.— 64 с.
137. Москаленко А. Т., Сержантов В. Ф. Личность как предмет философского познания. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1984.— 319 с.
138. Муздыбаев К. Психология ответственности. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1983.— 240 с.
139. Мухина В. С. Близнецы. М.: Просвещение, 1969.— 416 с.
140. Мухина В. С. Дневник матери. М.: Знание, 1977.— 96 с.
141. Мясищев В. Н. Личность и неврозы. Л.: Издательство ЛГУ, 1960.— 426 с.
142. Неверович Я. З. Развитие воли у дошкольника // *Психология личности и деятельности дошкольника*. М.: Просвещение, 1965. С. 71—107.
143. Нюттен Ж. Мотивация // *Экспериментальная психология* / Под ред. П. Фресса и Ж. Пиаже. Вып. V. М.: Прогресс, 1975. С. 15—110.
144. О задачах психологической науки и журнала «Вопросы психологии» в текущем году // *Вопросы психологии*, 1979, № 1. С. 3—8.
145. Обуховский К. Психология влечений человека. М.: Прогресс, 1972.— 247 с.
146. Овчинников В. В. Ветка сакуры. М.: Молодая гвардия, 1971.— 223 с.
147. Опыт системного исследования психики ребенка / Под ред. Н. И. Непомнящей. М.: Педагогика, 1975.— 232 с.
148. Павлов И. П. Ответ физиолога психологам // *Полн. собр. соч.* 2-е изд. Т. III. Кн. 2. М.— Л.: Издательство АН СССР. 1961. С. 153—188.
149. Павлов И. П. Рефлекс цели // *Полн. собр. соч.* 2-е изд. Т. III. Кн. 1. М.— Л.: Издательство АН СССР, 1951. С. 306—314.
150. Патяева Е. Ю. Ситуативное развитие и уровни мотивации // *Вестник МГУ. Психология*, 1983, № 4. С. 23—33.
151. Петровский А. В. Личность в психологии с позиций системного подхода // *Вопросы психологии*, 1981, № 1. С. 57—66.
152. Петровский А. В. Личность. Деятельность. Коллектив. М.: Политиздат, 1982.— 255 с.
153. Петровский В. А. К психологии активности личности // *Вопросы психологии*, 1975, № 3. С. 26—38.
154. Платон. Протагор. Соч.: В 3 т. Т. 2. М.: Мысль, 1973. С. 14—57.
155. Платонов К. К. Краткий словарь системы психологических понятий. М.: Высшая школа, 1984.— 174 с.
156. Платонов К. К. Система психологии и теория отражения. М.: Наука, 1982.— 309 с.

157. Радхакришнан С. Индийская философия. Т. 2. М.: Издательство иностранной литературы, 1957.— 731 с.
158. Роговин М. С. Развитие структурно-уровневого подхода в психологии // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1974. С. 187—234.
159. Роговин М. С. Структурно-уровневые теории в психологии (методологические основы). Ярославль: Издательство Ярославского госуниверситета, 1977.— 79 с.
160. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. М.: Издательство АН СССР, 1957.— 328 с.
161. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. 2-е изд. М.: Учпедгиз, 1946.— 704 с.
162. Рубинштейн С. Л. Принципы и пути развития психологии. М.: Издательство АН СССР, 1959.— 354 с.
163. Рубинштейн С. Л. Проблемы общей психологии. 2-е изд. М.: Наука.— 416 с.
164. Рубинштейн С. Л. Человек и мир (отрывки из рукописи) // Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1969. С. 348—374.
165. Руководство по психотерапии / Под ред. В. Е. Рожнова. 2-е изд., доп. и перераб. Ташкент: Медицина, 1979.— 620 с.
166. Садовский В. Н. Основания общей теории систем. М.: Наука, 1974.— 279 с.
167. Садовский В. Н. Принцип системности, системный подход и общая теория систем // Системные исследования. Ежегодник. М.: Наука, 1978. С. 7—25.
168. Святош А. М. Неврозы. 3-е изд. М.: Медицина, 1982.— 368 с.
169. Селиванов В. И. О побудительных силах поведения личности.— Вопросы психологии, 1957, № 3. С. 106—113.
170. Секст Эмпирик. Соч.: В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1976.— 421 с.
171. Селье Г. Стресс без дистресса. М.: Прогресс, 1982.— 123 с.
172. Семенов А. А., Ядов В. А. Целостность диспозиционной структуры // Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности. Л.: Наука, 1979. С. 70—81.
173. Системные механизмы мотивации / Под ред. К. В. Судакова. М.: Медицина, 1979.— 199 с.
174. Смирнов С. Д. Психологическая теория деятельности и концепция Н. А. Бернштейна // Вестник МГУ. Психология, 1978, № 2. С. 14—25.
175. Столин В. В. Перспективы развития теории деятельности и проблема мотивации // Развитие эргономики в системе дизайна. Тезисы докладов Всесоюзной конференции. 29 октября—2 ноября. Боржом, 1979. С. 322—328.
176. Столин В. В. Самосознание личности. М.: Издательство МГУ, 1983.— 284 с.
177. Сухотина-Толстая Т. Л. Воспоминания. М.: Художественная литература, 1980.— 527 с.
178. Тарасов Г. С. Проблемы духовной потребности. М.: Наука, 1979.— 191 с.
179. Телегина Э. Д., Волкова Т. Г. Мотивация и процессы целеобразования. Психологические механизмы целеобразования. М.: Наука, 1977. С. 21—51.
180. Теория и практика аутогенной тренировки / Под ред. В. С. Лобзина. 2-е изд., перераб. и доп. Л.: Медицина, 1980.— 272 с.
181. Толстой Л. Н. Дневник // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 3—204.
182. Толстой Л. Н. Исповедь. (Вступление к ненапечатанному сочинению) // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. Т. 23. С. 1—59.
183. Тютин В. С. Методологические вопросы математизации психологического знания // Психология и математика. М.: Наука, 1976. С. 43—58.
184. Уемов А. И., Жариков В. Ю. Выражение свойств личности через системные параметры // Логика и методология системных исследований. Киев—Одесса: Вища школа, 1977. С. 247—253.

185. Узнадзе Д. Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966.— 451 с.
186. Узунова В. Г. Роль ценностных ориентаций и социальных установок как факторов мотивации поведения личности // Вестник ЛГУ. Экономика, философия, право. 1975, вып. 4, № 23. С. 135—138.
187. Унт Я. В. Стоицизм // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 654—655.
188. Файзуллаев А. А. Принятие мотива личностью // Психологический журнал, 1985. Т. 6. № 4. С. 87—96.
189. Филиппов А. В., Ковалев С. В. Ситуация как элемент психологического тезауруса // Психологический журнал, 1986. Т. 7, № 1. С. 14—21.
190. Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983.— 840 с.
191. Франкфорт Г., Франкфорт Г. А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В. преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М.: Наука, 1984.— 236 с.
192. Фрейд З. О психоанализе. Пять лекций. М.: Книгоиздательство «Наука», 1912.— 67 с.
193. Фрейд З. Основные психологические теории в психоанализе. М.—Петроград: Государственное издательство, 1923.— 207 с.
194. Фрейд З. Я и ОНО. Л.: Академия, 1924.— 62 с.
195. Фресс П. Эмоции // Экспериментальная психология / Под ред. П. Фресса и Ж. Пиаже. Вып. V. М.: Прогресс, 1975. С. 111—195.
196. Фридрих Д. Некоторые процессы детерминации поведения // Вопросы психологии, 1968, № 5. С. 146—156.
197. Холл А. Д., Фейджин Р. Е. Определение понятия системы // Исследования по общей теории систем. М.: Прогресс, 1969. С. 252—282.
198. Цицерон М. Т. О природе богов // Древнеримские мыслители. Киев: Издательство Киевского госуниверситета, 1958. С. 5—15.
199. Чеснокова И. И. Самосознание, саморегуляция, самодетерминация личности // Проблемы психологии личности. Советско-финский симпозиум. М.: Наука, 1982. С. 121—126.
200. Честерфилд. Письма к сыну. Максимум. Характеры. М.: Наука, 1978.— 327 с.
201. Чудновский В. Э. Нравственная устойчивость личности: психологическое исследование. М.: Педагогика, 1981.— 208 с.
202. Чхартишвили Ш. Н. Проблема воли в психологии // Вопросы психологии, 1967, № 4. С. 72—81.
203. Шавир П. А. Психология профессионального самоопределения в ранней юности. М.: Педагогика, 1981.— 96 с.
204. Шадриков В. Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М.: Наука, 1982.— 185 с.
205. Шаров Ю. В. Вопросы психологии духовных потребностей // Проблемы формирования духовных потребностей личности. Научные труды Новосибирского госпединститута. Вып. 47. Новосибирск, 1970. С. 6—206.
206. Шердаков В. Н. Смысл жизни как философско-этическая проблема // Философские науки, 1985, № 2. С. 41—50.
207. Шилов В. Н. К проблеме смысла жизни // Философские науки, 1985, № 2. С. 35—40.
208. Шорохова Е. В. О естественной природе и социальной сущности человека. // Биологическое и социальное в развитии человека. М.: Наука, 1977. С. 65—81.
209. Шорохова Е. В. Проблема сознания в философии и естествознании. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1961.— 363 с.
210. Шорохова Е. В. Тенденции исследований личности в советской психологии // Проблемы психологии личности. Советско-финский симпозиум. М.: Наука, 1982. С. 11—24.
211. Эльконин Д. Б. Детская психология. (Развитие ребенка от рождения до семи лет). М.: Учпедгиз, 1960.— 328 с.

212. Эпиктет. В чем наше благо? (Избранные мысли) // Древнеримские мыслители. Киев: Издательство Киевского госуниверситета, 1958. С. 105—117.
213. Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М.: Наука, 1975. С. 89—105.
214. Якобсон П. М. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М.: Просвещение, 1969.— 377 с.
215. Якобсон С. Г. Психологические проблемы этического развития детей. М.: Педагогика, 1984.—144 с.
216. Яценко А. Н., Веселаго А. В., Халилова М. М. Некоторые аспекты системного подхода к исследованию личности // Логика и методология системных исследований. Киев — Одесса: Вища школа, 1977. С. 239—247.
217. Allport G. W. Pattern and Growth in Personality. N. Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1964.— 593 p.
218. Allport G. W. Personality and Social Encounter. Selected Essays. Boston: Beacon Press, 1968.— 388 p.
219. Akishige Y. The Principles of Psychology of Zen. // Psychological studies on Zen. V. II. Tokyo, Published by Komazawa University, 1978. P. 1—63.
220. Barker R. G. Ecology and Motivation // Nebraska Symposium on Motivation, 1960. P. 1—49.
221. Barker R. G. Exploration in Ecological psychology // American psychologist, 1965, v. 20, N 1. P. 1—14.
222. Bertalanffy L. von. General System Theory. Foundation, Development, Application. N. Y.: George Braziller, 1969.— 289 p.
223. Bertalanffy L. von Robots, Men and Mind. Psychology in the modern World. N. Y.: George Braziller. 1967— 150 p.
224. Cofer C. N., Appley M. H. Motivation: theory and research. Third printing. N. Y.: John Wiley and sons, inc., 1966.— 958 p.
225. Craik K. H. Environmental psychology // Annual review of psychology, vol. 24, 1973. P. 403—422.
226. Crumbaugh J. C., Maholick L. T. An Experimental Study in Existentialism: The Psychometric Approach to Frankl's Conception of Noögenic Neurosis // Psychotherapy and Existentialism. (Selected papers on Logotherapy by V. E. Frankl). N. Y.: A Touchstone Book Published by Simon and Schuster, 1967. P. 183—198.
227. Festinger L. A. Theory of Cognitive Dissonance. Stanford: Stanford University Press, 1957.— 291 p.
228. Festinger L. The motivating effect of cognitive dissonance // Assessment of Human Motives N. Y.: Rinehart a. Company. inc., 1958. P. 65—86.
229. Frankl V. E. The Doctor and the Soul. From Psychotherapy to Logotherapy. Harmondsworth: Pinguin Books, 1973.— 268 p.
230. Freud A. The Ego and the Mechanisms of Defence. Revised Edition. N. Y.: International Universities press. inc., 1977.— 191 p.
231. Kagan G. Motives and Development // Journal of Personality and Social Psychology, 1972, vol. 22, № 1. P. 51—66.
232. King J. A. Ecological Psychology: An Approach to Motivation // In: Nebraska symposium on Motivation. 1970. Lincoln: University of Nebraska press, 1970. P. 1—33.
233. Lewin K. A. Dinamic Theory of Personality. Selected Papers. N. Y.: McGraw Hill Books company, inc.. 1935.— 286 p.
234. Madsen K. B. Theories of Motivation: An Overview and Synthesis // Human motivation. A Symposium. Lincoln: Univ. of Nebraska press, 1965. P. 114—138.
235. Maslow A. H. Criteria for Judging Needs to be Instinctoid // Human motivation. A Symposium. Lincoln: Univ. of Nebraska press, 1965. P. 33—47.
236. Maslow A. N. Motivation and Personality. N. Y.: Harper and Brothers publishers, 1954.— 411 p.
237. Miller J. G. Toward a general theory for the behavioral Sciences // American Psychologist, 1955. N 10. P. 513—531.

238. Nowlis V. The Development and Modification of Motivational Systems in Personality // Current theory and research in motivation. A Symposium. Lincoln: University of Nebraska press, 1953. P. 114—138.
239. Wicker A. W. Ecological Psychology. Some Recent and Prospective Developments // American Psychologist. 1979, vol. 34, N 9. P. 755—765.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Системная рефлексия в современной науке и проблема мотивации	6
Системный подход и психология	7
Системные идеи в исследованиях мотивации личности	13
Глава II. Мотивационная сфера человека: от ситуационной регуляции к личностной саморегуляции	22
Ситуационный уровень побуждений человека	24
Личностный уровень мотивационной сферы	37
Глава III. Личность как субъект мотивации	53
Принятие мотива личностью	54
«Кризис принятия мотива»	66
Реализация мотива в поведении и деятельности	76
Отношения между уровнями организации мотивационной сферы человека	81
Глава IV. Мотивационная саморегуляция и жизнедеятельность личности	91
Саморегуляция, самообладание и мудрость	93
Личность и ее мотивация	105
Заключение	123
Список использованной литературы	126

АЛИШЕР АМАНУЛЛАЕВИЧ ФАЙЗУЛЛАЕВ

Мотивационная саморегуляция личности

Утверждено Ученым советом кафедры философии АН УзССР.
Бюро отделения философских, экономических и юридических наук АН УзССР.

Редактор И. С. Водовозова
Художник И. А. Циганов
Технический редактор О. А. Мосина
Корректор А. А. Ковалева

ИБ № 3986

Сдано в набор 10.10.86. Подписано к печати 24.02.87. Р 17544. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,5. Уч.-изд. л. 9,3. Тираж 1770 экз. Заказ 1288. Цена 1 р. 40 к.

Издательство «Фан» УзССР. 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

Ордена Трудового Красного Знамени типография издательства ЦК КП Белоруссии. 220041, Минск, Ленинский проспект, 79.

1 р. 40 к.